

ФЕВРАЛЬ | 2021

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ЛЕВ ТЕРМЕН

И МАГИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

СВОИХ НЕ БРОСАЕМ

ПРОШЛО УЖЕ НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ ПОСЛЕ ТОГО, как началась новая волна преследований русских журналистов в Латвии. В том числе вломились тогда в дом к нашему постоянному автору Алле Березовской, произвели обыск, а против нее самой завели дело по обвинению в нарушении антироссийских санкций. Собственно, дело заведено по факту сотрудничества с российскими СМИ. Теперь в Латвии само по себе это считается преступлением.

Формально наших коллег преследуют за то, что они сотрудничают с медиагруппой МИА «Россия сегодня», глава которого Дмитрий Киселев действительно находится под санкциями (но не сама медиагруппа, до такого не додумались). Тем самым как бы заявляется принцип «коллективной ответственности». Довольно редкий случай в современной европейской юриспруденции, скажем прямо. Если не вообще уникальный.

В ответ была довольно резкая реакция российского МИДа, назвавшего это все «карательной акцией», а также многих российских коллег. Однако на «общеевропейском уровне» волна протестов, мягко говоря, не поднялась. Вот если бы журналистов – своих или зарубежных – «обидел» российский «кровавый режим», тогда от возмущенных заявлений и требований санкций не было бы отбоя.

Подобное уже давно не удивляет. Однако не грех будет вспомнить в том числе и об этом очередном проявлении принципа «двойных стандартов», когда нашей стране снова начнут читать лекции о демократии и свободе слова. Ну а мы будем продолжать публиковать статьи и репортажи Аллы Березовской. И даже, может быть, дадим слово «другой стороне». Если она прекратит брызгать слюной от ненависти ко всему русскому и научится вести цивилизованный диалог. ■

ИНТЕРВЬЮ

06 Сила русского цвета

ИСТОРИЯ

12 Пандемия холеры.
Первый удар

20 Забытая
победа

НАСЛЕДИЕ

26 Печальная
насмешница

34 «Я всегда был
ничьим человеком»

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

42 Обыкновенный гений

МУЗЕИ

48 «Рефлекс цели»
Ивана Павлова

58 Олени и семь
слоников

КУЛЬТУРА

66 Город архитектурного авангарда

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ ЛЮДИ И ВРЕМЯ

74 Искатель

80 «Если начнется мировая война, я этого не замечу...»

РЕПОРТАЖ

90 Тропа в Комаровский скит

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Арина АБРОСИМОВА
Мария БАШМАКОВА
Александр БУРЫЙ
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Ирина КРЕМЕНЬ
Марина КРУГЛЯКОВА
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Зоя МОЗАЛЁВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Денис ХРУСТАЛЁВ
Марина ЯРДАЕВА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Сайт журнала:
<https://rusmir.media>
Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке:
коллаж Антона БИЗЯЕВА

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Помощник президента
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент межрегионального общественно-государственного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.

Ректор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.

Директор департамента науки, высоких технологий и образования Аппарата Правительства Российской Федерации

НИКОНОВ В.А.

Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

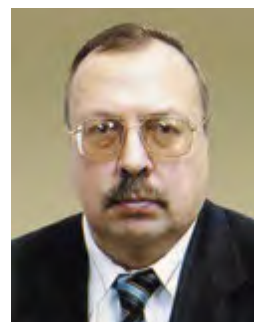
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.

Помощник заместителя председателя правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Посол по особым поручениям МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.

Помощник президента Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.

Председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

СИЛА РУССКОГО ЦВЕТА

БЕСЕДОВАЛА

АРИНА АБРОСИМОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЭТО ЖИВОПИСЬ КОНТРАСТОВ: НАДРЫВНАЯ ЭКСПРЕССИЯ И ИМПРЕССИОНИСТИЧЕСКАЯ ПИКТОРИАЛЬНОСТЬ, ОТРЕШЕННЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕЙЗАЖИ И ТОНКОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ИНТИМНОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ, НЕВЫРАЗИМАЯ И ОТКРОВЕННАЯ БОЛЬ, СТОЛКНОВЕНИЕ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В СОЛНЕЧНОМ ЭКСТАЗЕ, ОБРЕТЕНИЕ ВЫХОДА ИЗ ЧЕРНОГО КВАДРАТА... ИТАЛЬЯНСКАЯ ХУДОЖНИЦА ЭЛИДЕ КАБАССИ ВЫРОСЛА В МНОГОДЕТНОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬЕ, ПОЛУЧИЛА ОБРАЗОВАНИЕ ВО ФЛОРЕНТИЙСКОЙ АКАДЕМИИ, В МАНИФЕСТАЦИЯХ СТУДЕНТОВ БОРОЛАСЬ ЗА СОЦИАЛЬНОЕ РАВЕНСТВО И, ОДНАЖДЫ ПОПАВ В РОССИЮ, ЗАХОТЕЛА ЗДЕСЬ ЖИТЬ... В САМОМ ЦЕНТРЕ МОСКВЫ, В МУЗЕЕ ИМЕНИ Н.А. ОСТРОВСКОГО, МЫ ВМЕСТЕ С ЭЛИДЕ НЕ СПЕША БРОДИМ ПО ЕЕ ВЫСТАВКЕ «ПРЕДЕЛ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ» – КТО ЛУЧШЕ РАССКАЖЕТ О СВОИХ КАРТИНАХ, КАК НЕ САМ АВТОР?

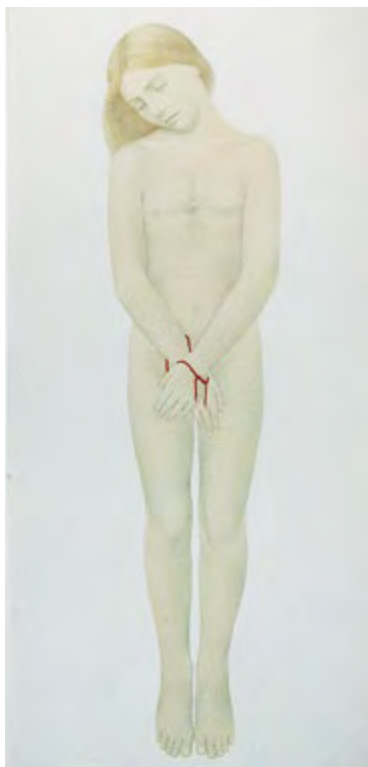
— Я УЖЕ ДОВОЛЬНО ДАВНО НЕ подписываю свои картины – мне абсолютно все равно. Главное – чтобы они были! Многие говорят, что подписи все-таки нужна. А я считаю, что не нужна. Представляете, если бы здесь, под ликом ангела, было написано «Элиде Кабасси»? Вот на обороте – сколько угодно можно подписывать. Понимаете, неважно, кто писал картины – я, вы или он. Важно, чтобы эта картина была.

– Некоторые ваши картины напоминают иконы...

– Именно тогда, когда я стала все больше обращаться к таким темам, у меня стала исчезать подпись. Последние работы отчетливо связаны с иконами, даже абстрактные. Понимаете, я, в принципе, всегда все делаю бессознательно. А потом могу об этом размышлять. К примеру, над картиной «Жертвоприношение Ифигении» я работала шесть лет. Конечно, параллельно писала и другое. Был даже период, когда я ее оставила, сомневалась, думала: надо ли писать такую трагическую картину? И получилось, что она не передает безысходный трагизм – это как раньше писали распятия. Она не живая и не мертвая. И очень связана с идеей распятия. Жертвенность, трагедия, но в рамках сдержанности, без крика. Это очень важно для меня.

– А это – ангел?

– Одна из самых главных картин, она посвящена нашему средневековому художнику Дуччо ди Буонинсенция, жившему в Италии в XIII–XIV веках, когда в искусстве преобладали византийские мотивы. Но это, конечно, не копия... Византийское искусство было и в России, и в Италии – в этом наши страны очень близки. Здесь именно византийская линия, универсальный образ ангела. Византийский лик «строился» в течение многих веков – культура росла слой за слоем, и вышел такой уникальный образ. Я современный человек, но этот образ живет во мне, и вот так я его интерпретирую.

Жертвоприношение Ифигении.
2016 год

– А что вам хотелось привнести своего в канонический образ?

– На самом деле это идет инстинктивно и подсознательно, сама не знаю, как происходят эти процессы. Но если художник слишком много думает о том, что он делает, он уже не художник – это что-то другое. Моя выставка называется «Предел и бесконечность». В принципе, вся моя живопись рождается на этой вибрации: жизнь и смерть, свет и тень... С этой картиной – так же. Смотрите, она как бы находится на границе: с одной стороны, есть отсылка к иконе, это однозначно лик ангела, с другой – понятно, что это не икона, чувствуется, что это – человек.

Ангел.
По мотивам
композиции
Дуччо «Маэста».
2011–2012 годы

Я всегда вижу: в каждом человеке есть ангел. И знаете, что главное? Есть такая тайна: если вы видите ангела в другом человеке, то ангел будет проявляться в нем больше. Как ответ. С этим я экспериментировала уже много раз.

– Если вы склонны видеть в каждом ангела, то, наверное, знакомы с утверждением Достоевского в романе «Братья Карамазовы»: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»? Тогда бесы тоже есть...

– Да, конечно, бесы есть во всех. Я думаю, главная задача в жизни каждого человека – бороться именно со своим бесом. Эту же мысль формулировал и Бердяев. Но это же – и христианская, и любая религиозная глубокая мысль, вопрос этики и морали. В принципе, суть жизни заключается в том, что в каждом человеке есть свет и тьма, и мы должны делать все, чтобы в нашей внутренней битве побеждал свет. Можно одержать победу над другим человеком, но победа над своим собственным дьяволом – это самая трудная борьба. И мы все знаем, как нам трудно освободиться от собственного зла. Поэтому главное – не спрятаться от самого себя, быть настолько смелым, чтобы смо-

треть в глаза этому внутреннему злу. Если мы не будем обращать внимания на него, если мы не хотим в этом признаться, тогда мы не можем бороться. Это самообман, и люди живут с ним, к сожалению. Для меня живопись – моя самая светлая часть, вот тут выходит мой ангел. Это то, что я хочу дарить людям – этот свет. Моя любимая публика – пенсионерки. Они приходили на мои выставки – не знаю, сколько раз! Они действительно очень глубокие ценители. К сожалению, в этот карантинный период им не разрешают бывать на выставках, и мне их очень не хватает... И я очень благодарна, что Музей имени Островского решил повторить мою выставку после пандемии, в апреле или мае – чтобы люди все-таки смогли ее увидеть.

– Элиде, вы общаетесь с публикой лично. Люди делятся впечатлениями? Задают вопросы?

– Да! Русский человек, в отличие от западного, переживает все душой – искусство, литература, поэзия в состоянии изменить русского человека. Западные люди более холодны, у них подходы ко всему через разум. Они часто могут встречаться с очень глубокими произведениями, но это не меняет их сути, их состояния. А в русском

человеке я это очень люблю. Но не все такие, конечно, и сейчас, я заметила, все очень изменилось. Я семнадцать лет не выставлялась и замечаю разницу во всем...

– У вас есть маленькие картины и большие полотна, но размер не имеет значения – все работы камерные, с внутренним содержанием и как будто боятся расплескать его во внешний мир...

– Вот огромная картина «Красная зима» вся погружена в себя. Я тогда собиралась совершенно другую картину писать, но началась война в Чечне, у меня там очень близкая подруга живет, она чеченка. Я помню, это было перед Новым годом, когда я услышала ужасные новости, – и у меня все изменилось. И картина конструируется спонтанно, как-то сама – это медленная, медитативная импровизация, без предварительного рисунка, сразу красками...

– И это – похоронная процессия или я ошибаюсь?

– Там были страшные события, и, в принципе, здесь есть и чеченская война, и война универсальная – когда человек все теряет, и то, о чем вы говорите – тоже, конечно. И мне даже неважно, кто

виноват. Для меня главное – народ, люди. Как обычно, простые люди – первые жертвы. Я помню, отправляли молодых ребят, которые еще не служили в армии и вообще ничего не знали, и они погибли. И можно посвятить эту картину просто матерям и отцам – и чеченским, и русским, которые потеряли своих детей на войне. Метафизический момент – красное и белое – такое событие жизни, с которым человек сталкивается постоянно.

– Почему у него именно такое цветовое определение – белое и красное?

– Здесь красный цвет несет смысл более глубокий – это смысл жизни. В хорошем и в плохом. Красный – также любовь, кровь, наша жизнь. Да, иногда и трагизм, и красота этой жизни. Но русская-то красота – «красивый» и «красный» в русском языке это однокоренные слова. И в этом есть что-то... Красный цвет – это прекрасно! И красный на фоне белого снега – меня особенно впечатлило это сочетание... Я именно в России почувствовала всю силу русского цвета! Особенно зимой, когда красные кустарники стоят или рябина. Кстати, и в сказках очень часто встречается это символическое сочетание. Белый – символ

Красная зима.
1994–1995 годы

чистоты, божественного. А красный – символ жизни, трагедии, любви – это земное. И скос света на картине – это трагизм. Но у меня нет безвыходного трагизма. Я не люблю это – видеть все трагично и не видеть выхода. Для меня всегда есть выход, пока человек живет.

– **А какой выход из трагедии?**

– Выход из трагедии – это внутренняя сила человека, его внутренний свет. Люди держатся благодаря своему внутреннему свету. Воля идти вперед, несмотря ни на что, любить другого, идти вместе. Глядя на распятие и вознесение Христа, я думаю: да, он проигрывал, потому что потерял жизнь, но это – его внутренняя победа. Он победил. И каждый раз, когда человек сумеет что-то сделать, исходя именно из этого внутреннего света, он всегда победитель! Даже если то, что он делает, вроде бы ничего не меняет вокруг него – он все равно победитель. Ничего не исчезает в этом мире – ни хорошее, ни плохое. Любая вещь, которую мы делаем, остается навсегда. Это вечно. И будет точка, когда мы встретимся со всей нашей прожитой жизнью.

– **Закольцовывается все?**

– Да, закольцовывается! И я уверена, будет момент итога для всех. К сожалению, люди живут не задумываясь об этом, не верят в это.

– **Вы имеете в виду итог общий или для каждого свой?**

– Для каждого свой. Это индивидуально очень, я думаю. Знаете, многие видят в моей картине «Сквозь свет» сцену из части «Рай» «Божественной комедии» Данте. «Сквозь свет» – это единый поток, мы все вместе, но очень хорошо видны лица людей – и старых, и молодых, и детских. То есть каждый несет свою душу, несмотря на то, что есть какой-то общий поток.

– **Но если говорить о шестии душ, что обозначает эта разделительная линия?**

– Я думаю, это граница – когда человек пересекает линию жизни. Переход от жизни к смерти –

очень легкий, они еще видны, но едва-едва. Здесь есть «Троица» Рублева, которую еле-еле видно, – вот эти три ангела, но зритель должен очень стараться разглядеть, что там происходит. Ведь если человек живет духовно, он уже ощущает потустороннее пространство. Для него этот порог – не такое сильное изменение. Он чувствует уже при жизни эту глубокую суть.

– **Но смерть воспринимается в обществе как трагедия, и ее цвет, цвет траура – черный, если мы говорим о христианстве. У вас все происходит в солнечном свете, а эта роковая граница – радужная. Вы пытаетесь изменить устоявшееся представление?**

– Если человек умеет жить, он умеет и умереть. Это тоже большое искусство. Греки говорили, что мудрый человек – тот, кто размышляет не о жизни, а о смерти. И для меня этот порог страшен, лишь когда умирают дети, когда люди умирают в войнах, когда умирают трагически. Тогда я не очень понимаю... воспринимаю этот порог, он становится непонятным и темным. У меня есть картина – семилетний человек, который умер по ошибке в больнице. Она посвящается детям, которые так умирали, и родителям, которые потеряли их. В этом случае смерть очень печальна для меня. А если человек живет и потихоньку идет к своему концу... Я, например, уже чувствую его. Как-то спокойно к этому отношусь и вижу в этом и красоту. Я вижу красоту вообще.

– **И там – именно солнце и радуга?**

– Солнце – это символ нетелесного света. И в Библии, и в тибетской философии радуга – символ перехода жизни. Во всех культурах радуга – это символическое. Конечно, мы видим физически разложение света, это очень красиво. Меня всегда удивляет радуга! А потом – темнота. Но я думаю, что, если бы у нас был по-другому устроен глаз, мы бы видели, может быть, чуть больше света в этой темноте.

– **И картина «Сквозь свет» – предположение, что есть нечто большее, чего мы просто не видим?**

– Да! Велимир Хлебников говорил, что мир – это структура знаков, несущих какую-то символику. Просто мы не понимаем этого. Но если жить с сосредоточенностью и с вниманием, можно очень многое понять. Каждый день есть какие-то знаки, которые нас ведут к тому, что все-таки не все кончается тут.

– **В 1910 году Кандинский, размышляя о духовности в искусстве, заметил, что каждый предмет в мире для ребенка оказывается новым впечатлением, открытием и даже потрясением, а взрослое восприятие более поверхностно. Вы работаете с детьми. С одной стороны, безусловно, вы обогащаете их видение мира, а с другой – можно ли говорить, что при общении с ними вы поддерживаете свое детское восприятие?**

Фрагмент
картины
«Сквозь свет».
1999 год

– Однозначно! Я всю жизнь занимаюсь с детьми. Когда мне было 3 с половиной года, родилась моя первая племянница, и я сразу начала ее учить. У меня в Италии еще 30 племянников. И когда наши ребята из детского дома летом уезжают в Крым, я езжу в Италию на два-три месяца каждый год – там ждут меня все мои племянники, мы с ними постоянно занимаемся. Я очень это люблю. Я все время нахожусь с детьми. Мне этот момент передачи очень важен в жизни – друг другу что-то передать. Вот дети из детского дома, с которыми я занимаюсь... У всех – трагические судьбы, они очень больны, но то, что они видят – необыкновенная красота. Их индивидуальная, внутренняя, свободная красота... И обычно я говорю, что педагог должен быть максимально молчаливым человеком. Он не должен спешить, передавая свое знание и навыки. Сначала дети должны найти себя и потихоньку в себе что-то открывать. И тогда в их картинах появляется уникальная красота, у каждого она неповторимая. Мне самой очень интересна эта выставка: здесь и моя живопись, и работы моих ребят.

– Но если их красота влияет на ваше состояние, то почему в вашей живописи столько трагедии?

– Но ведь моя живопись находит выход из этого трагизма. Знаете, я такой закоренелый оптимист! Да, у меня, в принципе, трагическое понимание мира, а внутри живет упорный оптимист. Думаю, это связано с тем, что я постоянно нахожусь с детьми.

– Элиде, вот издали это – «Черный квадрат», но подходишь ближе, видишь, что из черноты есть выход – то, о чем мы с вами говорим...

– Метафорично, да. Это выход за «Черный квадрат». Есть, конечно, ассоциация с «Черным квадратом» Малевича. Это было очень важное произведение. Но здесь есть связь и со стихотворением Мандельштама, картина называется «И все, что будет, – только обещанье». Читала это стихотворение и возникла картина. Вот темнота, чернота, но все равно ты идешь за нее, дальше... В прин-

ципе, в этом и пессимизм, и оптимизм, потому что все, что будет, – только обещание. У Стендаля тоже была фраза: красота есть обещание счастья, но нигде не сказано, что это обещание будет исполнено.

И то, что это «только обещанье», меня не обескураживает. Для меня обещание – это свет.

– Элиде, а можно сказать, что эта картина – ваш диалог с Мандельштамом?

– Я его очень чувствую. В молодости больше любила Марину Цветаеву, она импульсивна, ритм очень быстрый, изломанный – это мне сейчас уже не очень близко, хотя я считаю, что она великий поэт. А когда читаешь Мандельштама, будто попадаешь в готический собор. Он все строит очень прочно. Его поэзия очень повлияла на меня. Даже в построении образа: лаконизм, ничего лишнего.

– В 1995 году вы посвятили картину Дмитрию Шостаковичу – с чем это было связано?

– Я всегда очень любила Шостаковича. Когда мне было 22 года, я открыла его музыку для себя. Я тогда жила в Англии и все лето слушала только Пятую симфонию. Я считаю, что Шостакович – один из самых великих композиторов! У него, вот опять, ничего лишнего. Я люблю искусство, когда чувствуется духовная символическая структура без лишних деталей. Кстати, вот почему я очень люблю иконы. В настоящих иконах есть этот синтез формы без ничего. И в Шостаковиче есть такое. В Шостаковиче звучит весь космос! Я не знаю, был он религиозным или нет, но там чувствуется религиозный момент, не связанный с какой-то конкретной верой. Понимаете...

– Сакральность.

– Сакральность, да! Это музыка космоса...

– Итальянка в Лондоне влюбляется в музыку русского композитора Шостаковича... Непростой сюжет. Как вам пришла в голову идея жить в России и почему это желание не пропадает?

Дмитрию
Шостаковичу.
1995 год

– В декабре исполнилось 28 лет, как я приехала в Россию. У нас, особенно в Тоскане, вообще многие люди придерживаются «левых» убеждений. Я думала, что Советский Союз – рай. И потом поняла, что здесь нет рая. Но зато я открыла для себя русскую душу! Очень трудно передать словами, но мне с русскими уютно. Ну, как и с итальянцами – я не отвергаю свои корни. Это состояние русского человека – не говорю обо всех, естественно, но знаю многих людей, которые мне очень близки. Валерий Турчин – первый искусствовед, который выставил мою живопись в России, в ЦДХ, когда это был еще серьезный зал. Потом предлагали работать в итальянской школе при посольстве. И начались выставки, раньше я делала очень много выставок! Четыре года я жила в доме великого искусствоведа Михаила Алпатова. Просто я знала его племянника, и он предложил мне там жить. Все книги в библиотеке Алпатова я пересмотрела...

Но в первый раз я приехала в период перестройки, в 1987 году, в 24 года – выиграла стипендию в Институте русского языка имени Пушкина, жила тут год. Я очень плохо знала русский язык,

была очень плохая студентка, потому что прогуливала. Вместо того чтобы серьезно заниматься фонетикой, я ходила на факультет философии, где читали лекции Сергей Аверинцев, Владимир Биbihин – великие люди. Первый раз им дали возможность читать лекции. Меня завораживала именно атмосфера, приходили студенты со всех факультетов, было открыто для всех – действительно что-то невероятное! И я не знала язык, записывала на диктофон, возвращалась домой и слушала тысячи раз, со словарем... Помню, было несколько полных аудиторий и ставили микрофоны в коридорах – сотни людей слушали Аверинцева. Один раз он читал лекцию с двух до девяти вечера без перерыва! Он был больной уже тогда, но стоял, и никто не выходил из аудитории. У него очень сложная философия, поэтому я вообще практически ничего не понимала, честное слово...

Понимаете, все это – совпадения. Но мне до сих пор здесь уютно. Только мой организм как-то страдает, уже часто болеет, устал от климата. Пока есть здоровье, буду жить здесь. Душой я всегда в России!

ПАНДЕМИЯ ХОЛЕРЫ. ПЕРВЫЙ УДАР

Холера в Европе.
Гравюра XIX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОТОВАРЕВЫМ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

СОВРЕМЕННОКАМ ПОРОЙ ТРУДНО ПРЕДУГАДАТЬ МАСШТАБ СОБЫТИЙ, ОЧЕВИДЦАМИ КОТОРЫХ ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ. ИНОГДА ОН СТАНОВИТСЯ ЯСЕН ЛИШЬ МНОГИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СПУСТЯ, КОГДА, НАПРИМЕР, В РУКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ СЛУЧАЙНО ПОПАДАЕТ СТАРЫЙ ОТЧЕТ ИЛИ РАПОРТ. И ТОГДА НА ПЕРВЫЙ ПЛАН НЕОЖИДАННО ВЫХОДЯТ НЕЗАМЕТНЫЕ ДЕТАЛИ, А ВСЯ КАРТИНА ПРЕДСТАЕТ В ИНОМ СВЕТЕ...

О КОРАБЛЕ «БОРОДИНО» известно немного. Подрядчики Российско-американской компании (РАК) приобрели его в 1819 году «на Темзе» в Великобритании, посчитав, что по своим параметрам, прежде всего по грузоподъемности до 600 тонн, он идеально подходит для доставки в Русскую Америку «вещей, потребных тамо как для кораблестроения и мореплавания, так и для содержания людей и охранения крепостей».

Название корабля говорит само за себя. Уже если британцы прониклись модой на русские названия и, судя по сообщениям «Северной почты» («Новой Санкт-Петербургской газеты») в мае 1813 года, называли построенные на своих верфях новые торговые корабли «Бородино», «Смоленск», «Москва», «Князь Кутузов», «Платов» и «Козак», то грех был бы и русским не использовать «память славного Бородинского сражения». В том же, 1819 году «Бородино» был снаряжен к плаванию. Ко-

мандиром его назначили капитан-лейтенанта Захара Ивановича Панафидина. За плечами опытного моряка была Средиземноморская экспедиция под командованием вице-адмирала Дмитрия Сенявина и руководство кругосветным плаванием на корабле РАК «Суворов». Экипаж «Бородино» помимо капитана состоял из 3 лейтенантов, 4 штурманских помощников, лекаря, 3 квартирмейстеров, 72 матросов, артиллерийского унтер-офицера, 3 канониров,

Русские корабли
во время
кругосветного
плавания.
1822–1825 годы.
Литография

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

4 служащих РАК, а также 23 промышленников. Из-за того, что «Бородино» вышел в море поздней осенью 1819 года, от западного маршрута плавания вокруг мыса Горн пришлось отказаться, чтобы избежать бушующих в этих широтах штормов. Зайдя для пополнения запасов провизии и воды в Рио-де-Жанейро, Панафидин принял решение идти в Ново-Архангельск (поселение в Русской Америке, основанное в 1799 году, ныне город Ситка. – Прим. ред.) восточным путем. Сокращая путь, Панафидин первым из русских мореплавателей двинулся от мыса Доброй Надежды через Зондский пролив. Решение это оказалось для «Бородино» роковым – когда в 1821 году корабль вернулся в Кронштадт, экипаж из 115 человек сократился до 75.

ПЕРВЫЕ СИМПТОМЫ

Судя по официальным сводкам, плавание прошло вполне благополучно. Так, автор статьи в «Отечественных записках», ограничившись кратким упоминанием о пяти умерших, бодро поведал о достигнутых успехах: «плавание сие было беспримерно счастливо: пройдя оба тропика, с 30 градуса северной широты корабль Бородино получил западные ветры, помощью их прошел между Азорскими островами и берегом Европы, что весьма редко удается совершать мореплавателям. 26 августа приблизился к мысу Лизарду, и 2-го сентября положил якорь в Эльзинере, на другой же день в Копенгагене. Пробыв в сем последнем месте 5 дней – прибыл благополучно 15 сентября на Кронштадтский рейд, не имев

Ново-
Архангельск.
1837 год.
Акварель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

уже из всей команды ни одного больного, при наилучшем состоянии корабля и всех к тому принадлежностей». Сам Панафидин, вернувшись на родину, казалось, чувствовал себя вполне счастливым: через месяц после прихода корабля в Кронштадт он женился на Александре Чистяковой, с которой был помолвлен накануне отправления «Бородино» в плавание.

Однако и он, и руководство Адмиралтейства прекрасно понимали, что скрывали победные реляции: плавание обернулось настоящей катастрофой! 30 сентября 1821 года морской министр маркиз Иван де Траверсе из своего поместья в Романшине направил военному губернатору Кронштадта Федору фон Моллеру запрос с требованием разобраться, почему на корабле наблюдалась столь высокая смертность. О потерях на «Бородино» сообщили в Зимний дворец – император Александр I распорядился начать следствие и учредить специальную комиссию «дабы строго изследовать, не было ли каких упущений со стороны капитан-лейтенанта Панафидина». В состав комиссии, созданной 31 октября 1821 года, включили только что вернувшихся из Антарктической экспедиции командиров шлюпов «Восток» и «Мирный» Фаддея Беллинсгаузена, Михаила Лазарева, а также будущего декабриста лейтенанта Константина Торсона.

По рапорту Панафидина комиссия восстановила ход событий. Когда «Бородино» прибыл в Рио-де-Жанейро, больных на борту не было, но во время перехода к Зондскому проливу от «горячки» в три дня скончался судового лекарь 1-го класса Карл Шпигельберг. 18 мая 1820 года «Бородино» зашел для небольшого ремонта и пополнения запасов питьевой воды в гавань у селения Анжер на острове Ява. Здесь на борт корабля «по неимению другой» была взята вода «из скопленной дождевой воды в бассейне, которая была беловата». Экипаж к этому моменту уже начала

охватывать неизвестная хворь. Первые пять заболевших жаловались на «разслабление тела» и кровавый понос. В Маниле от подозрительной воды избавились, но было уже поздно: во время стоянки скончались один матрос и два промышленника. Однако экипаж это не насторожило. В донесении от 28 июня 1820 года комиссионера корабля «Бородино» Ф. Красильникова Главному правлению РАК о посещении Манилы события описывались буднично: «...в оном 17 майя стали на якорь в порте Антиле на острове Яве для дополнения воды на питье, простояли до 21-го числа. А потом снялись, шли тихими ветрами Каспарским проливом и Китайским морем, встречались почти каждый день с тифонами и [с]мерчами; опасностей и повреждения в корабле не имели. В продолжении сего вояжа лишились мы доктора Карла Шпигельберга, 29 майя волею божиею помер».

Болезнь между тем распространялась. Взятый на борт французский доктор Емануил Плантен исправить положение не смог: «ни попечение его, ни все меры предпринятые не истребили болезнь». Во время перехода из Манилы в Ново-Архангельск умерли еще шесть матросов и один промышленник.

Несмотря на болезни и тяжелую погоду, Панафидин продолжал на всем пути в Русскую Америку географические изыскания. В результате недалеко от архипелага Рюкю были открыты два необитаемых каменистых острова (острова Бородино), а в 240 милях к югу от Японии — остров Трех Холмов (позже переименован Крузенштерном в остров Панафидина).

К приходу «Бородино» в Ново-Архангельск скончались еще восемь человек. 19 умерли при 113-дневном переходе из Русской Америки в Рио-де-Жанейро. К этому моменту на борту «Бородино» насчитывалось 44 больных — их поместили на двухнедельный карантин, поселив в специально нанятый дом. При-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Доктор Джеймс Линд дает матросу лимон — средство от цинги. Иллюстрация

нятые меры принесли результат: в Копенгагене экипаж недосчитался только одного человека, скончавшегося от чахотки. Объясняя причины высокой смертности, Панафидин ссылался на следующие обстоятельства. Во-первых, качество воды, взятой в Анжере, а также влияние южного муссона и высокую влажность. Во-вторых, цинга или, как было принято называть эту страшную болезнь на Русском флоте — скорбут.

БИТВА С ЦИНГОЙ

Это была идея fix тогдашней медицины — здоровье и болезнь представляют собой результат взаимодействия между факторами внешней среды, прежде всего климатическими, и уникальной природой каждого человека. От правильного уравнивания этих разнородных факторов и зависит здоровье. Мир вокруг нас, согласно авторитетам тогдашней науки, заражен миазмами: продуктами гниения и прочими «зловонными испарениями». В глазах интеллектуалов XVIII века «ужасающий бульон» порчи, насыщенный заразными миазмами воздух, наполненный зловонием сточных канав и липкими запахами болезней, грозил человечеству ужасными последствиями. Особенно — в открытом море на крохотном корабле, переполненном десятками матросов, ютящихся в тесных сырых трюмах. Поэтому программа очистки «человеческих скоплений» превратилась в актуальную задачу любого морского плавания. А болезней на корабле всегда хватало: острые респираторные заболевания, оспа, туберкулез, кишечные инфекции, кожные заболевания, различные травмы и так далее.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Флаг Российско-американской компании. Утвержден императором Александром I в 1806 году

Основу профилактики составляли последовательные комплексные мероприятия. Они предусматривали, с одной стороны, организацию правильного здорового питания матросов – употребление свежих овощей и сокращение жирной пищи. С другой – меры личной гигиены, физический труд, рациональную организацию корабельной службы (трехсменные вахты) и проведение профилактических обеззараживающих мероприятий: окуривание кубрика порохом и обработку уксусом, истребление насекомых, сушку коек на солнце, разведение огня во внутренней части корабля для «рассеивания заразных паров». И, разумеется, ведущее место в лечении болезней занимала очистительная терапия: рвотные, слабительные, потогонные, мочегонные и другие подобные средства, а также столь любимые тогдашней медициной кровопускания. Однако все это не всегда оказывалось действенным в борьбе с цингой – загадочной болезнью, «чумой морей», ошибочно диагностируемой в те времена как разновидность проказы, дизентерии или сифилиса.

В противостоянии с цингой оказывались бессильны и кровопускания, и физический труд, и клизмы, и алкоголь. Доктора искали источник болезни в нехватке соли и сахара, полагали, что ее вызывает загустение крови, гнилостный воздух и отсутствие на корабле земельного дерна. В целях профилактики врачи применяли кровопускание, поили матросов настоями солода и сула, свято верили в целительные свойства уксуса, обрабатывали гнойники больных смесью ртути и сурьмы, лечили их, смешивая разбавленную серную кислоту с алкоголем, сахаром. Особенные проблемы с цингой испытывал британский флот, возможно, из-за того, что британские матросы пили эль, а, например, на испанских и французских судах – вино. Меньше использовали британцы и цитрусовые, значение которых как противочинготного средства было замечено моряками еще в XV веке. Польза от их применения

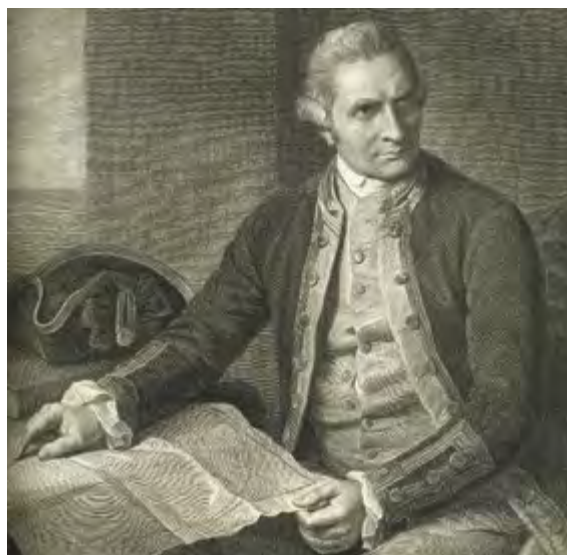

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Петр Симон
Паллас.
Гравированный
портрет

подчеркивалась в труде генерального хирурга Ост-Индской компании Джона Вудалла, изданном в 1617 году. Его рекомендации опробовал шотландский корабельный доктор Джеймс Линд, который в 1747-м провел первое в мире клиническое исследование, выяснив, что цитрусовые способны предотвратить развитие цинги. В «Трактате о цинге», вышедшем в 1753 году, Линд интуитивно связал цингу не с гниением, что являлось тогда официальной научной доктриной, а с нехваткой вырабатывающего коллаген витамина С, который еще только предстояло открыть. Но он не мог объяснить, за счет чего лимонный сок лечит цингу: Линд полагал, что лимонная кислота пробивает поры, закупоренные сыростью. Только в 1930-х годах биохимик Альберт Сент-Дьёрдьи доказал, что цинга вызывается недостатком витамина С, аскорбиновой кислоты.

Вильям Холл
Младший.
Капитан
Джеймс Кук.
Гравированный
портрет

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Кстати, методики Линда внимательно изучил Джеймс Кук, попытавшийся применить их на своих кораблях. Регулярные медицинские осмотры экипажа позволяли выявлять цингу на начальной фазе. На судах Кука насчитывались единичные случаи заболевания скорбутом, обошедшиеся, как принято считать, без смертельных исходов, что дало основание современникам увенчать капитана лаврами «победителя великой морской чумы». Мореплаватель был свято убежден в спасительной силе солода, дисциплины, диеты и благотворном влиянии цитрусовых. К недовольству экипажа, он широко экспериментировал с продуктами, заставляя матросов есть ненавистный им сельдерей, шинкованную и квашеную капусту, старался сократить потребление масла, увеличить количество свежих овощей и сахара. Разбавить же суровое корабельное меню следовало, по мнению Кука, густо уваренным, а потому, разумеется, утратившим витамин С, сиропом из лимонов и апельсинов, таблетками из уваренного до состояния желе молочного бульона, мармеладом из картофеля, тертой морковью и желе из ревеня. Сам мореплаватель вряд ли мог предположить, что в комплексе применяемых им противочинготных средств наиболее действенным оказалось богатое аскорбиновой кислотой еловое пиво, о пользе которого он узнал, сражаясь с французами в Канаде во время Семилетней войны. Кроме того, ему вряд ли могло прийти в голову, что его успехи объяснялись в немалой степени благодаря запрету использовать в пищу остатки соленого жира, который при нагревании в медных котлах выделял вредные вещества, которые препятствовали усвоению витаминов С и В.

Внимательно изучали методики лечения цинги и в России. Во время подготовки плавания Григория Муловского в Тихий океан в 1780-х годах академик Петр Симон Паллас сделал соответствующие выводы из наблюдений Кука, изложив их в издаваемом Академией наук «Месяцеслове».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Следуя рекомендациям Кука, академик составил список противочинготных продуктов, внося поправки в практику британца. В перечень Палласа попали кислая капуста, сушеный суп, соленый щавель, горчица, хрен, овсяная крупа, крепкое виноградное вино с Мадейры, можжевеловые ягоды, сахарный сироп, «из солоду сделанный экстракт, сосновая американская противочинготная эссенция и очень хорошо закупоренный солод». Паллас особо ратовал за использование сухарей из ржаных отрубей. По мнению академика, опасным продуктом являлась соль, а значит, не стоило увлекаться соленым мясом. Ведь самоеды и остяки, рассуждал Паллас, его не едят, питаются растительной пищей, и цинги среди них не замечено. А вот квас явно защищал от скорбута! В качестве доказательства Паллас сослался на опыт русских тюрем, в которых заключенные употребляют ржаной хлеб и квас, а горячки и других «гниющих болезней» не наблюдается. Замечательными свойствами обладал и «сбитень морской»: в камбузе надлежало установить печи и «в те печи вмазать большие медные котлы с крышками; на той кухне поставить большие чаны и приготовить бочки для варения». В состав напитка входило по 30 ведер вина, пива и уксуса, 15 ведер меда, 3,72 фунта имбиря и 1,84 фунта перца. Напиток следовало кипятить до уварки десятой

части, после чего «отнять» огонь, остудить и перелить сбитень в чаны, а через двенадцать часов разлить по бочкам в соотношении шесть частей воды к одной части отвара. Еще двенадцать часов подождать, пока сбитень закиснет, после чего давать его команде. И еще следовало использовать опыт поморов, изготавливавших клюквенный и морошковый «сыропы», на что, кстати, обращал внимание и Кук, отмечавший, что русские не только обладают «искусством из посредственной снеди изготовить вкусные блюда», наподобие «пудинга, или пирога из лососинной икры», но и используют такой полезный продукт, как «ягодный сок».

Но главным противочинготным средством оставалась квашеная капуста. В случае ее нехватки руководители плавания старались закупить в портах яблоки, картофель, батат, апельсины, тыквы, редьку и репчатый лук. В особых случаях можно было заготовить дикий щавель, брусничный сок и моченую бруснику. А Юрий Лисянский, например, опасаясь, что при переходе через Тихий океан на его «Неве» не будет хватать зелени, приказал добавлять в суп с солониной чайные листья, по воскресеньям же и четвергам матросам полагалась рисовая каша с патокой; по понедельникам и средам им давали пикули, по вторникам и пятницам рисовую кашу варили на «сушеном бульоне».

ПЕРВАЯ АЗИАТСКАЯ ПАНДЕМИЯ ХОЛЕРЫ

Члены комиссии настолько увлеклись исследованием соблюдения противочинготной профилактики, что прошли мимо важного обстоятельства: Панафидин в рапорте подчеркнул, что, когда «Бородино» пришел в Юго-Восточную Азию, в Кантоне, Маниле и Батавии свирепствовала какая-то болезнь. «Была большая смертность, к счастью еще нашему случившаяся по отбытию нашему из Манилы», – записал он в рапорте от 3 августа 1820 года. Захар Иванович был очень близок к истине в определении причины заболевания на «Бородино», но тогда, разумеется, никто не мог знать, что приход «Бородино» на Яву пришелся на самый пик холерной пандемии, унесшей жизни более 100 тысяч человек! Пандемия началась в 1817 году в пресноводных мангровых джунглях Сундарбана, нанеся первый удар по Калькутте. Она охватила Юго-Восточную Азию, Восточную Африку, Ближний Восток и Средиземноморское побережье и вошла в историю как Первая азиатская пандемия холеры (1817–1824). Распространялась болезнь с невиданной скоростью, в первую очередь поражая районы со сложной демографической ситуацией, где царила антисанитария. Осенью 1817 года холера двинулась по Гангу, охватывая полуостров Индостан и

Жертва холеры
в Индии.

Гравюра XIX века

свирепствуя в расквартированных здесь британских военных лагерях. Ее симптомы проявлялись внезапно: из-за потери организмом жидкости больной высыхал на глазах, превращаясь в живую мумию.

Возможные причины мутации холерного вибриона связывают с резкими изменениями климатических условий в 1810–1819 годах, к которым подтолкнули несколько, в том числе незадокументированных, вулканических извержений. Самым мощным из них стало катастрофическое извержение вулкана Тамбора на индонезийском острове Сумбава в апреле 1815 года. К таким выводам привело изучение изотопного состава полярных льдов Гренландии и Антарктиды, обнаружившее в слоях тех лет высокие концентрации серной кислоты. В результате был спровоцирован эффект «вулканической зимы», который ощущался на протяжении нескольких лет и вошел в историю как «год без лета»: в марте 1816 года в Европе стояла зима, весной было много дождей, шел град и снег, а в июне и июле в Америке начались заморозки. Средняя глобальная температура понизилась на 0,4–0,7°C, а температура земной поверхности в течение летних периодов 1816, 1817 и 1818 годов снизилась соответственно на 0,51°, 0,44° и 0,29°C.

На кораблях европейцев холера быстро пересекла океан, собрав на своем пути обильную смертельную жатву с торговых судов, совершавших рейсы по Юго-Восточной Азии. Как раз в 1817 году, когда холера начала

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Джордж Монбар.
Холера в Египте

делать первые шаги, американские судовладельцы приступили к организации регулярных рейсов между американскими и европейскими портами. Оживленные транспортные артерии оказались чрезвычайно удобными для невидимых патогенов: корабли превратились в плавающие рассадники холерной заразы. В рапорте Панафидина упоминалось судно датской Ост-Индской компании, прибывшее из Батавии, на котором погибло более половины команды! Сообщил Захар Иванович и о несчастьях, преследовавших 38-пушечный фрегат американских военно-морских сил «Конгресс», который под командованием капитана Джона Хинли в 1820 году возвращался из Кантона в США. На этом знаменитом корабле, прошедшем через горнила англо-американской и берберийских войн США против корсарских государств Северной Африки, погибло 68 человек, 26 из которых стали жертвами холеры. Панафидин, правда, приводил другие цифры: по его данным, на «Конгрессе» умерло 23 человека и 100 человек заболели.

РАССЛЕДОВАНИЕ

Для расследования случившегося на «Бородино» комиссия, подозревавшая главным виновником всего цингу, составила «вопросные пункты», ответить на которые должны были все участники плавания: сам Панафидин, его младший брат, лейтенант Всеволод Панафидин, лейтенанты Петр Чистяков, Дмитрий Никольской, возвращавшийся из Русской Америки Андрей Деливрон, лекарь Емануил Плантен, штурманский помощник 2-го класса Дионисий Зарембо, помощник унтер-офицерского чина Михайло Прокофьев, а также боцманмат Кирило Рейнер и 39 человек нижних чинов.

Изучение предложенных комиссией «вопросных пунктов» позволяет свести их по содержанию в три основные группы. В первую попали вопросы о соблюдении гигиенических правил на корабле: какие средства употреблялись для «очищения воздуха»; как часто менялось белье и мылись койки и «сами люди»; что происходило с одеждой умерших. Вторая группа вопросов относилась к организации карантина: где и каким образом изолировались больные, как за ними осуществлялся уход. В третьей группе – общие вопросы корабельной повседневности, касающиеся закупки свежей провизии и воды, организации досуга. Специальные допросные пункты касались лекаря Планта. Его расспрашивали о состоянии корабельной аптеки и, что крайне показательно, о реакции Панафидина на требования о закупке необходимых медикаментов. Особое следствие провели в отношении матросов. Их расспрашивали о том, как были организованы вахты, не приходилось ли им выходить больными на вахту, не спали ли они в мокром белье. Комиссию интересовало все – вплоть до мелочей: давали ли матросам чай, ром, делалось ли это только в ненастные дни или по воскресеньям, «имели» ли они «движение» в праздные

23-летняя женщина
до и после
заражения
холерой

дни, могли ли отдыхать, петь песни и веселиться.

По итогам расследования комиссия 27 декабря 1821 года признала, что в происшедшем с «Бородино» несчастье вины Панафидина нет. Разобрав «подробности всех обстоятельств подобной болезненности и смертности», комиссия донесла, что «со стороны командира и доктора не было сделано никаких упущений для сохранения здоровья команды и что болезнь происходила, вероятно от местных причин». Если и можно было что-то вменить Панафидину, то только злосчастную воду, набранную в Анжере, но капитан не мог знать о ее вредоносных качествах. «По имению в ней известковых частиц, — констатировала комиссия, — она вода вредна людям, не привыкшим ее употреблять». Причину болезней комиссия усмотрела также во вредных испарениях от болотистого острова.

В адрес Панафидина прозвучало только одно обвинение: непродуманная организация карантина и осуществление «беспрестанных работ» во время пребывания «Бородино» в Ново-Архангельске. Однако адресовалось ли обвинение одному Панафидину или рикошетом оно било и по администрации РАК, не принявшей мер по ликвидации инфекционного заболевания? Возможно, где-нибудь в архивах и содержится разгадка этого, но нам пока не удалось обнаружить прямых свидетельств ответственности РАК. Можно только догадываться, какие были задействованы рычаги, чтобы обелить руководство компании. Во всяком случае, косвенно об этом говорит судьба самого Панафидина. После этой истории карьера его сложилась печально: какое-то время он командовал брандвахтенным шлюпом «Открытие» на Свеаборгском рейде, затем его командировали в Архангельск. В апреле 1827 года Панафидина перевели в 1-й штурманский полужипаж на должность инспек-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Загрязненная
питьевая вода
распространяет
холеру.
Литография
XIX века

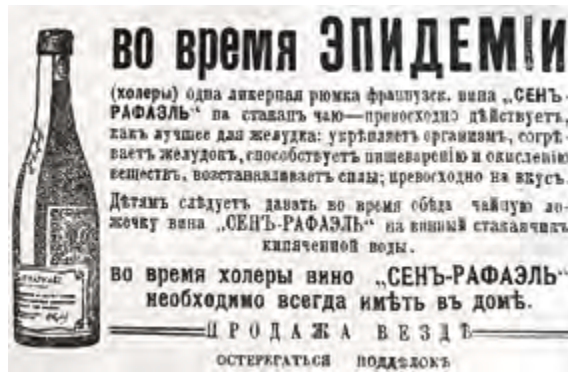
тора классов: дослужился он до чина капитана второго ранга (с переименованием в подполковники) и, не отмеченный никакими наградами за два кругосветных плавания и географические открытия, 11 августа 1830 года скончался от «водяной болезни» в возрасте 44 лет. Похоронен он был на православном кладбище в Кронштадте, ныне не существующем.

В решениях комиссии Беллинсгаузена–Лазарева–Торсона содержалось и немало методических рекомендаций по поводу будущих кругосветных экспедиций: организации маршрута, карантина и правил борьбы с цингой. Члены комиссии настоятельно требовали при плавании из Австралии в Ново-Архангельск обходить стороной Яву, Борнео и Суматру. Опа-

саясь повторения эпидемии, они рекомендовали оставлять больных в русских колониях. Если, например, военный корабль или судно РАК возвращались бы из Русской Америки, обходя мыс Горн без захода на острова Тихого океана и в испанские порты на западном побережье Южной Америки, где в тот момент шла Война за независимость, то следовало «оставлять трудно больных или цингою зараженных в тех краях, до возвращения другого корабля. Люди же сии нездоровые могут быть поддержкой тому краю или Американской компании». По мнению членов комиссии — опытных моряков, за плечами которых было тяжелое плавание в антарктических широтах, — первейшей обязанностью командира и офицеров корабля являлось охранение здоровья матросов. Водка, вино и ром, как они полагали, приносят не слишком много пользы. Но еще хуже, когда непьющим матросам вместо алкоголя выдают деньги, «ибо многие не пьют водки единственно только ради того, чтобы накопить денег». Намного полезнее алкоголя в условиях тропиков пить чай, причем не только по воскресеньям, так как «беспрерывный днем и ночью пот густит в человеке кровь и наконец производит цингу». Следовало бороться с влажностью, неизменной спутницей цинги — для этого рекомендовалось набивать в постели «коневий вареный волос, а не другой какой, либо шерсть животных, которые легко принимают сырьость и удобно оную сохраняют».

В целом же члены комиссии остались верны пищевой противцинготной диете Кука, дополнив ее новыми ингредиентами и рецептами. При приготовлении, например, овощей и зелени следовало дать продуктам лучше упреть, «ибо всякая зелень в теплом климате гораздо жостче, не удобоварима для желудка и не упрямши хорошо, производит понос». Осторожность следовало проявлять и

Рекламный
плакат XIX века:
во время
эпидемии
холеры вино
«Сен-Рафаэль»
необходимо
иметь в доме

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Так сегодня
выглядит
Митрофаниев-
ское кладбище.
Санкт-Петербург.
Ноябрь 2020 года

ОПАСНОСТЬ, КОТОРУЮ ПРОГЛЯДЕЛИ

1 февраля 1822 года заключение комиссии было представлено Александру I. Его авторы остались верны всем постулатам по борьбе с эпидемическими заболеваниями, но благодаря уникальному опыту плавания в антарктических широтах несколько их подкорректировали. И пропустили новую глобальную эпидемию! Хотя предостережения о новой эпидемиологической угрозе уже поступали. Так, о «некоторых признаках холеры» сообщил Филипп Кашеваров, промышленник в Русской Америке и учитель школы на Кадьяке и в Ново-Архангельске, обративший внимание на необычные симптомы болезни у матросов с «Бородино». Помимо моряков жертвой холеры стал, по-видимому, и первый главный правитель русских колоний в Америке, Александр Баранов. Снятый со своего поста, он весной 1819 года возвращался в Россию. «12 апреля вышли из Батавии, – писали директора РАК В. Крамер и А. Северин главному правителю Русской Америки и зятю Баранова Семену Яновскому, – и после пяти дней выхода, а именно 16 апреля, старец Алек-

сандр Андреевич, ваш любезный тесть, переселился в вечность. Он, живши в Батавии в трактире, заразился лихорадкой и при старости и дряхлости не мог ее перенести».

Но разве могли тогда в Петербурге распознать новую болезнь? Возбудитель холеры будет выделен Филиппо Пачини в 1854-м, Джоном Сноу в 1855-м и Робертом Кохом в 1883 году, но перед этим миру придется не один раз пройти через смертоносные эпидемии этой страшной болезни...

Осенью 1823-го холера добралась до Астрахани и Южного Урала, но вымерзла из-за холодной зимы 1823/24 года. В 1830-м в Россию вторглась вторая холерная волна: не встретив поначалу достойного медицинского отпора, она уничтожила около 200 тысяч человек и вызвала серию жестоких погромов и бунтов. Жертвами эпидемии стали бывший морской министр маркиз де Траверсе и генерал-гидрограф флота Гавриил Сарычев. Не пощадила холера и блистательного русского мореплавателя вице-адмирала Василия Головнина, немало сделавшего для процветания Русской Америки. Его похоронили на южной окраине Санкт-Петербурга, возле деревни Тентелевка, где в 1830-х годах появилось специальное холерное кладбище, Митрофаниевское. Кладбище вместе с семейным склепом Головинных разрушили в 1930-х годах, надгробия использовали при постройке административных зданий. Полностью же закрыли кладбище после Великой Отечественной войны. На его месте в 1950-е годы располагалась самая большая в Ленинграде барахолка, а сейчас вся территория бывшего кладбища занята складами, гаражами и свалками. 📍

при замачивании солонины. Комиссия советовала «артельные сетки с солониной класть в общую большую сетку из дюймовки или полуторки сделанную, привязав на конце бушприта опустить в море, чтобы колебание и ход корабля, непрерывно опуская и вынимая из воды и всегда встречая под собою новую воду, в продолжении 4-х, 6-ти, 8-ми часов глядя по надобности, будет удобна к употреблению». Опасения по поводу солонины как источника цинги с членами комиссии разделил и Крузенштерн. В составленной им в 1838 году записке «О сохранении здоровья матросов на кораблях» он подчеркивал возможный вред солонины для здоровья матросов, но только в том случае, если не выдержана правильная технология засолки, перед употреблением с мяса не был удален пропитавшийся солью жир и если подавали его без уксуса и горчицы. Правда, кое в чем комиссия отошла от методов Кука, сочтя некоторые его рекомендации «безполезными». Скепсис вызвала готовность британского капитана окуривать корабль порохом и уксусом, из-за чего «производится копоть, которая, прилепая к сырým стенам, к палубе, делает не чистоту», а также усиливаются сырость и испарения. Окуривание следовало заменить очисткой воздуха огнем, применив чугунные печи «с проведенными в люк трубами».

Александр Андреевич Баранов (1746–1819), первый главный правитель русских поселений в Северной Америке (1790–1818)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Раковорский замок.
Современный вид

ЗАБЫТАЯ ПОБЕДА

АВТОР
ДЕНИС ХРУСТАЛЁВ

ВЕЛИКОЕ СРАЖЕНИЕ, ЛЕГЕНДАРНЫЙ ТРИУМФ, ЭПОХАЛЬНАЯ ПОБЕДА – ТАК ТЕПЕРЬ ОТЗЫВАЮТСЯ О ЛЕДОВОМ ПОБОИЩЕ. НО В НОВГОРОДЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОКОВ И БЛИЖАЙШИХ ПОТОМКОВ ЭТО БЫЛО «ПОБЫТЬЕ РАКОВОРСКОЕ» – ПРЕДВЕСТИЕ РАКОВОРСКОЙ ТРАГЕДИИ. ТАК В ЛЕТОПИСИ.

В ПАСХАЛИЯХ НЕКОТОРЫХ новгородских сборников XIV века для предшествующего столетия отмечены только четыре войны: Липицкая битва (1216), монгольское нашествие (1238), Неврюева рать (1252) и Раковорская битва (1268). Это то, что те люди считали значимым. Через века – иной масштаб, иная правда, иной резонанс, а тогда, кажется, взвешивали по другим критериям.

О Раковорской битве мы знаем много больше, чем о других сражениях. Участники, численность, ход, результаты – все описано существенно лучше, чем

большинство войн Александра Невского. Более того, мы имеем независимые источники. Более того, это источники от каждой из сторон. Мы даже имеем переписку (!) при переговорах, которые последовали после битвы. Сохранились даже подлинники (!) документов, относящихся к этим переговорам. Некоторые из них хранятся в наших архивах и до сих пор толком не опубликованы.

Это была действительно великая, легендарная, эпохальная схватка, в которой каждая из сторон заслужила право победить – и каждая заявила, что победила!

Раковорская битва – это исполненное парадоксов явление, одно из крупнейших сражений Северной Европы XIII века.

...Лет пятнадцать назад на конференции в Старой Ладогe сидевший рядом археолог Сергей Леонидович Кузьмин сказал: «А ведь это именно тогда сменилось поколение – весь цвет старого боярства погиб, пришли другие люди, началась новая история Новгорода». Удивительно, но эти, казалось бы, лежащие на поверхности наблюдения до сих пор полновесно не отражены ни в учебниках, ни в исследованиях. Действительно, перед нами исключительная по кровопролитности баталия с неочевидным результатом для каждой из сторон. У ливонцев в бою погиб дерптский епископ – единственный подобный случай для священнослужителя-крестоносца в Прибалтике. В новгородской истории это единственное сражение, когда погибло все руководство общины: и посадник, и тысяцкий. Поле боя осталось за новгородцами, но из-за обилия трупов «коням ступить негде было» и воины не смогли разыскать тело своего предводителя – тысяцкого! Три дня искали, а потом долго не выбирали нового – думали, вернется. Беспрецедентные усилия, беспрецедентные жертвы, беспрецедентный финал.

КОГО ЛУЧШЕ ОГРАБИТЬ?

Все началось со споров о том, кого лучше ограбить. В Новгороде тогда наместничал княжич Юрий, сын Андрея Ярославича – участника Ледового побоища, брата Александра Невского. Великим владимирским князем был Ярослав Ярославич, который и назначил племянника блюсти власть на Волхове. Осенью 1267 года Юрий с новгородцами собрались в поход: одни хотели идти на литву, другие требовали на Полоцк, а третьи – за Нарову. Пока дошли до Дубровны – границы с псковскими землями, где, вероятно, должны были пополниться местным отрядом, – рассорились. Победили те, кто настаивал на налете на северную Эстонию. Туда и двинулись.

Надо полагать, выбирали, где можно поживиться большим и с меньшим риском. Литву недавно потрепали псковичи во главе с князем Довмонтом, а Полоцк, который также контролировали литовцы, был сложноват. За Нарову же давно не ходили. Последний налет, в 1262 году, был ориентирован на Дерпт (ныне Тарту) и закончился удачно. Северная Эстония принадлежала Дании, и даже в церковном отношении это был другой диоцез. Это ни Ливония, ни орденские земли, ни даже Дерптская епархия – в юридическом смысле совершенно отдельная страна. Да, датчане находились в добрых отношениях и с орденом, и с Ригой, но в остальном – дело ситуации. Новгородцы вполне могли рассчиты-

вать, что другие немцы за датчан не вступятся. Тем более нападение было внезапным.

Так и произошло. Но что-то не заладилось у самих новгородцев. Они пересекли Нарову, вступили в Виронию, пограбили там, но скисли, когда подошли к Раковору (Ракобор, он же Везенберг; ныне Раквере) – укрепленному замку, выстроенному на высоком холме и традиционно признаваемому столицей той области. Осада не принесла результата, и новгородцы вынуждены были отступить, потеряв семь человек, в том числе некоего Федора Сбыславича, сына бывшего посадника. Судя по всему, довольных результатом не было. Родственники возжелали мести, а молодому Юрию требовалось восстановление репутации. Начали собирать большую экспедицию.

Гонцов послали к великому князю во Владимир, и тот выделил отряды со всех своих земель, во главе с сыновьями, несколькими племянниками и прочей родней – малоземельными, но воинственными княжатами. Старшим считался Дмитрий Александрович, сын Александра Невского – умелый воин, участвовавший еще в походах отца. В поход отправились также дети великого князя, Святослав и Михаил Ярославичи, упоминавшийся Юрий Андреевич и «иных князей несколько», в том числе не вполне точно идентифицируемые Константин и Ярополк. К ним примыкало большое новгородское воинство, включавшее отряды пригородов, в том числе

ладожан, и псковичей, возглавляемых служилым литовским князем Довмонтом. Ливонская хроника сообщала, что русских было 30 тысяч:

«...так случилось,
Что русских увидели скачущими
Гордо в земле короля.

Они грабили и жгли,
У них было сильное войско.

Они сами оценили силу свою
В целых тридцать тысяч человек,
Но кто же их сосчитать мог?

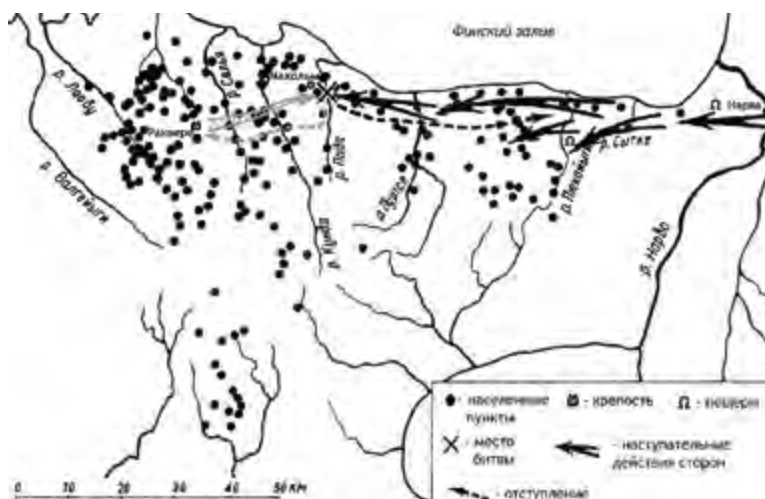
Кто их видел, тем так казалось».

Это, конечно, преувеличение, но ясно, что масштаб предприятия признавался исключительным.

Прослышав о русских приготовлениях, из Риги, Дерпта, Вильянди, Оденпе и других ливонских городов срочно прислали послов, призванных заверить, что они не заодно с датчанами. На том и крест целовали, что не будут помогать «колыванцам и раковорцам». Для приведения к присяге епископов и орденских братьев в Ливонию специально снарядили боярина Лазаря Моисеевича, а в заложники туда передали «мужа добра из Новгорода Семьюна»: «И прислаша Немцы послы своя, рижане, вельяжане, юрьевци и из иных городов, с лестью глаголюще: «намъ с вами мир; перемагайтеся с колыванци и съ раковорци, а мы к ним не приставаемъ, а крестъ целуемъ». И целоваша послы крест; а тамо ездив Лазоръ Моисиевич водил всех их ко кресту, пискупов и божиих дворян, яко не помогати им колыванцем и раковорцем; и пояша на свои руце мужа добра из Новагорода Семьюна, целовавшие крестъ».

Дипломатическая подготовка, казалось, обеспечила политическую и военную изоляцию северной Эстонии. Мотивы, надо признаться, для этого у церковных властей Ливонии были: датчане в те годы настолько активизировались в разных частях Балтии, что вступили в конфликт со многими, в том числе с папой римским, легат которого осенью 1267 года предал датского короля Эрика V анафеме. Новгородцам показалось, что момент был удачным.

Раковорский поход. Февраль 1268 года. В основу положен план размещения населенных пунктов Виронии в середине XIII века, составленный М.Х. Шмидехельмом, по данным Датской поземельной книги

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ПРОТИВ ВЕЛИКОИ СВИНИ»

23 января 1268 года огромное русское войско выступило. После пересечения Наровы оно разделилось на три группы и приступило к грабежам: Вирония была разорена, села сожжены, люди перебиты или уведены в полон. Некоторые спрятались в пещере, но технологичные интервенты пустили туда воду. Выбежавших «иссекоша», а их имущество новгородцы передали князю Дмитрию, что с гордостью отметили в летописи. Продвигаясь на запад, русские воссоединились и собрались уже подступить к Раковору, но вдруг в субботу сыропустную, 18 февраля, у речки Кеголы (ныне Пада) в районе поселения Махольм (ныне Виру-Нигула) обнаружили большую армию, преградившую им путь: «И ту усрегоша стоящ полк немецкий; и бе видети яко лес: бе бо совокупилася вся земля Немецкая». Оказалось, что их обманули. Нарушив крестное целование, против восточных захватчиков выступили объединенные силы всей Ливонии и Эстонии, возглавляемые дерптским епископом Александром. Это были и датчане («люди короля»), и дерптские вассалы, и орденские братья, и множество местных жителей, желавших покончить с ними.

Русская армия перешла реку и выстроилась. Правое крыло заняли владимирские и переславские полки с князьями Дмитрием Александровичем и Святославом Ярославичем; в центре стояли новгородцы с Юрием Андреевичем и псковичи с Довмонтом; слева – отряды из Твери, Ростова и других земель во главе с Михаилом Ярославичем, князьями Константином, Ярополком и другими. Немецкий правый фланг составили датчане, левый – ополчение местных племен, а центр укрепили воины ордена – 34 рыцаря из Вильянди, Леаля (Лихула) и Вейсенштей-

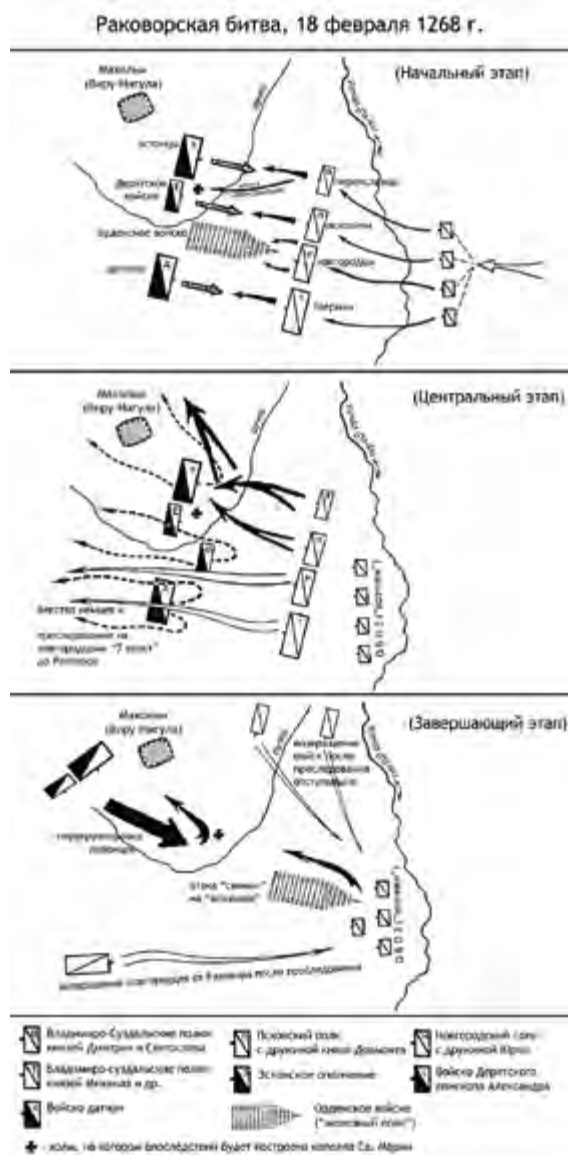

Схема
Раковорской
битвы.
18 февраля
1268 года.
Составлена
Д. Хрусталёвым

на (Пайде). Об общей численности судить сложно, поскольку «Ливонская рифмованная хроника» (ЛРХ) – продукт поэтический и ангажированный, а потому поет о 60-кратном превосходстве русских, так же было и при описании Ледового побоища.

«Войско магистра в другом месте
С врагом воевало,
Так, что мало оказалось тех, кому
С русскими пришлось сражаться.
Это было очевидно».

Как бы то ни было, но это была большая по ливонским меркам армия.

Ход сражения восстанавливается фрагментарно. ЛРХ сообщает, что русские наступали двумя колоннами, но немцы обратили их в бегство. Вскоре

погиб епископ Александр. Потом приводится рассказ о героической атаке «короля Дмитрия», которую тот предпринял «с пятью тысячами русских избранных», когда другие уже отступали. Этим смельчакам противостоял «полк братьев», составлявший 160 бойцов, к которым потом присоединилось еще 80 ополченцев. После чего они вернулись «с большими почестями в землю свою», а русских погибло 5 тысяч, а другие «бежали и врасыпную домой скакали», покрыв себя вечным позором. В целом – речь о победе ливонцев.

«Затем с честью начали битву.
Братья, а также мужи их
Во все стороны удары наносили.
Затем случилось несчастье:
Смерть епископа Александра.
Русских, двумя колоннами
наступающих,
Они разбили и преследовали
По полю здесь и там.
Русские с войском своим отступали
По полю вверх и вниз;
Снова и снова они возвращались,
Но это мало им помогло:
Много мужей их там полегло.
С честью братья отомстили
За то, что терпели
От русских долгое время.
На поле широком, просторном
Были у русских потери большие,
Печальным был для них
битвы исход:

Бегом и вскачь неслись они прочь.
Русских там много побили.
Господь помог в тот раз победить:
Ведь каждый немец
должен был сражаться
Против шестидесяти русских,
Это правда. Знаю я это наверняка».
В русской летописи иначе.
Сначала идет атака новгородцев «в лице железному полку противу великой свиньи». В ходе боя многие из новгородцев вынуждены бежать, в том числе князь Юрий Андреевич, действительно покрывший себя позором. Другие прорвались и увлеклись преследованием врага вплоть до стен Раковора – это более 20 километров, но в летописи сказано «на семи верст», как и в случае с Ледовым побоищем,

где гнали «до Суболичского берега». Возможно, речь идет о прорыве отряда во главе с князем Дмитрием, а расстояние, понятно, символическое. Потом они вернулись и обнаружили, что немцы перегруппировались и против них опять двинулась «свинья», которая уже дошла до обозов: «И тако вспятишася от города, и узреша иных полчищ свинью великую, которая бяше врезалася в возники новгородские; и хотеша новгородци на них ударити, но инии рекоша: «уже есть велми к ночи, еда како смятемся и побиемся сами».

Бой прекратился с заходом солнца: «и тако сташа близ противу себе, ожидающе света».

Не дожидаясь утра, немцы отступили. А русские не захотели или не смогли их преследовать: «стояли на костях три дня», фиксируя победу, а потом повернули домой. Каждая из сторон заявила об успехе кампании. Хотя русские определенно Раковора не взяли, а ливонцы после боя бежали. Все остались недовольны происшедшим.

Ливонцы понесли потери, но про их размер нам толком ничего не известно, кроме гибели епископа. Про русских они заявляли, что тех погибло 5 тысяч, что вряд ли. Новгородская летопись приводит имена 17 погибших знатных горожан, среди которых действительно цвет боярства, в том числе тысяцкий Кондрат, чье тело так и не нашли, посадник Михаил Федорович, в свое время от лица Александра Невского подписавший первую разграничительную грамоту с Норвегией, а также, например, «добрый муж» Ратьша, к которому возводят свои роды многие знатные русские фамилии, в том числе Свибловы, Бутурлины и Пушкины. Посадником тут же выбрали Павшу Онаньича, а вот «тысячского не даша никому же, чи будеть Кондрат жив» – решили подождать, вдруг объявится. Никаких данных о погибших ливонцах ле-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

топись не приводит, даже не упоминает епископа, который нарушил подкрестную клятву, за что, можно было попенять, и поплатился – никаких намеков на морализацию триумфа или хвастовство в этом случае не было. Речь о трагедии, и ливонцы тут только «за грехи наши».

Отдельная версия Раковорской битвы и последующих событий сохранилась в Пскове в связи с прославлением князя Довмонта. Там считали, что после боя под Раковором его отряд продолжил поход и разорил «Поморье». Кроме того, буквально через несколько дней какие-то выжившие в сражении латиняне («останок собравшеся поганой латыне») – «800 немец» – напали на приграничные псковские села. Довмонт погнался за ними с дружиной из 60 мужей в пяти насадах и побил. В целом это позволяет составить представление о масштабе баталии: у остзейцев явно было не 2 с половиной сотни воинов во главе с попом, а русских – тоже не тьма. Силы сторон явно исчислялись тысячами.

На этом война не закончилась.

Раковорская битва.

Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI век

ЖАЖДА МСТИ

Уже летом того же, 1268 года ливонцы подготовили ответное нападение – собрались разорить Псков. «К походу готовились по всей стране» – была собрана армия, численностью 18 тысяч всадников – беспрецедентная по масштабам Прибалтики. Ее возглавил магистр Ливонского ордена Отто фон Лютерберг, с которым отправилось 180 орденских братьев – чуть ли не весь личный состав. Размер полков превышал орденские армии, участвовавшие в битвах при Сауле (1236), при Дурбе (1260) и при Карузне (1270), вместе взятые. Судя по резонансу и жажде мщения, следует-таки говорить о победе русских при Раковоре. Состав участников вторжения полностью соответствовал причастным к зимней кампании: согласно ЛРХ, это датчане, орденские братья, ополчения латгалов, ливов, эстов, а также загадочная группа из 9 тысяч «моряков» – буквально все, кто был способен носить оружие и нести награбленное.

*«Магистр из-за невзгод в стране
Однажды лучших мужей созвал,
С которыми он на совете решил
В русские земли войной пойти.
Мужи короля [датчане]
были этому рады.*

*Так, что к походу готовились
По всей стране.*

*И весь народ с собой позвали.
Леттов, ливов, эстов немало
В этом намерение их поддержало.
Магистр войско братьев
с собой привел,
Сколько смог он собрать.
Всего сто восемьдесят их было.
Все люди с радостью встретили их.
Всего же в войске собралось
Восемнадцать тысяч воинов,
На лошадях прискакавших.
Многих коней покрыли попонами,
Как рыцари это обычно делали.
Среди них моряки также были
Тысяч до девяти человек:
Это узнали, когда
считать их стали.
Когда подошли они к стране,
Которая Русью называлась,
Большое войско их разделили
На несколько сильных отрядов.*

*Впереди всех поскакал он [магистр]
Отважно в Русскую землю.
Было слышно здесь и там
О действиях разных быстрых
отрядов».*

Они вступили в русские пределы, сожгли посад Изборска, пограбили села, но Псков не осадили. Как поясняет ЛРХ, «погода была сырая и холодная, из-за этого штурм не начали». Псковичи сразу послали за подмогой в Новгород. Но «Повесть о Довмонте» сообщает, что князь таки дал бой интервентам и даже, подобно Александру Невскому, самого магистра «ранил по лицу». Именно перед этой вылазкой Довмонт освятил в Троицком соборе свой меч – уникальное для ранней русской истории свидетельство о подобном рыцарском ритуале. Известие о подходе новгородской рати заставило ливонскую суперарию немедленно отступить за реку Великую и начать переговоры. В итоге заключили мир – «через реку». И немцы ушли. Но и это не конец.

САНКЦИИ ПРОТИВ РУСИ

Еще в начале 1268 года европейцы ввели экономические санкции против Руси. На срок. Сохранилась переписка, согласно которой ливонский магистр настойчиво просил городской совет Любека, руководивший Ганзой, не торговать с русскими из Новгорода «в этом году». В 1269-м он сообщил, что заключил под стенами Пскова «мир на тех же условиях, что и во времена магистра Волкина и епископа Альберта», то есть как в 1224 году после взятия Дерпта – с границей по Нарве и западнее Изборска, – фактически восстановив status quo. При этом он требовал сохранить эмбарго до утверждения ганзейцами собственных мирных условий – до этого торговые караваны из Риги в Новгород пропускать не будут. Это только предположение, но, судя по всему, отряд из 9 тысяч «моряков», который участвовал в походе на Псков, имел пря-

Виру-Нигула.
Руины капеллы
Святой Марии

мое отношение к ганзейским торговцам – собственно, это они и были, поскольку других «моряков» в таком количестве на Балтике тогда найти было сложно. Хотя первый съезд Ганзейской лиги состоялся только в 1356 году, немецкие коммерсанты уже много раньше координировали свою деятельность на востоке, составляя вполне устойчивый союз, ведущие позиции в котором занимали общины Любека и Готланда. Их деловые интересы требовали скорейшего восстановления мира. Они не стали тянуть с посольством. Зимой на Волхове прошли переговоры, оформившие торговое взаимодействие с западноевропейскими купцами на несколько столетий вперед. Эти документы, включая черновики, сохранились. В начале 1269 года был подписан договор между Новгородом и представителями немецких торговцев (Любека и Готланда), который досконально описал все льготы, пошлины, маршруты и права немцев при нахождении в русских (новгородских) пределах. Возвращаясь, посы-

1 апреля 1269 года из Риги известили всех, что мир заключен и документы завизированы. Правила и традиции, утвердившиеся тогда, кажется, сохраняли силу вплоть до присоединения Новгорода к Москве и закрытия Немецкого двора в конце XV века. Соглашение оказалось взвешенным и действительно долговечным. Но в том же, 1269 году оно уже подверглось первому испытанию.

Немцев результаты боев под Раковором и Псковом устроили, а вот русских – не всех. В Новгород прибыл великий князь Владимирский Ярослав Ярославич, чтобы разобраться в случившемся. Он отправлял людей на войну ради добычи, а тут вдруг мир заключили без его ведома: «мужи мои и братья мои и ваши побиты, а вы розрались с немцами», прекратили воевать. Князь потребовал расправы над инициаторами мирного процесса, но горожане за них вступились. Ярослав пригрозил хлопнуть дверью, отказаться от верховной власти над Новгородом и уехать. Это был серьезный рычаг: как известно, на Волхове кормились суздальским хлебом, а кроме того, пользовались волжским торговым путем. Князь недалеко отъехал от города, за ним послали большую делегацию во главе с архиепископом и уговорили вернуться. Ярослав уступил с условием: на следующую зиму они все вместе снова пойдут в датскую северную Эсто-

Меч князя
Довмонта.
Псковский
музей-
заповедник

нию – на их столицу Ревель (Колывань; ныне Таллин). Новгородцы кивнули.

В 1269 году Прибалтику должна была накрыть невиданная прежде напасть: вместе с русскими войсками в поход собирались и монголы. Была собрана армия не меньшая, чем та, что ходила к Раковору, но усиленная представителями Евразийской империи: «Того же лета, на зиму, князь Ярослав с новгородцы сдумав, посла на Низовскую землю [сына] Святослава полков копить, и совокупи всех князей и полков бесчисла, и приде в Новгород; и бяше ту баскак велик володимерский, именем Амраган, и хотеша ийти к Колываню». Кажется, Ревель ожидала судьба Бухары. О подготовке к походу узнали немцы и прислали просить мира; молили не проливать крови и соглашались на любые условия. И новгородцев, и Ярослава как-то смогли убедить не воевать. Летопись дает сухую справку, все подробности нам неизвестны: «И уведавшие немцы, прислаша послы с мольбою: «кланяемся на всей воли вашей, Норовы всей отступаемся, а крови не проливайте»; и тако новгородцы, гадавше, взяли мир на всей воли своей».

Послы, судя по всему, представляли всю Ливонию, а не только датчан. И от Ярослава они откупились чем-то более существенным, чем просто отказом от претензий на земли за Наровой. О причинах такого ре-

Реконструкция церкви Нового Ольгова городка. Выполнена В. Даркевичем, Г. Борисевич

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

шения остается только гадать. Ясно, что новгородцев теперь больше устраивали мир и договор, а не лихие риски ратоборцев и слава победителей. Все храбрецы и буйные головы полегли у Раковора. А для суздальцев – «низовцев» – это чужая война, им тут не жить. Ярослав согласился договориться с немцами, но потребовал сходить повоювать хоть куда-то. Например, на Карелию. Незря ведь войска собрали, монголов привлекли. Неужто просто уйти?! Но и тут новгородцы его сломили – карелы исправно платили дань и всегда были союзниками: «Князь же хотел ийти на Корелу, и умолиша его новгородцы не ийти на Корелу; князь же отослал полки назад». И вот на этом все.

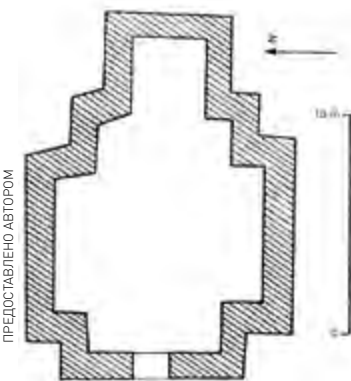
На долгие десятилетия на западных рубежах утвердилась тишина. Потом, конечно, бывало всякое. И договор-то обычно заключали года на три, но никак не дольше жизни князя или поколения. Однако после 1270 года это был уже другой мир –

мир сосуществования, а не грабительского перестукивания; мир, уставший от потрясений, обрушившихся на него за последние полвека, – монголы, немцы, постоянная война. Сменилось поколение – смельчаки остались под Раковором...

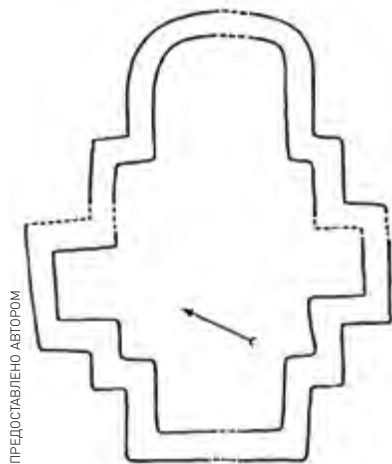
ПРАВО НА ПОБЕДУ И НЕОБХОДИМОСТЬ МИРА

На месте Раковорской битвы построили часовню – капеллу Марии Военной (Sõja-Maarja Kabel). Ее руины и сейчас можно встретить на подъезде к Раковере около Виру-Нигула (Махольм). Она известна с XVII века, но археологически относится к XIII столетию. Название определенно указывает, что она связана с поминовением погибших, скорее всего, на войне 1268 года. Но самое примечательное, что в своем плане она напоминает древнерусские храмы тех лет. Это позволило некоторым исследователям сделать предположение, что над ее возведением работала совместная бригада из немецких и русских мастеров. Ведущий специалист по архитектуре Эстонии Виллем Раам считал, что «это один из самых древних и своеобразных примеров распространения древнерусской архитектуры в Прибалтике». Ученый указывал и на прямые аналогии. Прежде всего это церковь Нового Ольгова городка недалеко от Старой Рязани, возведенная во второй половине XIII века. Планировочные решения храмов практически полностью идентичны. Как были организованы их внутренние пространства, нам неизвестно – сохранились только фундаменты.

Капелла Святой Марии позже была перестроена и имела совершенно традиционный для готики западный фасад. Но думается, такой композитный памятник просто должен был появиться на том месте, где русские и немцы сошлись в кровопролитии, доказав друг другу право на победу и необходимость мира. ■

План капеллы Святой Марии. Составлен Т. Тамла

План церкви Нового Ольгова городка на уровне фундаментов. Составлен А. Монгайтом, П. Раппопортом, М. Чернышевым

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПЕЧАЛЬНАЯ НАСМЕШНИЦА

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ТЭФФИ – ВЕСЕЛОЕ ИМЯ И ГРУСТНАЯ СУДЬБА. СМЕШНЫЕ РАННИЕ РАССКАЗЫ И ТРАГИЧЕСКИЕ ПОЗДНИЕ. ЕХИДНАЯ НАСМЕШКА И ПЕЧАЛЬНАЯ НЕЖНОСТЬ. ТАК, НАВЕРНОЕ, И ВОЗНИКАЕТ ЛУЧШЕЕ В ЛИТЕРАТУРЕ.

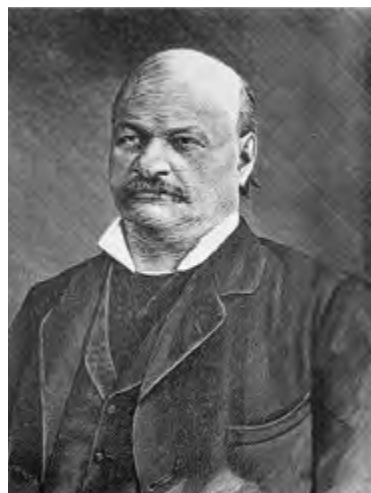

Н.А. Тэффи.
1920-е годы

ЕСЛИ ЛЮДИ ВООБЩЕ ЗНАЮТ, КТО ТАКАЯ ТЭФФИ, ОНИ наверняка бросаются цитатами из нее – не хуже, чем из каких-нибудь «Двенадцати стульев». Ссылаются на демоническую женщину и воротничок, меняющий всю жизнь. Вспоминают «я хочу селедки, я хочу пошлости!» и «надо лассуждать пло молань». И «конечно, небольшой», и «развратясь, они потребовали супу», и «Америка славится пампасами, а пампасы льяносами». «И сам ушел, и сундучок унес». Вот умела она сказать так, что до сих пор актуально: «Если в России кто-то обратил на себя внимание, так уж я этого кого-то не поздравляю». Как-то умела она заметить сто лет назад такое, что нам до сих пор уморительно смешно. И невыносимо грустно.

ПИШЕТ! ПИШЕТ!

Родилась Надя Лохвицкая в 1872 году. Хотя сама она, похоже, всячески запутывала этот вопрос, в разных документах встречаются разные даты, вплоть до 1888 года. Скрывать свои лета в те времена было принято, она и убавила себе пятнадцать лет, когда уехала в эмиграцию. Ей в это время было под пятьдесят. Отец огромного семейства Лохвицких, Александр Владимирович, был адвокатом, доктором юриспруденции, автором учебников и научных работ по праву. Он преподавал законоведение и историю русского права, издавал и редактировал газету «Судебный вестник», потом работал присяжным поверенным. Отец умер в 1884-м – в 54 года, и вдова с детьми поселилась в Петербурге, там Тэффи и оканчивала гимназию на Литейном. Мама, Варвара фон Гойер, была вовсе не француженкой, как повторяют биографии Тэффи. Ее отец был сыном многодетного саксонского капитана. Князь Репнин после войны с Наполеоном был на постое в этой семье; мальчика доверили ему, и князь его воспитал. Детей в семье было много – исследователи не сходятся в данных, сколько именно. Обычно называют Лидию, Марию, Надежду, Варвару, Елену и Николая; есть упоминания о Вадиме, старшем из братьев, учившемся

Александр Владимирович Лохвицкий
(1830–1884), отец Тэффи

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

в лицее. Да и сама Тэффи всегда говорит о братьях, а не о брате. Лето семья проводила в имении матери при деревне Шмырки Хмельницкой области в зажиточной Волынской губернии. «Детство мое прошло в большой обеспеченной семье, — писала Тэффи, отвечая на анкету Федора Фидлера в 1911 году. — Воспитывали нас по-старинному — всех вместе на один лад. С индивидуальностью не справлялись и ничего особенного от нас не ожидали. Первая прочтенная и десятки раз перечтенная книга была «Детство и Отрочество» Толстого. Затем отрывки из Пушкина. В детстве я читала очень много. Постоянно». Тэффи вспоминала, что все дети писали стихи, но это считалось у них «почему-то очень постыдным, и чуть кто поймает брата или сестру с карандашом, тетрадкой и вдохновенным лицом — немедленно начинает кричать: — Пишет! Пишет!»

В автобиографическом рассказе «Чучело» Тэффи вспоминает: «В тринадцать лет у меня был уже литературный стаж: стихи на приезд государыни и стихи по случаю юбилея гимназии. В этих последних, написанных стилем пышной оды, была строфа, из-за которой много пришлось пострадать:

*И пусть грядущим поколеньям,
Как нам, сияет правды свет
Здесь, в этом храме просвещения,
Еще на много-много лет!»*

Сестры еще долго дразнили ее этим «храмом просвещения», ког-

Мирра Лохвицкая, сестра Тэффи.
Начало XX века

да она не хотела идти в школу: как же, мол, храм там без тебя. Как и многие дети этого поколения, она зачитывалась приключенческими романами Жюль Верна и Майна Рида и даже мечтала сбежать в Америку. Но в собственном творчестве ее тянуло не к созданию фантастических миров и не к парадному красноречию, а к зубоскальству. «В первых моих творческих произведениях преобладал элемент наблюдательности над фантазией. Я любила рисовать карикатуры и писать сатирические стихотворения», — ответила она на вопрос анкеты.

Сестры Лохвицкие еще в юности договорились между собой, что станут входить в литературу друг за другом, по старшинству. Первой стала Мария, которая публиковала стихи под именем Мирра Лохвицкая. Она вошла

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Генерал
Н.А. Лохвицкий
на фронте
проверяет
качество
солдатского супа.
Первая мировая
война

в круг старших символистов, в нее был влюблен Бальмонт, ее книги с удовольствием раскупала публика. Варвара (в замужестве Попова) писала под псевдонимом Мюргит: она печаталась в «Лукоморье» и «Новом времени», ее пьесы ставили в «Кривом зеркале». Елена (в замужестве Пландовская) выбрала псевдоним Элио. Она тоже писала пьесы. Елена и Надежда вместе переводили Мопассана.

Что касается братьев, то Николай в Первую мировую был уже генералом, в Гражданскую воювал в армии Врангеля, затем эмигрировал во Францию. Вадим Александрович Лохвицкий есть в списках выпускников Александровского лицея за 1883 год; есть сведения, что он был чиновником особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе.

Писатель Виктор Окс вспоминал, что в 1894 или 1895 году Мирра Лохвицкая пришла на литературное собрание к поэтессе Ольге Чюминой: «Она вошла — яркая, гордая, красивая. За нею, в ее тени, робко и застенчиво вошла тоненькая, как тростинка, молоденькая девушка, головка которой клонилась под бурной волной пушистых волос цвета спелой пшеницы». Когда старшая сестра представила младшую, «две щеки под пшеницей заалели маком.

— Пишет? — пробасил С.А. Венгеров, не сводя с бедной девочки глаз.

Маки превратились в томаты, потом в бураки».

К этому времени «бедная девочка» была уже замужней дамой и матерью.

Сергиевская
улица в Санкт-
Петербурге.
Семья Лохвицких
жила на этой
улице в доме №3
в начале 1870-х
годов. Около
1900 года

СЧАСТЛИВЫЙ ПСЕВДОНИМ

25 января 1892 года в Спасо-Преображенском соборе города Тихвина Наденька Лохвицкая обвенчалась с молодым следователем поляком Владиславом Бучинским. В том же соборе в ноябре крестили старшую дочь Бучинских, Валерию, которую дома звали Вале́й. Затем родились Елена и Ян. Бучинские к этому времени уже переехали в Шигры Курской губернии, куда получил назначение глава семьи. Правда, вскоре он вышел в отставку и перебрался вместе с женой и детьми в свое имение в Могилевской губернии.

Брак оказался не особенно удачным. Уже в 1900 году Надежда и Владислав разошлись. В книге «Июнь» есть, по-видимому, частично автобиографический рассказ «Оборотень», где героиня едет знакомиться с женихом-следователем, богатым и глупым. Ей даже обещают, что он ее «загрызет». В рассказе «Чудеса!» молодая жена Илька пытается рассказать мужу Стане, как лошадь и собака играли вместе, а тот раздражается. Может быть, Илька и Станя чем-то похожи на Надю и Владю – так или иначе, и жених из «Оборотня», и Станя – какие-то очень скучные, очень ограниченные молодые люди, а невеста из «Оборотня» и Илька им просто несоразмерны – обе с нежной, восприимчивой и щедрой душой, с умением сострадать, радоваться, любоваться.

Надежда уехала в Петербург, где жили мама и сестры. Дети остались с отцом. Известно, что потом они жили во Львове, где Елена окончила лицей, а Валерия – университет. Елена стала известной танцовщицей-«босоножкой», затем известной актрисой, снималась в кино. В 1915 году она приезжала в Петербург, где выступала вместе с футуристами, исполняя «словопластические танцы» – передавая значение стихотворений танцем. Петербургские литературные круги ее очень полюбили. Валерия жила в Польше, во время Второй мировой была

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.А. Тэффи.
Начало 1900-х годов

сотрудницей польского правительства в изгнании и жила с матерью во Франции. Ян, как рассказывает его правнучка в соцсетях, окончил в Польше автодорожный институт, затем был выслан из Польши, жил на Украине, был репрессирован и умер в лагере...

В 1901 году в Петербурге рядом с сестрой Миррой появилась хорошенькая, кокетливая, изящно одетая Надя. Она тоже писала стихи и подписывала их своим настоящим именем. Про первую публикацию (это было стихотворение, навеянное чтением Чехова – «Мне снился сон безумный и прекрасный») она вспоминала, что ей «стало очень стыдно и неприятно» – и она надеялась, что никто этих стихов не прочитает.

*Мне снился сон безумный
и прекрасный,
Как будто я поверила тебе,
И жизнь звала настойчиво
и страстно
Меня к труду, к свободе
и к борьбе...*

Но печататься продолжала. Стихи она писала всю жизнь и иногда публиковала небольшие сборники. Это скорее не стихи, а песенки – и она действительно их пела, аккомпанируя себе на гитаре.

Почему Надежда Лохвицкая стала подписываться «Тэффи», она объясняет в рассказе «Псевдоним»: мол, написала одноактную пьеску и боялась, что в театре ее сочтут дамской безделушкой, поэтому решила подписать свое творение псевдонимом. А чтобы он принес счастье – сочла, что подойдет «лучше всего имя какого-нибудь дурака – дураки всегда счастливы». Идеальным дураком ей показался некий Степан, которого дома звали «Стэффи»; отбросив первую букву, чтобы он не зазнался, она подписала пьесу «Тэффи» и послала ее в Суворинский театр. Газетчики потом предложили другое толкование: мол, это из стихотворения Taffy was a Welshman, Taffy was a thief, которое ошибочно приписывают Кипплингу. На самом деле у Кипплинга Тэффи – это первобытная девочка из сказки про появление письменности, а «Тэффи был валлийцем, Тэффи вором был» – английская народная песенка. Но Тэффи со всем соглашалась. Ее смешные одноактные пьески и маленькие рассказы вскоре очень полюбили публике. Тэффи стала печататься в одной из самых солидных столичных газет – в «Биржевых ведомостях».

Тихвин.
Кафедральный
Спасо-Преобра-
женский собор.
Январь 1913 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С ЛЕНИНЫМ РЯДОМ

Во время революции 1905 года, после объявления свободы печати, на свет стали появляться многочисленные сатирические журналы. «Сигнал», «Зарницы», «Красный смех», «Вперед» с удовольствием печатали сатирические стихи Тэффи на злободневные темы; особенно популярным стало стихотворение «Патроны и патрон» о петербургском градоначальнике Трепове, смещенном со своего поста: «Трепов! Не по доброй воле ли // С места вам пришлось слететь? // Сами вы учить изволили, // Чтоб патронов не жалеть!»

Стихотворение «Пчелки», в котором работницы-пчелки всю ночь шьют красное знамя, было опубликовано в издаваемой большевиками «Новой жизни» и, как известно, понравилось Ленину. В «Новую жизнь» ее позвал поэт-мистик Николай Минский, который редактировал газету вместе с Горьким. Когда газета опубликовала статью Ленина о национализации земли, весь литературный отдел ушел из газеты, а Минский уехал за границу, спасаясь от уголовного преследования. К политической сатире потом Тэффи вернулась только после революции 1917 года.

В том же, 1905 году о существовании Тэффи узнал и Николай II: он прочитал ее басню «Леянов и канал», посвященную планам городского головы Леянова засыпать Екатерининский канал. Идея эта царю не нравилась, и басня его порадовала. А в 1913 году, когда готовили сборник к 300-летию дома Романовых, он

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

выразил желание видеть в этом сборнике только Тэффи – никого, кроме нее, не надо!

В 1908 году, когда юмористический журнал для невзыскательного читателя «Стрекоза» пережил, как сейчас говорят, «ребрендинг» и стал «Сатириконом», Тэффи вошла в число самых известных его авторов. Молодая Тэффи – искренне веселый, добродушный исследователь, с азартом изучающий такое удивительное существо, как дурак: «Дурак не выносит никаких шероховатостей мысли, никаких невыясненных вопросов, никаких нерешенных проблем. Он давно уже все решил, понял и все знает. Он чело-

Тэффи во время эмиграции. Примерно 1925 год

Федор Кузьмич Сологуб (1863–1927), поэт, писатель, драматург, публицист

век рассудительный и в каждом вопросе сведет концы с концами и каждую мысль закруглит». Это в самом деле естествоиспытательский подход, особенно если вспомнить ее «Человекообразных», где она высказывает идею, что людей создал Бог, а человекообразные произошли от коловраток.

Ей радостно жить, ее все смешит, даже суровая древняя история. Именно ее главы «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом» – самые смешные во всей книге: «Воспитание детей [в Спарте] было очень суровое. Чаше всего их сразу

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дом Вавельберга на Невском проспекте в Санкт-Петербурге. До его постройки на этом месте в доме №9 в 1908 году размещалась редакция журнала «Сатирикон»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Всеобщая история, обработанная «Сатириконом» (С.-Пб., 1912). Автор первой главы, «Древняя история», – Тэффи

убивали. Это делало их мужественными и стойкими».

Тэффи вспоминала, что они с Федором Сологубом однажды подсчитывали метафизический возраст друг друга и общих знакомых – и Сологуб сказал, что ей в душе 13 лет. Тэффи сначала не согласилась. А потом вспомнила, как все окружающие ее постоянно пытаются удивить и порадовать: то рогатым тростником, то древесным наростом, то осиным медом – «и каждый раз в таких случаях вся прислуга выбегала посмотреть, как я буду ахать и удивляться. И мне действительно все это было интересно». Она в самом деле умела ахать и удивляться, сострадать и жалеть, надеяться на счастье и плакать, радоваться зверям и птицам. И даже своих дураков, своих человекообразных – и тех любила, жалела, даже любовалась их дурацким совершенством.

На дореволюционных фотографиях у нее пышные волосы, пышные шляпы, пышные платья. Она любила нравиться, любила хорошие духи и красные туфельки. Федор Фидлер, автор известного дневника, куда он заносил события из жизни петербургских литераторов, каждый год записывал, в каких костюмах кто приехал на бал-маскарад к Сологубу; Тэффи неизменно одета причудливо и странно. Обычно ее сопровождает Леонид Галич (Габрилович), ученый и критик. Писательница Лидия Зиновьева-Аннибал в одном письме называет Галича «почему-то тайным мужем» Тэффи. Тэффи посвятила Галичу несколько стихотворений: «Сафир», «Вянут лилии, бледны и немы...» Есть сведения, что в 1914 году он стрелялся на дуэли из-за Тэффи, об этом есть упоминание в дневнике Блока: «Л.Е. Габрилович, заступаясь за честь женщины, выстрелил в доктора Нюренберга и арестован».

За несколько лет Тэффи добилась славы. У нее ежегодно выходили книги – не только прозаические, но и поэтические,

Тэффи по возвращении с фронта, где она работала сестрой милосердия. Предположительно 1916 год

ее пьесы собирали публику, фабрики выпускали конфеты «Тэффи» и духи «Тэффи». Газеты и журналы наперебой приглашали к сотрудничеству, зная, что ее участие гарантированно повысит тираж. Она выступала на литературных вечерах, читала рассказы с эстрады, собирая полные залы. Но ее рассказы становились все грустнее. Публика даже не понимала иногда: ведь если это Тэффи, значит, это юмор? А тут ничего смешного нет – над чем же она смеется? А она уже и не смеялась: она всматривалась в окружающий мир, который ей не казался уже таким смешным. Говорила, что за каждым смешным сюжетом есть своя трагедия. Тот, кто слышит, как мир смеется, слышит, и как он плачет.

Леонид Евгеньевич Галич (Габрилович) (1878–1953), критик, публицист

Н.А. Тэффи. Сборник «Неживой зверь» (Пг., 1916). Обложка

Вечно 13-летняя в душе, Тэффи умела понимать зверей и детей, чувствовать и знать то, что они сами никогда в жизни сказать не смогут: особую тоску весеннего вечера, смутный страх, беспоконную заботу, бессловесную любовь. Она умела понимать старух и стариков – часто жалких и нелепых, зацикленных на старых обидах, бесконечно одиноких. Она все чаще замечала разобщенность людей, неспособность договориться, понять друг друга, прислушаться не только к другим, но даже и к себе – и рассказывала об этом с кроткой, смиренной печалью: это так, так.

Сборник «Неживой зверь», вышедший в 1916 году, состоит из печальных рассказов. В нем очень мало смеха и очень много прозрачной тоски, нежной жалости, тревоги. В нем – еще и военный опыт Тэффи: с началом Первой мировой войны она училась на медсестру и работала в госпитале в Царском Селе, выезжала на фронт для оказания помощи солдатам. Среди рассказов в «Неживом звере» некоторые как раз навеяны дежурствами, ночными разговорами с ранеными, ощущением внезапной и острой душевной близости, такого глубокого родства двух людей, рядом с которым вся другая жизнь кажется ненастоящей, неважной.

СЛАБЫ МОИ СИЛЫ

Февральскую революцию Тэффи приняла. Между Февральской и Октябрьской напечатала в «Русском слове» множество политических фельетонов, в которых критиковала Временное правительство, коррупцию, конкретных министров. В некоторых фельетонах писала об обретающем все больший политический вес Ленине: «Лоб нехороший: очень выпуклый, упрямый, тяжелый, не вдохновляющий, не ищущий, не творческий, «набитый» лоб». Она была убеждена, что за большевиками идут самые необразованные, неграмотные народные массы. И задумывалась: «Какая огромная работа – снова поднять и очистить от всего этого мусора великую идею социализма!» Уезжать из страны она не собиралась, даже призвала в одном из своих фельетонов не дезертировать, не бросать свою страну, а работать для нее. Идеи свободы и равенства она принимала. Унижения, грабежи, расстрелы, насилие – нет. Знаменитый ее рассказ «Пильотина», посвященный Троцкому, прекрасно иллюстрирует ее отношение к беззаконию. Граждане спокойно идут с утра занимать очередь на гильотинирование – и волнует их только то, что надо стоять три часа на морозе, хочется уж как-нибудь побыстрее отделаться. Журнал «Новый Сатирикон» и газета «Русское слово», где она работала, были закрыты в 1918 году, книги перестали выходить из-за бумажного кризиса – и она осталась практически без работы и без средств к существованию. «По черным ночным домам, где прохожих душили и грабили, бегали мы слушать оперетку «Сильва» или в обшарпанных кафе, набитых публикой в рваных, пахнущих мокрой псиной пальто, слушали, как молодые поэты читали сами себя и друг друга, подвывая голодными голосами. <...> Всем хотелось быть «на людях»... Одним, дома, было жутко». Это она вспоминает время перед отъездом вместе с Аркадием Аверченко в турне на Украину, тогда оккупирован-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ную австрийско-германской армией. Голодные литераторы и актеры надеялись на заработки в той части бывшей империи, где еще сохранялись старые порядки. Об этом турне Тэффи рассказывает в своей «Ностальгии»: о попытках раздобыть пропуска и провезти через границу вещи, о жутком концерте для комиссаров в приграничном городе, где расстреливают без суда и следствия, а собаки грызут тела погибших. Рассказывает о сытом и суматошном Киеве, полном знакомых, сбежавших от советской власти, о приходе Петлюры, о жизни в Одессе. О том, как

Н.А. Тэффи.
Танго смерти.
Обложка книги,
изданной в СССР
в 1927 году.
Художник
В. Александров-
ский

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Номер газеты
«Возрождение».
2 октября
1925 года

после ухода французской армии пыталась бежать вместе со всеми и лишь чудом попала на маленький пароходик под названием «Шилка». Это там, на «Шилке», сломанной и брошенной экипажем, восстановленной пассажирами, плывущей неизвестно куда, Тэффи написала:

*К мысу радости, к скалам печали ли,
К островам ли сиреневых птиц –
Все равно – где бы мы ни причалили,
Не поднять мне тяжелых ресниц...*
Вертинский положил эти стихи на музыку и спел – спел так, что теперь мало кто и помнит, кто автор этих строк.

Затем были Екатеринодар, Ростов, Новороссийск, Кисловодск – полтора года скитаний. Закончились они тем, что на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» Тэффи отправилась в Константинополь. «И вот, как жена Лота, застыла, остолбенела навеки и веки видеть буду, как тихо-тихо уходит от меня моя земля» – так заканчивает она свою книгу воспоминаний «Ностальгия». Надежд не осталось. «Слабы мои силы и малы, но я отдал их все целиком».

КАК МЕРТВЫЕ ЛЯГУШКИ

Из Константинополя Тэффи переехала во Францию, где стала работать в эмигрантской газете «Возрождение». Настоящую славу ей принес рассказ «Ке фер?» (Que faire? – Что делать), где генерал вышел на парижскую площадь, огляделся и сказал: «Все это, конечно, хорошо, господа! Очень даже все хорошо. А вот... ке фер? Фер-то ке?» «Ке фер?» по рекомендации Ленина в 1920 году перепечатала «Правда», а советские критики стали писать, что Тэффи разоблачает духовный крах эмиграции. Она не столько разоблачала, сколько задумывалась. Писала не столько о политике, сколько о людях. Об ощущении внутреннего тупика, истощенности сил; о том, что эмиграция вечно бранится, ссорится и что-то делит, об одиночестве людей. Она не могла отделаться от мысли, что все, что происходит с ней – это почти за гробом, что это посмертное существование:

«Да, – едим, одеваемся, покупаем, дергаем лапками, как мертвые лягушки, через которых пропускают гальванический ток. Мы не говорим с полной искренностью и полным отчаянием даже наедине с самыми близкими. Нельзя. Страшно. Нужно беречь друг друга. Только ночью, когда усталость закрывает сознание и волю, Великая Печаль ведет душу в ее родную страну».

В первые годы эмиграции она опубликовала два сборника стихов и несколько сборников рассказов. Книги выходили в небольших русских издательствах в Париже, Стамбуле, Берлине, Шанхае, Праге, Стокгольме. Стихи ее в это время – очень мрачные. О корабле смерти, о черном горбуне, погасившем солнце, о матери, которая оплакивает сына – его повесили на веревке, которую она сама сплела. Невыносимое чувство собственной вины за то, что свобода обернулась петлей, – это тоже теперь навсегда с ней: слабых сил не хватило.

В ее рассказах уже нет былого ослепительного остроумия. В них есть наблюдательность и анализ человеческой природы. Тэффи не перестала любить и жалеть людей – просто во многом знании много печали. Она видит, как распадается традиционный семейный уклад, как женщины, привыкшие быть женами, матерями и домохозяйками, начинают зарабатывать и кормить семью, учатся выживать одни, как дети ссорятся с родителями, которые тянут их в несбыточную Россию прошлого, когда дети пытаются врать в новую жизнь в настоящем. Видит, что рушится не только общность людей, не только семья – но и психика человеческая не может справиться с мучительным внутренним разладом.

Скоро стало понятно, что эмиграция – это навсегда. В жизни появляется стабильность, оседлость; в письмах Тэффи постоянно возникает упоминание о Павле Тикстоне. В России он был промышленником и директором банка, во Франции вошел в правление страхового общества «Саламандра».

Надежда Тэффи.
Париж. 1920-е
годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Из мемуарной литературы известно, что Тикстон был человеком добрым, отзывчивым, к Тэффи относился очень нежно. Венчаться они не стали, жили счастливо и не бедствовали – мемуаристы вспоминали, что у них было три хороших комнаты и дома всегда стояли живые цветы. Тикстон разорился из-за мирового кризиса, тяжело заболел и умер у Тэффи на руках в 1935 году.

Тэффи много работала. Печатались во множестве эмигрантских изданий. Ее рассказы с удовольствием печатали, не выплачивая ей гонорара, в СССР, пока она официально не запретила использовать ее имя. Она твердо защищала свои авторские права. Известна даже история о каком-

то американце, который присвоил ее рассказ – Тэффи добила его извинений. Ее пьесы шли в европейских театрах. Она много выступала с чтением рассказов – в том числе на благотворительных вечерах: эмигранты жили трудно и нуждающихся среди них было множество. К Тэффи постоянно обращались за помощью, она регулярно занималась сбором средств – то для конкретных людей, то на общественные проекты вроде создания библиотеки в Ницце.

Ее эмигрантские рассказы, собранные в книгу «Июнь», полны бескрайней печали: вся жизнь устроена не так, как надо, счастья не будет, покоя и воли тоже нет. Есть только спокойное принятие происходящего: оно позволяет жить. Есть христианское смирение и глубокая вера, исследователи обычно связывают появление религиозных и мистических мотивов в прозе Тэффи с тем, что она стала посещать религиозно-философское общество «Зеленая лампа», организованное Мережковским и Гиппиус. Но главное – есть любовь и нежность, разрывающая сердце, о которой Тэффи пишет: «Нежность – самый кроткий, робкий, божественный лик любви. Сестра нежности – жалость, и они всегда вместе». Ее предвоенный сборник так и называется – «О нежности», и говорится в нем о детях и зверях, отраде ее души.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Редакция газеты
«Возрождение».
Париж. 1930-е
годы

В конце 1930-х Тэффи несколько раз ездила к младшей дочери, Елене, в Варшаву. Печатала фельетоны в варшавской газете «За свободу!», общалась с русскими и польскими литераторами. К началу войны она вернулась в Париж. Видела, как в город входят немцы. Во время оккупации перестала печататься – не сотрудничала с изданиями, подчинявшимися немецкой администрации, доходы ее резко сократились, иногда ей просто нечего было есть. Исчезновение ее из печати многих заставило думать, что она умерла, по ней даже служили панихиды, а в 1943 году «Новый журнал» опубликовал ее некролог.

О ЛЮБВИ

В военное время она жила в Париже, в Биаррице, в Анже. Она по-прежнему много работала. Старалась хорошо выглядеть. Была остроумна и обаятельна. Пожалуй, одна Ирина Одоевцева заметила в ней усталость, тоску и неврастечность: Тэффи рассказала ей, что навязчиво считает окна домов на прогулке, нечетное число – хорошо, четное – к несчастью. Жаловалась, что это сводит ее с ума. Одоевцева вспоминает ее слова: «Все от безделья, от скуки. Печататься негде, впрок я писать не умею, вот глупые мысли и расплодились в мозгу, как тараканы. Шуршат, бегают, усиками шевелят. А мне от них коломатно и тошно. До того, что иногда просто хочется головой о стенку». Усталая, раздраженная, отчаявшаяся Тэффи – такой она только один раз приоткрылась собеседнице. Обычно была весела, любезна, очаровательна, в душу свою не впускала: в калошах нельзя, а без калош – там океан невыплаканных слез.

В 1946 году Тэффи опубликовала сборник «Все о любви» – истории любви, рассказанные женским голосом. Истории нежные, жуткие, безобразные, глупые, смешные. В них множество женских персонажей – от прелестных девочек-подростков до злых старух, множество точных и верных пор-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ретов, от тонко-акварельных до графично-гротесковых.

В конце 1940-х она уже много болела. Дочь Валерия, которая приезжала к ней жить во время войны, овдовела и уехала в Лондон, Елена жила в Варшаве. Следы сына Яна затерялись в России. Тэффи одиноко жила в Париже. Писала мемуары. Пережила инфаркт, после которого работать стало совсем трудно. В 1950-м ее финансовое положение резко пошатнулось, так что в эмигрантских кругах даже собрали благотворительный вечер в ее пользу. В это время ее, как и Бунина, звали на родину, обещали советское гражданство. Она встречалась с приезжавшим в Париж Симоновым. Иногда пишут, что за несколько дней до смерти Тэффи приняла советское гражданство. Биограф Тэффи Елена Широкова считает, что слух пустили сотрудники «Русской мысли» и саму Тэффи он раздражал. Она не только раз за разом отказывалась от предложенного советского гражданства, но и шутила,

Обложка книги
Н.А. Тэффи
«Все о любви»
(Париж, 1946)

что на родине ее встретит плакат «Добро пожаловать, товарищ Тэффи», а на поддерживающих его столбах будут висеть Ахматова и Зощенко.

Последней ее книгой стала «Земная радуга», вышедшая в начале 1952 года. В мае Тэффи исполнилось 80 лет; как ни скрывала она свой возраст, скинуть годы жизни ей уже не удавалось. Она жаловалась, что жить скучно: «Все мои сверстники умирают, а я все еще чего-то живу. Словно сижу на приеме у дантиста, он вызывает пациентов, явно путая очередь, а мне неловко сказать, и я сижу, усталая и злая». В сентябре она праздновала именины – День Веры, Надежды, Любви – и через неделю после него умерла. Рассказывали, что она очень страдала. Ей укололи морфий, она затихла – и сиделка подумала, что она уснула. За несколько часов до смерти она просила зеркало и пудру.

Близкие друзья отслужили по ней две панихиды и вызвали из Лондона дочь Валерию. Та приехала на второй день. «Когда 6 октября 1952 г. я вошла в ее комнату, там стояли друзья и какие-то неизвестные мне люди со свечами в руках. Тэффи спала вечным сном, спокойная, красивая, с венчиком на голове», – вспоминала дочь. В гроб Тэффи, как она и просила, положили кипарисовый крестик из Соловецкого монастыря, который всегда был с ней. Похоронили на Сен-Женевьев-де-Буа рядом с Буниным.

Может быть, где-то там она и причалила к своему мысу радости, к золотым садам и сиреневым птицам – туда, где
*Есть в небесах блаженный сад у Бога,
Блаженный сад нездешней красоты.
И каждый день из своего чертога
Выходит Бог благословить цветы.*

*Минует все – и злоба и тревога
Земных страстей закланной суеты,
Но в небесах, в саду блаженном Бога
Они возрастают в вечные цветы.*

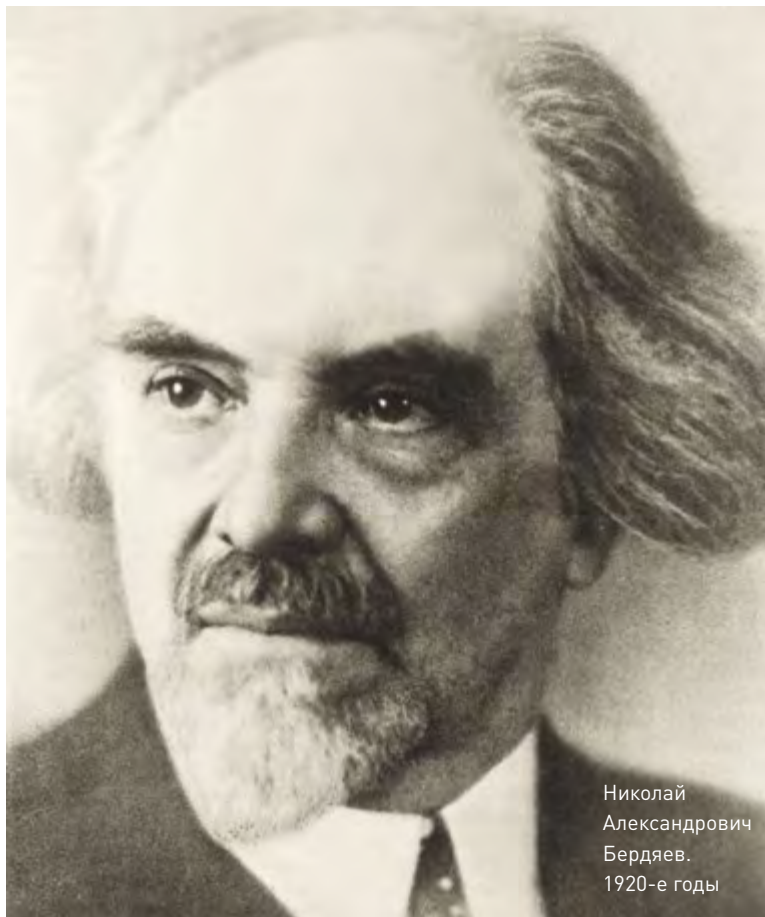
*И чище лилий, ярче розы томной
Цветет один, бессмертен и высок –
Земной любви, поруганной и темной,
Благословенный, радостный цветок.* ■

«Я ВСЕГДА БЫЛ НИЧЬИМ ЧЕЛОВЕКОМ»

АВТОР

МАРИНА ЯРДАЕВА

СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО! РАЗВЕ НЕ ПРЕКРАСНЫЕ ИДЕАЛЫ? НО, СОБЛАЗНИВШИСЬ ИМИ, ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ПОВЕРНУЛО СОВСЕМ НЕ ТУДА. ПРОНЕСЯ ИДЕИ О НЕДОПУСТИМОСТИ ВОЗВЫШЕНИЯ ОДНИХ НАД ДРУГИМИ, О СЧАСТЬЕ В КОЛЛЕКТИВЕ, О ГОРЕНИИ В СЛАЖЕННОЙ РАБОТЕ НАД УСТРОЕНИЕМ РАЯ НА ЗЕМЛЕ ЧЕРЕЗ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ XIX ВЕК, МИР УПЕРСЯ В ВЕК ЖУТКИЙ – XX. СВОБОДА ОБЕРНУЛАСЬ ПОРАБОЩЕНИЕМ ЦЕЛЫХ НАРОДОВ, РАВЕНСТВО – НИКЧЕМНОСТЬЮ ВСЕХ ПЕРЕД ВСЕМИ, А БРАТСТВО ВЫРОДИЛОСЬ В БЕЗЛИКУЮ МАССУ. ПОЧЕМУ? БЫЛА ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА? СВОБОДА, ТВОРЧЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ! ТАКУЮ ТРИАДУ ПРЕДЛОЖИЛ МИРУ НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ, САМЫЙ ВНИМАТЕЛЬНЫЙ НАБЛЮДАТЕЛЬ XX СТОЛЕТИЯ, САМЫЙ СТРОГИЙ ЕГО СУДЬЯ.

Николай
Александрович
Бердяев.
1920-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Г ОВОРИТЬ О БИОГРАФИИ Николая Александровича Бердяева странно. Его биография – это движение мысли и чувства, это, в сущности, философия. Нет, конечно, и в жизни мыслителя внешние события были тесно связаны с внутренними, но связь эта такая парадоксальная, иррациональная, что порой и не знаешь, с какого конца подступиться. И потому начать лучше не с конца, а с начала. Или все же с конца? «Я никогда не ощущал, что родился от родителей», – признается философ, подводя итоги своего пути в «Самопознании». Это следует отметить прежде. И снова вернуться к началу.

Николай Бердяев родился 6 (18) марта 1874 года в Киеве. Отец, Александр Михайлович Бердяев, происходил из дворянского рода киевских и харьковских помещиков. Предки его почти все военные, сам он был кавалергардом, рано вышедшим в отставку. Мать, Алина Сергеевна, урожденная княжна Кудашева, наполовину француженка. Родители вращались в кругах, близких к императору Александру III. Семейный уклад отличался крепким, комфортным бытом. И в то же время будущий философ подмечал в родных какую-то неприспособленность к жизни, надлом, большую чувствительность и душевное неблагополучие. Отца раздирали противоречия между патриархальными привычками и либеральными взглядами. Мать была болезненной и нервной. В доме «образовалась атмосфера, родственная Достоевскому».

Раннее детство – пора безмятежности. Прогулки с няней

по чудесным аллеям, катание на кабриолете с пони, поездки в Вену. Потом – учеба, суровая повседневность. По семейной традиции мальчик был зачислен в Киевский кадетский корпус. Это было то еще испытание – казенщина, военщина, грубое общество. Учился кадет Бердяев посредственно, по собственному признанию, «не мог решить ни одной математической задачи, не мог выучить четырех стихотворения». Позже он объяснял: «Мои способности обнаруживались лишь тогда, когда умственный процесс шел от меня, когда я был в активном творческом состоянии, и я не мог обнаружить способностей, когда нужно было пассивное усвоение, запоминание». Способности обнаружили к философии.

Уже в 14 лет Николай Бердяев читал Канта, Гегеля и Шопенгауэра. Немецкие мыслители подтвердили его смутные догадки о мире: оказалось, что разлад с миром явлений отнюдь не мнимый, не кажущийся, он реален, трагичен, невыносим. С этим нужно было что-то делать. Просто принять это было невозможно. Жизнь бросила вызов – следовало вступить в борьбу. Досушая психология теперь легко объясняет такие порывы и озарения подростковыми кризисами. Бердяев рано понял, что человек одной психологией не исчерпывается, как не исчерпывается он и социологией, и уж тем более биологией. Человек есть существо, способное возвыситься над природным миром и над самим собой.

В шестом классе Николая Бердяева переводят в Пажеский корпус в Петербург. Но он отказывается ехать в столицу, отказывается вовсе от военной карьеры, ставшей ему ненавистной заранее. Он бросает все, еще больше углубляется в книги, готовясь к поступлению в Киевский университет. В 1894 году он становится студентом естественного факультета. Через год переходит на юридический.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРАВДА МАРКСИЗМА

«У меня было раннее сознание того, что мир, общество, цивилизация основаны на неправде и зле. <...> Я рано почувствовал разрыв с дворянским обществом, из которого вышел, мне все в нем было не мило и слишком многое возмущало. <...> Мне никогда не импонировало никакое положение в обществе, никакой иерархический чин, никакая власть», – пишет Бердяев в своей философской автобиографии. Во время учебы в университете все его противоречия – сословные, социальные и как следствие мировоззренческие, духовные – усугубляются. Доходит до абсурда: новоявленный студент предпочитает общество евреев лишь потому, что это дает ему гарантию, что они не дворяне и не родственники.

Николай
Бердяев.
1899 год

Киев.
Аскольдова
могила.
На склоне лет,
во Франции,
Бердяев
вспоминал
лавру, Крещатик,
Софию, Днепр,
Царский сад
и кладбище
возле Аскольдо-
вой могилы,
где были
похоронены
предки
философа...

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

С такими воззрениями немудрено попасть в среду молодых революционеров.

Еще в первые годы учебы Бердяев сошелся с марксистом Давидом Логвинским, через него вошел в группу, в которую входил и Луначарский. Порвавший со своей средой дворянин начал читать лекции и доклады членам Киевского социал-демократического комитета. Он даже сделался кем-то вроде идейного руководителя. Что же пленило философа в марксизме? Историзм, масштаб, широта перспектив. К тому же трудно было не согласиться с марксистской критикой капитализма. Правду этой социальной критики Бердяев не отвергал по-настоящему никогда. А в молодости он готов был за нее и пострадать.

В 1898 году Бердяев был арестован и исключен из университета. Около месяца он провел в Лукьяновской тюрьме, где испытал почти религиозный экстаз. Настроение его охватывало самое победное. Да и тюремный режим был легок – во время прогулок арестанты устраивали собрания с докладами. Благодаря связям отца философа скоро освободили. Но позже, уже в 1900 году, неблагонадежного дворянина сослали на три года в Вологодскую губернию. Вместе с ним туда отправились и многие его товарищи-социалисты.

Еще до ссылки, впрочем, Бердяев начал отдаляться от марксизма – он сделался для него слишком тесным. Философ в то время читал Достоевского, Толстого, Ницше, символистов. На почве сходности литературных интересов подружился с религиозным экзистенциалистом Львом Шестовым. Начал работать над первой книгой, «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии». В своей работе Бердяев высказывает крамольные для марксиста мысли: «Истина, добро, красота не зависят от революционной классовой борьбы, определяются не социальной

Н.А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии [С.-Пб., 1901].
Титульный лист

средой, а трансцендентальным сознанием». В 1901 году книга печатается с предисловием Петра Струве, который тоже уже повернул к идеализму. Работа Бердяева вызвала негодование в левых кругах. А после публикации статьи «Борьба за идеализм» марксисты и вовсе записали философа в изменники. Однако, даже столкнувшись с нетерпимостью, узостью сознания подавляющего большинства, низким уровнем культуры оппозиционно настроенного общества, Бердяев продолжал считать себя социалистом.

После ссылки Николай Бердяев переехал в Петербург и на время примкнул к нелегальному «Союзу освобождения». В 1903–1904 годах участвовал в организованных обществом заграничных съездах. В Женеве, к слову, встречался с Плехановым, говорил с ним о наивности материалистического рационализма. Плеханов, впрочем, его не понял, заявил, что с такой философией нельзя оставаться марксистом. Вскоре собрания представителей движения, так называемые «освободительские банкеты», стали для философа мучительными, он окончательно порвал с этой средой.

Н.А. Бердяев.
Судак. 1912 год

ПОВОРОТ К РЕЛИГИИ

В 1905 году представители различных новых течений сходились на страницах петербургского журнала «Вопросы жизни», а ищущие нового религиозного откровения – еще и в салоне Мережковских. Бердяев не остался в стороне ни от того, ни от другого. На этих встречах он познакомился с самыми интересными, самыми яркими философами, писателями и поэтами: Вячеславом Ивановым, Андреем Белым, Василием Роза-

новым. С Зинаидой Гippiус он мог разговаривать до глубокой ночи. С самим Дмитрием Мережковским тесного общения не случилось. А жаль.

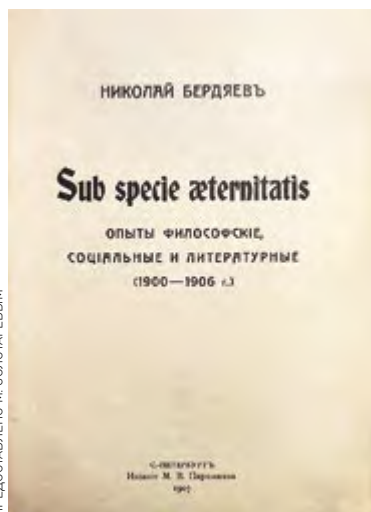
Оба философа во многом сходились. Во взглядах на идеи Достоевского и Толстого, в любви к Рафаэлю, в интересе к фигуре Леонардо да Винчи и в двойственной оценке его творчества. И оба этой схожести не признавали. Удивительно читать признания Бердяева об огромной разности с Мережковским. И еще удивительнее иллюстрации этой разности. Николай Александрович упрекал Мережковского, например, в том, что тот совсем не чувствителен к правде толстовского протеста. Но ведь он и сам в «Духах русской революции» недвусмысленно называл бунт Толстого «рабым». Бердяев упрекал Мережковского в холодной эгоцентричности, в равнодушии к идеям других, но ведь и его самого часто упрекали в том же, и он, как никто, понимал истоки этого непонимания. Мережковский так же чувствовал себя чуждым миру, как сам Бердяев ощущал себя «ничьим человеком». Поразительно, как оба не угадали этого друг в друге. Поразительно, как смогли они потом разойтись на всю жизнь и не встречаться даже в Париже, в эмиграции.

Впрочем, возможно, они просто повстречались не вовремя. Их разделила русская революция

Главный зал библиотеки Киевского университета Святого Владимира. 1890-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.А. Бердяев. Sub specie aeternitatis (С.-Пб., 1907). Титульный лист

1905 года, они разминулись в ее понимании. Хотя и это ужасно странно. Многие идеи, что высказывал Мережковский еще в 1900-х годах, были продолжены потом в сборнике статей о русской интеллигенции «Вехи», но Мережковский, будто забыв о своих бывших настроениях, приветствовал 1905-й с каким-то неудержимым восторгом. Бердяев же переживал этот год тяжело: слишком удручающее впечатление произвели на него исторические события.

Поворот Николая Бердяева к христианству ознаменовался выходом книги Sub specie aeternitatis («С точки зрения вечности»). Хотя как такового обращения у философа не было, была лишь эволюция – вот ее-то он и за-

фиксировал в сборнике статей 1900–1906 годов. Об этой книге очень уж иронично отозвался Лев Шестов. Даже едко. Он подшучивал, что Бердяев «стал христианином прежде, чем выучился четко выговаривать все слова Символа веры. <...> стал выговаривать слово Христос тем же тоном, которым прежде произносил слово Маркс». По мнению Шестова, Бердяев открыл сборник убежденным кантианцем, а закончил полным отрицанием эмпирического мира, чем

Слева направо: А.К. Герцык, Н.А. Бердяев, Л.А. Жуковская, Е.К. Герцык, М.А. Волошин, Л.Ю. Бердяева. У дома Герцыковых в Судаче. 1910 год

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА Т.Н. ЖУКОВСКОЙ

Обложка сборника «Вехи». 1909 год

уподобился девицам, продолжающим играть в шахматы без короля.

А философу король и не нужен. Он сам по себе. Он знает, что в его пути нет ничего от метаний неопита, он только ищет новые способы выражения своих идей. И дело тут вовсе не в неумении что-то выговаривать, а в своей собственной терминологии, которая шла у философа от усложняющегося отношения к христианству. Он ведь подступался к нему с разных сторон: и с ортодоксальной, и с прогрессивной, и с народной, и даже с сектантской. Он участвовал и в религиозных собраниях интеллигенции, но его можно было встретить и в трактирах за спорами с бессмертниками, духоворами и хлыстами. Он изучал старчество и общался со странниками-паломниками. И ничего не удовлетворяло его.

В религии Николая Бердяева больше всего волновали вопросы о свободе, о творчестве, о личности. Он ставит их уже в книге «Новое религиозное сознание и общественность», вышедшей в 1907 году. Позже он разовьет эти идеи в работах «Философия свободы» и «Смысл творчества. Опыт оправдания человека».

А в 1909-м вышли в свет «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции вызвал шквал воз-

РУССКИЙ МИР.RU / ФЕВРАЛЬ / 2021

Василий Васильевич Розанов (1856–1919), русский религиозный философ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941), русский писатель, поэт, критик

мушения в обществе. Николай Бердяев выступил в сборнике со статьей «Философская истина и интеллигентская правда». Философ был, может быть, и не столь резок, как его коллеги, поскольку его в большей степени волновали вопросы все-таки отвлеченные, но и он обвинил революционеров в низкой культуре и невежестве. А главное, что поставил автор в упрек русской интеллигенции, – это утилитарное отношение к философии, обращение к ней за обоснованием их борьбы и, конечно, увлечение материализмом, самой элементарной и низкой формой философии. «С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье, – писал Бердяев, – любовь к уравнилительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине». Любовь к истине, любовь к свободному поиску самому Бердяеву не прощали очень уж часто. В «Философии свободы», вышедшей в 1911 году, усмотрели ересь уже и представители религиозных кругов. За статью «Гасители духа», опубликованную в 1913 году в «Русской молве», философа под дружное одобрение общественности отдали под суд за богохульство. Ему грозила Сибирь, но началась война, рассмотрение дела постоянно откладывалось вплоть до 1917 года – от новой ссылки Бердяева спасла, как это ни парадоксально, революция. Моральное же осуждение реакционной православной среды философа мало задевало. Да и прогрессивной тоже.

Уже в 1911 году Николай Александрович перестал посещать собрания Религиозно-философского общества, отошел от издательства «Путь», углубившись в творческое уединение. Зимой 1912-го философ с женой Лидией провел в Италии, где, конечно, много размышлял о судьбе Ренессанса. Здесь родилась и развилась философская идея об оправдании человека творчеством. Книгу «Смысл творче-

из семейного архива Т.Н. Жуковской

Н.А. Бердяев с женой Лидией Юдифовной (третья слева, в платке) и знакомыми на крыльце школы им. Вл. Соловьева на Остоженке. 1913 год

ства. Опыт оправдания человека» Николай Бердяев называл самым вдохновенным своим произведением.

Василий Розанов посвятил «Смыслу творчества» 14 критических статей. И в своих разборах то восхищался трудом Бердяева, то нещадно на него нападал. А нападая, он был совсем уж суров, писал, что книга слабая, что размышления дурные и газетные. При этом на поставленный Бердяевым вопрос, лучше ли было бы, если бы в России в начале XIX века жили не великий святой Серафим Саровский и великий гений Пуш-

кин, а два святых – святой Серафим и святой Александр, Розанов не моргнув глазом отвечает: да, с двумя святыми было бы очень даже замечательнее. Более того, Розанов тут же за Александра Сергеевича в некой гипотетической ситуации всем распорядился. «Сам Пушкин – сам! – ни на минуту не задумался бы кинуть и свои поэмы, и стихи к подножию той высоты, на которой стоят песнопения Дамаскина».

Читать такие разборы неловко даже не самому образованному читателю, а каково было автору. Бердяев по традиции сетовал, что опять оказался не понят. Что критики свели содержание книги к банальнейшей проблематике: оправдывает ли христианство творчество культуры (и почему-то только культуры). Философ же говорил не об оправдании творчества, а об оправдании человека творчеством, об антроподицее, об отношении человека к Богу посредством творчества, о том, что Бог такого стремления в человеке не только не осуждает, но ждет. Философа не слышали. Да и едва ли могли услышать. В 1916 году, когда вышла книга, историю двигали идеи отнюдь не созидательные. Мир был охвачен безумием разрушения.

Н.А. Бердяев. Философия свободы (М., 1911). Обложка

предоставлено М. Золотаревым

**РЕВОЛЮЦИОНЕР
ПРОТИВ РЕВОЛЮЦИИ**

1917 год Николай Бердяев встретил с негодованием. Сбылись все самые мрачные его пророчества. Либеральная Февральская революция обернулась провалом, разложением и в конце концов большевистским Октябрьским переворотом, крушением культуры. Однако – и это вполне в духе философа – стихия русской революции и Гражданской войны не подавила Бердяева, не ввергла в уныние. В очередной раз он испытал творческий подъем. Да, философ был движим злостью, гневом, он готов был сражаться.

Особенно продуктивным для него был 1918 год. В это время выходит сборник «Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности». Также Бердяев пишет эссе «Духи русской революции», посвященное влиянию на революционеров русской литературы. Удивительно, какие парадоксальные связи увидел философ в отношениях отечественных «освободительных сил» и нашей классики. Это, конечно, интерпретация интерпретаций, но насколько она оригинальна! Так еще никто до Бердяева не разбирал наследие Достоевского, Толстого и Гоголя. И в этот же период философ пишет полную обличительного пафоса «Философию неравенства», которая так и не будет опубликована в Советской России.

«Философия неравенства» – удивительная вещь. Принято считать, что позже философ от нее отрекся. Но это не вполне так. Впоследствии Бердяев признавался лишь в том, что этой своей книги не любит. При этом важно понимать, что он вообще мало какими своими работами был удовлетворен, нередко уже после публикации очередной книги он чувствовал, что выразил мысль в ней недостаточно полно и ясно. «Философия неравенства», впрочем, не удовлетворяла автора более других, слишком уж скор он был в этой работе на обвинения. Однако и в самые последние годы жизни Бердяев признавал, что и в этой чрезмерно эмоциональной книге он оставался верен своей

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА Т.Н. ЖУКОВСКОЙ

любви к свободе. Не отказывался он и от большинства высказанных в книге идей о равенстве, демократии, культуре и, конечно же, снова о творчестве (которое считал явлением аристократичным) и о личности (всегда противопоставленной коллективу).

В эти смутные времена Николай Бердяев вообще очень активен. Он много пишет, выступает с публичными докладами в Вольной академии духовной культуры, в 1920 году становится профессором Московского университета, на своих лекциях критикует марксизм. Философ открыто объявляет большевиков своими врагами, ведет с ними ожесточенную – не политическую, не со-

Н.А. Бердяев.
1900-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.А. Бердяев.
Свободная
церковь
(М., 1917).
Обложка

циальную, но духовную – борьбу. При этом он выступает вовсе не как реставратор монархии, напротив, он ощущает себя гораздо в большей степени революционером, чем его оппоненты. Бердяев вполне осознает, что старый мир невозможен, его не особенно тревожат и социальные потрясения, они осознаются как временные, не стоящие внимания. Он даже видит в них хоть и дурную, но правду – даже когда самому приходится чистить снег, отбывая трудовую повинность, даже когда жизнь его семьи зависит от распределения пайков в Лавке писателей. Всё, что философа по-настоящему ужасает в большевистском режиме, – это надругательство над свободой, террор и возможность тотального геноцида, уничтожение культуры, торжество невежества, низвержение интеллигенции (революции всегда неблагодарны к тем, кто их готовит), превращение мира в промышленную ассоциацию, а общество – в массу потребителей (тут он предвосхитил Бодрийяра). Разумеется, те, против кого Бердяев направил свой гнев, не могли этого долго терпеть.

В феврале 1920 года Николай Александрович переживает первый при новом строе арест. Формально репрессии были связаны с делом так называемого «Тактического центра» (объединение подпольных антибольшевистских партий и организаций), к которому философ отношения не имел. Во внутреннюю тюрьму ЧК к философу пожаловал сам Дзержинский. Бердяев отмечал, что допрос в его присутствии носил какой-то торжественный характер. Философ много и пламенно говорил, основатель ВЧК внимательно слушал, а потом попросил Менжинского отвезти арестанта домой на автомобиле.

Следующий арест случился через два года на фоне антирелигиозных преследований. Философ просидел в тюрьме около недели, а потом ему объявили о высылке из СССР. Через два месяца Николай Александрович с семьей покинул Россию на знаменитом «философском пароходе».

ЭМИГРАЦИЯ

Первые годы эмиграции Николай Бердяев живет в Берлине. Участвует в создании Русского научно-института и Религиозно-философской академии. Однако вскоре окружение вновь перестает удовлетворять философа. Да и он – окружающих. За высказанную Бердяевым мысль о том, что западным государствам было бы неплохо формально признать советскую власть, чтоб не усиливать культурную и общественно-политическую изоляцию России от остального мира, что могло бы смягчить самые пагубные стороны большевизма, он подвергается чуть ли не остракизму. Радикальнее всего философ расходится с бывшим идейным товарищем Петром Струве, возглавившим в Берлине одну из групп Белого движения.

Первыми книгами Бердяева, вышедшими в эмиграции, становятся «Смысл истории» и «Новое средневековье». В этих работах философ продолжает развивать идеи, обозначенные ранее в эссе «Предсмертные мысли Фауста», посвященном анализу «Заката Европы» Шпенглера, и статье «Демократия, социализм и теократия». Небольшая книжка «Новое средневековье» приносит Николаю Бердяеву европейскую известность – работу перевели на 14 языков. И это вполне объяснимо: Европа переживала послевоенную раздробленность, была напугана будущим – капитализм себя изжил, а в коммунизме мерещился новый антихрист. Народы искали сплочения в новой возвышающей идее. Философ попал, что называется, в тренд.

Однако сам Николай Александрович больше ценил «Смысл истории», труд, который оказался менее понят. В этом произведении усиливается характерная для философа эсхатологическая проблематика. И отнюдь не в духе Шпенглера. Конец истории мыслился автором не как апокалипсис, а как торжество Царства Божьего, царства свободы, как преодоление разрыва между ми-

Н.А. Бердяев.
Философия
свободного духа
(Париж, 1927).
Обложка

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Н.А. Бердяев. Русская идея
(Париж, 1946). Обложка

ром природным и личностью, как победа над малостью и извечным одиночеством человека. Одиночество, тоска, творчество, бунт, свобода – эти темы все больше углубляются и заостряются в работах Бердяева. Сам он определяет свою философию как экзистенциальный персонализм. Наиболее ярким выражением этого направления становятся двухтомник «Философия свободного духа», написанный уже после переезда философа в Париж, и книга «О назначении человека», опубликованная в 1931 году. Философ не только дает афористическое понимание личности, но и открывает путь раскрытия человеческого «я». «Личность совсем не есть часть общества, – утверждает он. – Наоборот, общество есть часть личности, лишь социальная ее сторона. Личность не есть также часть мира, космоса, наоборот, космос есть часть личности. <...> При этом личность не самодостаточна

<...> Личность есть сопротивление, сопротивление детерминации обществом и природой, героическая борьба <...> Личность есть боль. <...> Быть личностью, быть свободным есть не легкость, а трудность».

Трудно не только быть свободным, трудно само понимание идеи свободы. Особенно в эпоху, когда умы захватила идея социально-политической борьбы. Как это случилось со многими русскими эмигрантами. Бердяев следил за развитием их идей, но полемика с ними становилась все более нежизнеспособной. В евразийцах философа отталкивало упоение Востоком, при котором Орда оказывалась роднее Византии; в идеологах военного отпора коммунистам пугала косность и агрессивность. В этом смысле показателен заочный спор Бердяева с Иваном Ильиным. Николай Александрович сравнил книгу «О сопротивлении злу силою» с проповедью «Чека во имя Божие», Ильин в ответ назвал рецензию Бердяева «больной выходкой». И вся аргументация идеолога Русского общевоинского союза свелась к цитированию Библии, к приведению в примеры Крестовых походов и благословению русских воинов Сергием Радонежским.

В Париже Николай Александрович все больше сходится с французскими писателями и философами. Он встречается и много

Иван
Александрович
Ильин
(1883–1954),
русский
философ,
писатель
и публицист

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛТАРЕВЫМ

беседует о коммунизме с Андре Жидом, участвует в философских собраниях у Габриэля Марселя, спорит об Аристотеле и Фоме Аквинском с Жаком Маритеном. С соотечественниками философ разрывает почти все связи.

Исключение составляла только дружба с Шестовым. И он, в свою очередь, в 1930-е оставался одним из немногих русских эмигрантов, кто интересовался собственно философией Николая Бердяева, а не его высказываниями на актуальные темы. В эти годы Лев Шестов уже не так иронично-сниходителен к товарищу, как в 1900-х, но он по-прежнему критикует мыслителя с позиции будто бы старшего брата. Шестов указывает Бердяеву на слабость понятия «несотворенной свободы», на несостоятельность обращения к идеям, выраженным Достоевским в «Великом инквизиторе», и бунту датского философа и теолога Кьеркегора, на неразрешимость парадокса ветхозаветной Книги Иова. По мнению Шестова, философ идет по пути, намеченному до него, и останавливается на половине. Он писал, что Бердяев, утверждая, что Бог над свободой не властен, поскольку свобода необходима для познания истины, вообще отбрасывает вопрос «Зачем познавать это чертово добро и зло, если это так дорого стоит», и добавлял, что философ также игнорирует финал Книги Иова, в котором Бог отнюдь не бессилен.

Но что, если Бердяев не на половине остановился, а дальше пошел? Что, если это сам Шестов на Досто-

евском споткнулся, приняв лишь пафос человека из подполья, бунт Ивана Карамазова да претензии миру Ипполита. Ведь и сам Достоевский дальше пошел: невозмутимо мимо Ипполита, вслед за своим князем Мышкиным. Как ни возмущался Шестов слабостью образа Мышкина, как ни корчился от его тихого «Простите нам наше счастье», а Достоевский все же мыслью и сердцем с ним дальше отправился. И Бердяев идет дальше, обходя тупики. Он идет, не упрощая, а усложняя мир.

Бердяев и в мирском идет дальше. Если Мережковский – сам себя перерастающий в своей прозе – не выдерживает гнета времени и высказывает перед войной симпатии к Гитлеру (пусть потом и горько раскаивается), то Бердяев входит в историю совсем иным жестом: в 1944 году, после страшных лет оккупации (страшных для него не столько бомбами, сколько упадничеством духа), он вывешивает на своем доме в Кла-

«Три богатыря» русской философии:

Сергей Николаевич Булгаков, Владимир Францевич Эрн, Николай Александрович Бердяев

Лев Исаакович Шестов.
Портрет работы С. Сорина.
1922 год

маре красный флаг, приветствуя освободителей. Не большевиков – освободителей! Если правда оказывается на стороне его оппонентов, он остается с правдой. Если такова судьба России, то это и его судьба тоже. Такова его свобода.

О судьбе России Николай Александрович наиболее полно размышляет, конечно, в одной из самых известных книг – в «Русской идее». Вычленять главное смысла нет, да это и невозможно, слишком громаден материал. Философ задается не столько вопросом, чем была и является Россия эмпирически, сколько тем, что замыслил Творец о России. Эту книгу можно было бы назвать итогом творчества философа, если бы итоги были для него возможны.

Но философ не мыслит свою жизнь отрезками с началами и концами. После каждой вышедшей книги философ пишет новую. В любых условиях. Бердяев пишет во время бомбардировок, пишет после смерти жены, пишет во время болезней. В 1947 году выходит книга «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация», также философ заканчивает труд «Царство духа и царство кесаря». В это же время Николаю Александровичу присуждают степень доктора теологии Кембриджского университета, сообщают, что он является кандидатом на получение Нобелевской премии, приглашают на конференцию «Международные встречи в Женеве». В окружении мыслителя говорят о его мировой славе.

«С трудом поверят, как мало радости это мне дает, – вспоминал об этом Бердяев. – Я все-таки чувствую себя довольно несчастным, несчастным не по внешней своей судьбе, а по внутренней своей конструкции, по невозможности испытать удовлетворение, по непреодолимым противоречиям, по нелюбви ни к чему конечному».

Не любя ничего конечного, Николай Бердяев продолжает работать до самых последних дней. Жизнь философа обрывается 23 марта 1948 года. В собственном доме в Кламаре. За письменным столом. ■

ОБЫКНОВЕННЫЙ ГЕНИЙ

АВТОР

ИРИНА КРЕМЕНЬ

ВЕЧЕРОМ 4 МАЯ 1896 ГОДА В ПЕТЕРБУРГСКОМ ЛЕТНЕМ САДУ «АКВАРИУМ» ПУБЛИКА НЕИСТОВСТВОВАЛА: В АНТРАКТЕ МУЗЫКАЛЬНОГО СПЕКТАКЛЯ ПРОШЕЛ ПЕРВЫЙ В СТОЛИЦЕ 10-МИНУТНЫЙ КИНОСЕАНС. ОСОБЫЙ ВОСТОРГ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ ВЫЗВАЛО ЗНАМЕНИТОЕ «ПРИБЫТИЕ ПОЕЗДА» БРАТЬЕВ ЛЮМЬЕР. ЧЕРЕЗ ТРИ МЕСЯЦА ПОСЛЕ ЭТОГО СОБЫТИЯ В ГОРОДЕ НА НЕВЕ РОДИЛСЯ ЧЕЛОВЕК, ЧЬИ БУДУЩИЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ ПОМОГУТ ВЕЛИКОМУ НЕМОМУ ВОЙТИ В КАЖДЫЙ ДОМ. И ХОТЯ ИМЯ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА ЧАЩЕ ВСЕГО СВЯЗЫВАЮТ С ПЕРЕВОРОТОМ В МУЗЫКАЛЬНОМ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОМ ИСКУССТВЕ, СФЕРА ЕГО НАУЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ БЫЛА КУДА ШИРЕ, А СОЗДАННЫЕ ИМ ТЕХНОЛОГИИ ОПЕРЕЖАЛИ ВРЕМЯ.

...**К**РОВАВАЯ ВАР-
фоломеевская
ночь 24 августа
1572 года, ког-
да во Франции было убито свы-
ше 30 тысяч гугенотов, вынуди-
ла многих оставшихся в живых
протестантов покинуть родину.

В их числе был и дворянский
род Theremin, чей герб украшал
девиз «Не более, не менее». Спу-
стя двести лет одна из ветвей
рода обосновалась в России:
здесь гугеноты приняли право-
славие, а фамилия Theremin
трансформировалась в Термен.

ПОТОМКИ ГУГЕНОТОВ

Эта история была хорошо извест-
на друзьям семьи петербургско-
го адвоката Сергея Эмильевича
Термена. 28 августа 1896 года у
него родился сын, которого на-
звали Львом. Как рассказывал
сам Лев Сергеевич, к трем годам
он уже научился читать. К четы-
рем нашел в отцовской библио-
теке словарь Брокгауза и Ефрона
и углубился в изучение солид-
ных томов. Игрушки его не ин-
тересовали, он любил разбирать
и собирать механизмы и в 5 лет
починил старинные часы! В од-
ной из комнат квартиры родите-
ли оборудовали для Льва малень-
кую лабораторию, где он ставил
физические опыты и вел астро-
номические наблюдения.

Мать вундеркинда, Евгения Ан-
тоновна, хорошо играла на роя-
ле, рисовала и любила литера-
туру. Именно она научила сына
читать, а затем пристрастила к
музыке: маленький Лев прекрас-
но играл на виолончели.

В Петербургской первой муж-
ской гимназии Лев поража л пе-
дагогов и одноклассников. «Ког-
да я перешел в седьмой класс
(1912 г.), директор гимназии
предложил мне сделать доклад
с демонстрациями моих опытов
для учеников и родителей, — пи-
сал Лев Термен в статье «Рожде-
ние, детство и юность «Термен-
вокса», опубликованной в 1972
году в журнале «Радиотехника». —
Над сиденьями для слушателей,
на высоте около 3 м, я привязал
несколько проводов, на которые
мог подавать высокочастотное
напряжение около 300 кВ от ре-
зонансного трансформатора Тес-
ла и электролитического преры-
вателя со спиралью Румкорфа.
Начав рассказывать об электри-
ческом поле, я раздал слуша-
телям несколько гейслеровых
газоразрядных трубок. Когда слу-
шатели вставали с места и под-
нимали трубки кверху, они све-

тились. Я брал в руку небольшой металлический стержень и пускал в него высоковольтную искру. При изменении расстояния получались звуки разной высоты, что позволило подобрать мелодию «Эй, ухнем!» <...> Все это произвело большое впечатление на слушателей.

Гимназию Лев окончил с серебряной медалью. И вновь удивил всех знакомых: он поступил в консерваторию по классу виолончели и параллельно – на физико-математический факультет университета. Именно в это время судьба сводит студента Термена с будущим академиком и «отцом советской физики», а тогда преподавателем Политехнического института Абрамом Федоровичем Иоффе, сразу оценившим способности юноши.

С началом Первой мировой войны Термена призвали в армию, но отправили не на фронт, а в Николаевское военно-инженерное училище. После шестимесячных курсов в училище его направили в Высшую электротехническую школу офицеров. В конце 1916 года он уже служил лейтенантом Запасного электротехнического батальона, обслуживавшего Царскосельскую радиостанцию, и читал сослуживцам лекции по радиотехнике.

Октябрьскую революцию Термен принял и стал офицером Красной армии. В 1918 году его перевели в Москву – заместителем начальника Военно-радиотехнической лаборатории, где Термен занимался вопросами пеленгации. Как-то в лабораторию доставили французскую пеленгаторную рамку. Термен смонтировал для нее приемник. «Я сделал сильный приемопередатчик, и вдруг получилась слишком большая обратная связь, сильное звуковое взаимодействие, – вспоминал Лев Сергеевич. – Оказалось, когда изменяется емкость на расстоянии движущейся руки, происходит и изменение высоты звука. Я сразу попробовал на этом звуке сыграть рукой. Это и был момент изобретения». Так родился инструмент, который позже назовут терменвоксом.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ЭЛЕКТРОННЫЙ ОРФЕЙ»

В 1919-м Термена назначили начальником той самой Царскосельской радиостанции. Здесь он проработал до середины октября: к тому времени к Детскому Селу (бывшему Царскому) подошли войска генерала Юденича. Термен лично взорвал матчи радиостанции и отбыл в Петроград, где был... арестован по обвинению в белогвардейском заговоре. Правда, дело довольно быстро закрыли, Термена демобилизовали и выпустили. Работы не было, молодой человек находился в трудном положении. В этот момент его разыскал Иоффе и предложил работу в Петроградском физико-техническом институте. «На следующий день рано утром я выехал на велосипеде из дома <...> в Политехнический институт и предстал перед Абрамом Федоровичем в его рабочем кабинете, – рассказывал Лев Сергеевич. – Он предложил мне взять на себя подготовку экспериментальной лаборатории по применению электрических колебаний и разработке измерительных методов, базирую-

Концерт
Льва Термена
в Нью-Йорке
в 1928 году

Афиша
выступления
Льва Термена
в Большом зале
Государственной
академической
филармонии

щихся на технике высокочастотных электрических колебаний». Сначала Термен сконструировал сигнализационное ламповое устройство, которое назвал «электронным сторожем». Затем он получил задание заняться радиоизмерением диэлектрической постоянной газов при переменных температуре и давлении. Во время испытаний прибор издавал звук, высота и сила которого зависели от положения руки между обкладками конденсатора. Обычный физик не придавал бы этому значения, а Термен, учившийся в консерватории, сумел сложить из этих звуков мелодию. Порепетировав, изобретатель вполне сносно исполнил на своем приборе «Лебедя» Сен-Санса и «Элегию» Массне, после чего выступил перед Иоффе. «Аэрофон» (так Термен назвал новый инструмент. – Прим. ред.) привел в восторг Абрама Федоровича, окрестившего новинку «электронным Орфеем».

Вскоре «Аэрофон» был усовершенствован изобретателем и стал «Эфиротомом». В конце 1920 года Лев Сергеевич выступил с ним перед студентами Политехнического института. Публика была шокирована фантастическими звуками: казалось, Термен извлекает их из воздуха. Так в историю музыки вошел терменвокс: корреспондент газеты «Известия», присутствовавший на концерте, назвал заметку «Голос Термена» (к фамилии добавили vox (лат.) – «голос». – Прим. ред.). Способ извлечения звука первого электроинструмента оказался совершенно новым: терменвокс нельзя было причислить ни к ударным, ни к струнным, ни к духовым инструментам. Принцип действия терменвокса основан на том, что звук – это такие же колебания воздуха, какие порой создает электромагнитное поле, когда гудят провода и трансформаторные будки. Внутри терменвокса находятся два генератора колебаний, разница частот между которыми и становится частотой звука. Когда человек подносит руку к антенне терменвокса, он ме-

няет емкость окружающего ее поля – и нота становится выше. Терменвокс приобрел невероятную популярность: Термен выступал с концертами в институтах, клубах, концертных залах, на фабриках и заводах. О необычном исполнителе и его инструменте услышал Ленин и пригласил Термена в Кремль, куда изобретатель прибыл не только с терменвоксом, но и со своей системой сигнализации – «электронным сторожем».

Демонстрация прошла блестяще. Сигнализация, подключенная к большой вазе, срабатывала, когда к ней приближался кто-то из присутствующих. Все были впечатлены. «После этого я стал играть на терменвоксе, – вспоминал Термен. – Репертуар был такой: «Аве Мария» Франца Шуберта, ноктюрн Фредерика Шопена, романс «Не искушай меня без нужды» Михаила Глинки. Во время игры очень интересно было следить за выражением лица Владимира Ильича... <...> После каждой вещи он сильно аплодировал». Ленин даже сам попробовал сыграть «Жаворонка» Глинки с помощью Термена. А затем посоветовал Льву Сергеевичу вступить в партию и распорядился использовать его сигнализацию. Для начала «электронные сторожа» были поставлены в Эрмитаже, затем в числе клиентов Физтеха оказались Госбанк и германские компании.

Это было время триумфа для Термена. Многочисленные гастроли и успех на концертах. Разработка на базе терменвокса «Иллюмовокса»: Термен добавил желатиновые светофильтры, цвет которых менялся в зависимости от высоты звука. Критики называли изобретения Термена «будущим музыки». Композиторы писали музыку для терменвокса. Поклонники обсуждали планы Термена дополнить концерты тактильными ощущениями и запахами...

В 1921 году Лев Термен женился на Екатерине Константиновой, с которой познакомился еще в 1916 году в Запасном электротехническом батальоне.

В середине 1920-х годов терменвокс называли «будущим музыки»

ПЕРВЫЕ ШАГИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Неизвестно, как бы дальше сложилась судьба Термена, если бы Иоффе не посоветовал ему не увлекаться гастролями, а заняться «электрическим дальновидением». Нельзя сказать, что к этому моменту передача изображения на расстояние была чем-то совершенно неизвестным. В августе 1900 года штабс-капитан, профессор Артиллерийской академии Константин Перский на IV Международном электротехническом конгрессе в Париже прочитал доклад «Телевидение как электрическое кино» и ввел в оборот термин «телевидение». Он употреблялся в России наравне с такими терминами, как «дальновидение», «электро-видение», «телевизирование», «электротелескопия», «радиоте-

лескопия», но затем вытеснил их. В мае 1911 года преподаватель Петербургского технологического института Борис Розинг провел первую в мире демонстрацию телевизионного изображения на стеклянном экране электронно-лучевой трубки: зрители наблюдали решетку из четырех светлых полос на темном фоне и несколько геометрических фигур.

В отличие от Розинга Термен решил разработать телевизионную установку с большим экраном. Работа продвигалась довольно быстро, и в 1925 году начались испытания устройства. А в июне следующего года Термен уже демонстрировал новый прибор: на полуметровом экране в аудитории Политехнического института мелькали изображения людей и небольших предме-

тов из соседнего зала. Аудитория рукоплескала...

В 1970-х годах тележурналист и сценарист ТВ Аркадий Рохлин читал лекции в Московском университете рабкоров им. М.И. Ульяновой. Позже они были выпущены крошечным тиражом: книга «Так рождалось дальновидение. Страницы летописи» – библиографическая редкость. В одной из лекций Рохлин рассказывал интересную историю. В апреле 1963 года ему нужно было готовить телеинтервью к 80-летию Маршала СССР Семёна Буденного. Съёмочная группа запаздывала, и журналист решил развлечь маршала беседой. «Семен Михайлович, а когда вы впервые увидели телевизор и телепередачу?» – спросил он. Маршал ответил, что было это где-то в середине 1920-х годов. Журналист попытался поправить собеседника: наверное, в середине 1930-х? Но Семен Михайлович настаивал на своём, а затем рассказал, когда и при каких обстоятельствах он впервые увидел телевизионное изображение. Предназначалось это устройство для пограничных войск и было засекречено. Прежде чем отправить его на границу, решено было установить аппарат в кабинете наркома обороны СССР Климента Ворошилова в Кремле. Передатчик поставили во дворе здания, а телевизор – в приёмной. Экран этого устройства, утверждал Буденный, был полтора на полтора метра, чёткость и яркость изображения хромали. Когда инженеры отладили систему, нарком пригласил к себе Буденного, и у них началась своеобразная игра. Техник-оператор наводил передающую камеру на одного из посетителей, проходившего по двору наркомата, а они пытались угадать, кто появляется на экране. Устройство это простояло у Ворошилова несколько месяцев, так что Буденный видел его в работе несколько раз. История эта случилась в 1927 году. Создателем телепередатчика и телеэкрана был Лев Сергеевич Термен.

ЗАРУБЕЖНЫЕ ГАСТРОЛИ

Сигнализацией, разработанной Терменом, заинтересовались в Германии. Требовалось оформить патент и провести переговоры с заказчиками. Летом 1927 года Иоффе предложил отправить Льва Сергеевича в годичную командировку – решить деловые вопросы и ознакомиться с новыми зарубежными разработками. Одновременно Всеобщее общество культурной связи с заграницей предложило Термену продемонстрировать терменвокс на Всемирной музыкальной выставке во Франкфурте-на-Майне. Командировкой заинтересовался штаб РККА (впоследствии ГРУ): Термен получил задание вести разведывательную деятельность, его куратором стал начальник IV управления штаба РККА Ян Берзин. Супруге изобретателя

Клара Рейзенберг (Рокмор) отказалась выйти замуж за Термена и начала

сольную карьеру

предусмотрительно запретили сопровождать мужа.

Концерты Термена за рубежом стали настоящей сенсацией. Газеты пестрели восторженными заголовками. Выступления на самых престижных площадках завершались овациями. Покорение Европы закончилось приглашением в США, куда Термен отплыл в декабре 1927 года.

Первый концерт терменвокса, на котором присутствовал Сергей Рахманинов, состоялся в январе 1928 года в Нью-Йорке. А после рецензий на концерт в Карнеги-холле, который прошел с оглушительным успехом, терменвокс захотела услышать вся Америка. Кроме того, бизнесмены проявили интерес к «радиосторожу» Термена. Стало ясно, что Льву Сергеевичу придется задержаться. Кремль не возражал. Более того, Екатерине Термен разрешили присоединиться к мужу. Правда, через полгода жизни в Америке супруги развелись.

Гоноров за выступления хватало на прекрасные костюмы от дорогих портных, черный «кадиллак» и собственную студию. Знакомства с советским изобретателем искали богатейшие люди Америки. Термен заключил контракт с компанией Radio Corporation of America на производство своего терменвокса. Первые инструменты поступили в продажу уже в сентябре 1929 года. Однако выяснилось, что играть на них не так уж просто, продажи не оправдали надежд, компания не получила ожидаемую прибыль.

Термен между тем работал над идеей создания оркестра терменвоксов и набрал учеников и учениц. Первой стала русская эмигрантка Александра Степанова. Еще одна – Люси Розен, довольно влиятельная дама в светских кругах Нью-Йорка, – открыла для Термена двери в высшее общество. Она же предложила Льву Сергеевичу снять четыре этажа дома Розенов и разместить на них студию и лабораторию. Сюда, на улицу 54-я Вест-стрит, приходили пообщаться с Терменом Альберт Эйнштейн и Джордж Гершвин.

Афиша концерта Льва Термена в Париже

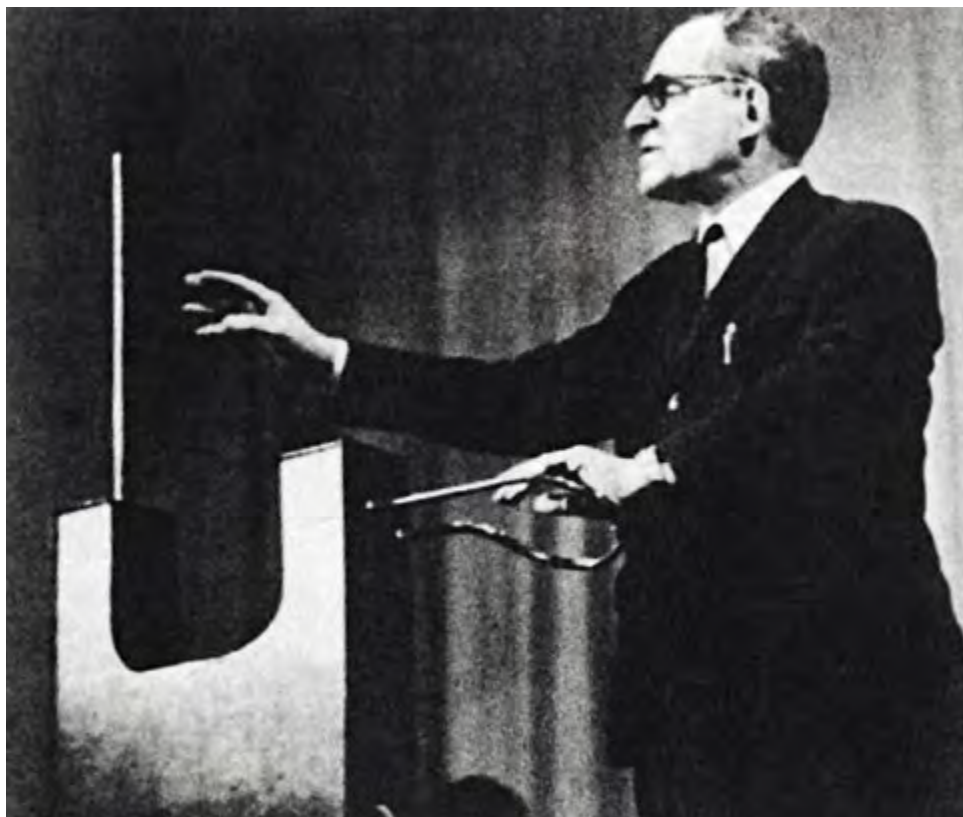
Но, пожалуй, самой известной ученицей Термена стала эмигрантка из Вильно Клара Рейзенберг. Она была неплохой скрипачкой и хорошо танцевала. А Термен создал модификацию терменвокса – терпситон, который давал возможность сочетать танец, музыку и свет. В апреле 1932 года на концерте в Карнеги-холле состоялись презентация «Электрического симфонического оркестра Термена» (16 музыкантов) и выступление Клары, исполнившей на терпситоне «Аве Мария» Гюно. Зрители аплодировали стоя.

В том же году Термен стал партнером в компании Teletouch Inc. Владелец компании привлекли изобретения Льва Сергеевича, и они предложили ему совместный бизнес: производство защитных устройств от грабителей и охранных систем. Кстати, в числе клиентов Teletouch Inc. были знаменитые тюрьмы Синг-Синг и Алькатрас.

Удивительно, как Термен успевал работать и в своей студии, и в компании. Казалось, он мог добиться всего, чего захочет. Однако в 1933 году Термену пришлось пережить серьезный удар: Клара Рейзенберг, с которой у Льва Сергеевича завязался бурный роман, отказалась выйти за него замуж. Она ушла из оркестра и занялась сольной карьерой.

Правда, Термен вскоре увлекся мулаткой из Негритянского балета Лавинией Уильямс, которая была моложе его почти на двадцать лет. Лавиния пришла к нему в студию учиться играть на терпситоне. Влюбленные поженились в 1938 году, после чего двери многих домов закрылись для Термена: брак белого мужчины с темнокожей женщиной в те годы порицался. Мало того: бизнес-партнеры Термена разорвали с ним контракты. Компания Teletouch Inc. стремительно шла к банкротству. Термен задолжал за аренду, и Розены потребовали освободить их дом. И, наконец, из Москвы пришел приказ возвращаться на родину. Без Лавинии.

В сентябре 1938 года на грузовом теплоходе Амторга «Старый

Играть на терменвоксе непросто

Представители США демонстрируют в ООН удивительный «жучок» под названием «Златоуст»

большевик» Термена тайно вывезли из США. «В каюте капитана была потайная дверь в каморку, где уместалась только узкая койка, – вспоминал Лев Сергеевич. – Еду капитану приносили в каюту, и солидных порций вполне хватало на двоих. На время пограничного и таможенного досмотров потайных пассажиров перемещали в более укромные места вроде угольных ям».

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПОДАРОК ДЛЯ ПОСЛА

Родина встретила Термена неласково. Знакомые сторонились Льва Сергеевича. Бывший куратор Ян Берзин был расстрелян. Термен вновь обратился к Иоффе и тот обещал взять его на работу, после того как Лев Сергеевич решит «паспортные проблемы». Каким-то чудом Термен добился аудиенции у Ворошилова, но тот отказал в помощи. А 10 марта 1939 года, через несколько дней после встречи с Ворошиловым, Термена арестовали, его имущество было конфисковано. Льва Сергеевича обвинили в измене родине, а также в принадлежности к фашистской организации, осудили на восемь лет трудовых лагерей и отправили в Магадан. Но уже в 1940 году Термена перевели в «Туполевскую шарагу» – ЦКБ-29 тюремного типа, в которой трудились Туполев, Королев и другие конструкторы. Здесь он разрабатывал радиоуправляемые беспилотные летательные аппараты – прототипы крылатых ракет. Позже уже в других шарашках Термен за-

нимался созданием подслушивающей техники.

Помните знаменитую историю с «жучком» в американском гербе, висевшем в кабинете посла США в СССР? Так вот, тот самый «жучок», изящно названный «Златоустом», создал в шарашке именно Лев Термен. Курировал проект всеильный Лаврентий Берия, знавший о том, что посол США в СССР Уильям Гарриман коллекционировал вещицы из редких пород древесины. В августе 1945 года делегация советских пионеров с помпой преподнесла дипломату подарок – роскошный герб США, искусно сделанный из нескольких сортов дерева. Растроганный Гарриман приказал повесить герб в своем кабинете. Тот провисел там семь лет, «пережив» четырех послов, пока наконец ЦРУ не вычислило местоположение «жучка».

Льва Сергеевича реабилитировали в 1947 году, вручив Сталинскую премию 1-й степени, а также двухкомнатную квартиру на Ленинском проспекте у Калужской площади. Говорят, за разработку «Бурана» – устройства, считывающего звуки и речь с помощью отраженного инфракрасного луча вибрации стекла в окнах прослушиваемого помещения. Однако Термену было

запрещено покидать Москву, его корреспонденция просматривалась, к нему были представлены «сопровождающие» в штатском. Трудился Лев Сергеевич в «почтовом ящике» – так тогда называли секретные предприятия, работавшие на оборонную промышленность. Он женился на 26-летней Марии Гузиной – секретаре-машинистке, работавшей в том же «ящике». В 1948 году у супругов родились близнецы – Елена и Наталья.

«Я ОБЕЩАЛ ЛЕНИНУ»

В 1964 году, когда Льву Сергеевичу исполнился 71 год, его отправили на пенсию. Работа и изобретения Термена были засекречены, у него не было никаких научных званий. Но он не мог сидеть дома и ничего не делать. И начал все с нуля. Лев Сергеевич устроился на работу в акустическую лабораторию Московской консер-

В конце жизни Лев Термен работал механиком шестого разряда в одной из лабораторий МГУ

ватории, разрабатывал новые электромузыкальные инструменты. В 1966 году издал брошюру «Физика и музыкальное искусство». Год спустя в консерватории с ним случайно столкнулся музыкальный критик газеты New York Times Гарольд Шонберг. Итогом встречи стало интервью, которое всколыхнуло музыкальную общественность США: в Америке Термена считали давно погибшим. Но оно же привело к увольнению Льва Сергеевича: в консерваторию посыпались из-за океана письма и просьбы о гастролях. Дирекция от греха подальше распрощалась с Терменом.

В 1972 году Льву Сергеевичу по протекции удалось устроиться механиком шестого разряда в лабораторию кафедры акустики физмата МГУ. Он продолжал свои исследования, работа помогала выкарабкаться из депрессии: в 1970 году умерла его жена. Теперь он жил в коммуналке напротив Черемушкинского рынка. О нем мало кто вспоминал.

Последним ярким событием в его жизни стало приглашение Стэнфордского университета посетить США. В Америку Термен отправился вместе с дочерью и внучкой в 1991 году, встретился со своей бывшей ученицей Кларой Рокмор (Рейзенберг). Лев Сергеевич мечтал увидеться и с Лавинией, но по странному стечению обстоятельств она скончалась в ресторане за две недели до встречи с мужем. Во время этой поездки знаменитый американский актер Стив Мартин снял документальный фильм «Электронная одиссея Льва Термена».

В том же, 1991 году, когда Термену исполнилось 95 лет, изобретатель вступил в КПСС. Его спросили, зачем он это делает. Лев Сергеевич ответил: «Я обещал Ленину»...

Он умер 3 ноября 1993 года. В последний путь великого Термена провожали всего несколько человек... ❧

Лев Термен с родными

«РЕФЛЕКС ЦЕЛИ» ИВАНА ПАВЛОВА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВСЕГО НЕСКОЛЬКО МЕТРОВ ОТДЕЛЯЮТ ЦЕНТР РЯЗАНИ ОТ УНИКАЛЬНОГО УГОЛКА, ЗАЩИЩЕННОГО ОТ СУЕТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА. ДОСТАТОЧНО ПЕРЕСТУПИТЬ ПОРОГ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ-УСАДЬБЫ АКАДЕМИКА ИВАНА ПАВЛОВА, ЧТОБЫ ШУМ МАШИН, СУМАТОХА И ПОВСЕДНЕВНАЯ СУЕТА ПОТЕРЯЛИ СВОЕ ЗНАЧЕНИЕ. ХОТЯ БЫ НА ВРЕМЯ.

КАЖЕТСЯ, ЭТОТ ДОМ сохранил дух, который царил здесь в те времена, когда в столовой вокруг большого самовара собиралась семья Павловых. Читали вслух книги, музицировали, играли... Дети получали здесь прививку доброты, честности, трудолюбия, уважения к людям, любви. Такая атмосфера господствовала в доме, где в середине XIX века на свет появился мальчик, которому суждено было стать одним из величайших ученых мира.

Сам Павлов потом говорил, что «родители сделали мне пожизненную прививку от праздности и лени». «Глава семейства очень боялся, что дети могут вырасти лодырями, и с детства приучал их к труду, – рассказывает директор Мемориального музея-усадь-

бы Ивана Петровича Павлова Наталья Загрина. – Если дети хорошо потрудились, после обеда отец говорил: «Щи и каша не зря съедены, а заработаны честным трудом, поэтому и радость испытываете великую». В доме все было подчинено строгому порядку, даже за стол садились определенным образом: сначала отец, потом матушка, старший сын, Иван, потом – все дети». С самого утра течение жизни в этом доме шло по устоявшимся правилам: первой вставала мать, потом отец, затем мать поднималась в светелку, будила детей, они спускались в столовую, где каждый занимал свое место. Каждый из них потом найдет и свое место в жизни, а старший из сыновей, Ваня, станет великим человеком и уникальным ученым.

ДОМ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

Дом, где родился будущий нобелевский лауреат, где прошли его детство и юность, чудом уцелел, пережив перипетии разных эпох. Наталья Загрина много лет назад стала настоящей хранительницей этого удивительного дома, его традиций и духа. И сегодня мы можем почувствовать атмосферу павловского дома. Атмосферу, в которой рос будущий великий ученый.

Здесь жила большая крепкая семья. Отец – священник, протоиерей, «известный в Рязани ученостью и помыслами высокими». «Глава семейства, Петр Дмитриевич, читал и духовную, и светскую литературу, выписывал журнал «Современник». Вообще, он был человеком просвещенным. – Наталья Загрина

Дом в центре Рязани, где прошли годы детства и юности Ивана Павлова, чудом сохранился до наших дней

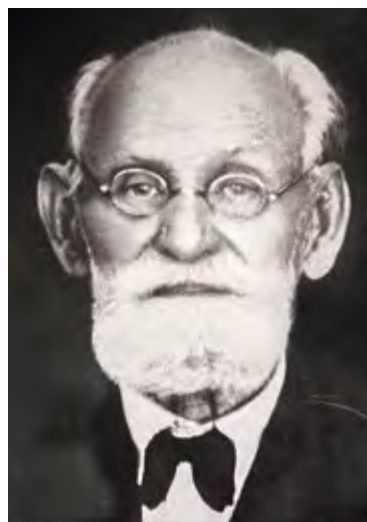
было заселено жильцами, однако по просьбе академика в дом ему попасть все-таки удалось. Оказавшись в родных стенах, Иван Павлов провел «экскурсию» по отчету дому: рассказывал, как были расположены комнаты, кому принадлежали, где что находилось. «Приятно поглядывать места радостных молодых годов», – говорил академик. Рязанцы записали его воспоминания, и эти материалы очень помогли при устройстве экспозиции.

Из кабинета Петра Дмитриевича Наталья Александровна приглашает в «женское царство» – комнату матери. Несмотря на то, что мать Павлова не была обучена грамоте, это, как писал Иван Петрович, «не мешало ей, однако, быть умной женщиной». Варвара Ивановна, урожденная Успенская, дочь священника, была хорошей хозяйкой, заботливой матерью, искусной рукодельницей – комната музея и сегодня наполнена ее работами. Связанные крючком изящные накидки, белоснежные покрывала на высоких постелях, изысканная вышивка – хозяйка провела за кропотливой работой не один вечер. Образцы ее мастерства сохранились до наших дней. Один из шедевров – небольшая, вышитая бисером картина с изображением Лазаревского храма.

Павлов писал, что у него была нежная мать, хотя говорят, она была крутого нрава, унаследованного, видимо, от своего отца, который «за всю свою жизнь не получил самой маленькой награды. Значит, надо понимать, – не ладил с начальством. А кроме того, был крут и тяжел в семье». Варвара Ивановна была авторитетом для всей семьи. Впрочем, таким же безусловным уважением пользовался и Петр Дмитриевич. На стене дома можно увидеть список, составленный его рукой – десять потомков протоиерея Павлова. Увы, пятеро из десяти умерли в младенчестве. Иван был первенцем. За ним, двумя годами позже, следовал Дмитрий – он стал профессором

показывает кабинет главы семейства. – До этого в роду Павловых все служили в низших церковных чинах – были дьячками, пономарями, только Петру Дмитриевичу удалось получить семинарское образование, и он стал опорой для многочисленных родственников – в этом доме всегда было много народу. Петр Дмитриевич, кстати, стоял у истоков женского образования в Рязани: часть приходских доходов и собственных средств он направлял на создание епархиального училища. Кроме того, вел большую общественную работу – входил в состав комиссии по крестьянским делам, по воспитанию сирот. За свои труды он был удостоен ордена Святого Владимира 4-й степени, и это дало ему право на звание потомственного дворянина».

В мемориальном доме всё старались воссоздать именно так, как было при Павлове. Когда последний раз Иван Петрович приезжал в Рязань – а было это 19 августа 1935 года, – здание

Даже в очень преклонном возрасте о Павлове говорили, что «это не человек, а концентрированная умственная энергия»

в области химии, был учеником Менделеева. Еще на два года позже появился на свет Петр, подававший большие надежды в области зоологии. К сожалению, его жизнь трагически оборвалась на охоте. «Братья поехали охотиться и взяли с собой младшего брата, Сережу. Когда возвращались, розвальни попали в глубокую яму, старшие братья смогли выбраться, а младший никак не мог, Петр протянул ему ружье, которое оказалось заряжено, – рассказывает Наталья Александровна. – Выстрел в правый бок, смерть в страшных муках... Когда его не стало, говорили, что «закатилось солнце зоологии». А было ему всего 24 года...». В комнате, которая принадлежала Петру, все стены увешаны чучелами животных – их Наталья Загрина добывала всеми правдами и неправдами, чтобы воспроизвести обстановку комнаты.

Сергей – единственный из братьев, кто стал священником. Его судьба также сложилась трагично: в 1919 году был репрессирован и умер в тюрьме. «Его увезли из этого дома, взяли прямо из-за стола во время чаепития, – продолжает рассказ Наталья Александровна. – Все произошло настолько стремительно, что Ивану Петровичу даже не успели сообщить – он спасал многих, над кем нависала угроза, а собственного брата спасти не успел».

Самой младшей в семье была Лидия, о которой братья всегда заботились. В пользу своей сестры братья отказались от наследства, хотя сами нуждались. Лидия Петровна стала мамой пятерых детей, была прекрасной женой и матерью. В музее можно увидеть трогательное письмо, написанное Лидии ее мужем – он с нежностью писал ей, какая замечательная она жена и мать...

В одной из комнат павловского дома жила сестра матери, Мария Ивановна. Муж оставил ее без средств к существованию, и Петр Дмитриевич разрешил ей вместе с дочкой поселиться

За столом у самовара собиралась большая семья Павловых. Спустя годы выдающийся ученый напишет: «Нет ничего более чудесного в жизни, чем любовь семьи и семейная жизнь»

Наталья Загрина настоящая хранительница павловского дома. Кажется, она знает об ученом все и, не останавливаясь, может говорить его цитатами

здесь. В своих воспоминаниях Иван Павлов писал, что это был редкий тип женщины. Она никогда не жаловалась на свою судьбу, всегда была сиделкой для больных, утешительницей в тяжелые минуты и примирительницей во всех ссорах. «Произойдет семейная сцена – она уговаривает и примиряет. <...> Уже в поздние годы, когда у нас с отцом часто выходили горячие споры, доходящие с моей стороны до резкостей и кончавшиеся порядочными размолвками, тетка ходит от одного к другому, объясняет, извиняет, до тех пор, пока не достигнет до восстановления порванных отношений», – писал Иван Петрович.

ГРАНИ ОДНОГО УЧЕНОГО

Павлов тепло вспоминал о своих учителях. Особое место среди них занимал Феофилакт Антонович Орлов. Павлов писал о нем, что это «высокий, идеальный тип». Он преподавал древние языки и историю в Рязанской семинарии, где учился Иван Петрович. Был бесребреником, всегда помогал нищим. Феофилакт Антонович был другом главы семейства Павловых и нередко заглядывал в их дом, как сам он говорил, «не за пищей телесной, но за пищей духовной». И сегодня в гостиной дома Павловых можно увидеть икону Святого Феофилакта – когда-то она была подарена Феофилактом Орловым, а потом, спустя много лет, ее презентовал музею внук Орлова. Вообще, удивительно, что усадьбу наполняют те вещи, которые помнят детство Ивана Петровича. Фортепиано, на котором играл Петр Дмитриевич, канделябры, посуда, самовар, кофейник – мать была большой любительницей кофе. И играет в этой старинной гостиной та же музыкальная шкатулка, от звуков которой и сегодня замирают дети. Иван Петрович тоже был неравнодушен к музыке – наверное,

по-другому и не могло быть в семье, где отец играл на фортепиано, а матушка обладала прекрасным голосом. Он научился чувствовать музыку еще в детстве. Вообще, человеком он был многогранным. К примеру, в музее можно увидеть стихотворные пробы Ивана Петровича – перевод Гейне. Кстати, эти поэтические попытки получили высокую оценку специалистов. На столе в комнате Ивана – томик басен Крылова, по которым он учился читать. Здесь же на столе и стихи любимого Лермонтова... А насколько тонко он чувствовал искусство, можно судить по его высказываниям. «Репин – это Толстой в живописи. Он понимал крупные душевные переживания, а вот Маковский – у него все темы выходят слащаво, а мелкие прекрасно». Еще одно из его высказываний: «Культура есть опыт поколений, она подобно культурному слою почвы накапливается веками». Отчасти представление об образе Павлова можно получить из киноленты «Собачье сердце». В романе Булгакова Иван Петрович не был прототипом профессора Преображенского, по крайней мере, прямо автор на это не указывал, называя в качестве про-

образов других ученых. Видимо, это был собирательный образ, в котором, возможно, переплелись черты и Ивана Петровича. А вот Евгений Евстигнеев, создавая своего Преображенского, точно ориентировался на Павлова. Евстигнеев побывал в Институте экспериментальной медицины, познакомился там с работами Павлова, написал блестящий отзыв. Могу сказать, что очень многие фразы профессора в фильме Бортко перекликаются с высказываниями Ивана Петровича. К примеру, Павлов говорил о разрухе в головах, о страсти к собраниям, есть у него реплика и о певунах... И когда я смотрю этот фильм, вижу в Филиппе Филипповиче Преображенском Ивана

Традиции гостеприимства павловского дома живы и сегодня – душевные праздники, вкусное угощение стали визитной карточкой музея

Отец Ивана Петровича играл на фортепиано, мать хорошо пела – вкус к прекрасному Павлову был привит еще в детстве

Петровича», – улыбается Наталья Александровна.

Он вообще был смел в высказываниях, его принципиальность порой поражала. Открыто критиковать революцию тогда мало кто мог себе позволить, а Павлов считал так: «Пусть расстреляют! А я сделаю то, что требует от меня мое достоинство». Еще одно из его высказываний: «Только правда спасет мир и человека». Написанное Иваном Петровичем смелое письмо Ленину могло сыграть в судьбе ученого роковую роль, и Павлов это прекрасно понимал. Однако Ленин, оценив его прямооту, пришел к выводу, что ученые такого масштаба имеют право на инакомыслие. Потом была смелая переписка с Молотовым, которая пестрит резкими высказываниями. Как при такой дерзости он смог уцелеть, остается только удивляться. «Я долго искала объяснение этому и, изучив документы, пришла к выводу, что его спас огромный авторитет, который он имел во всем мире, – рассуждает Наталья Загрина. – Он был первым русским нобелевским лауреатом. Когда Павлов приехал в Америку, его выехали приветствовать на катерах, за много верст, 375 физиоло-

Интерес к естественным наукам проявился у Павлова еще в семинарии, когда он прочел труды Писарева. Иван Петрович всегда верил в царственную роль науки и говорил, что «факты – воздух ученого»

гов. За любое свое высказывание он мог поплатиться жизнью. Однако считать Павлова антисоветчиком в полной мере нельзя. Он любил Родину с открытыми глазами – видел и великое, и трагическое, – продолжает Наталья Загрина. – Видел он и способность армии противостоять фашизму. В 1934 году он прочитал книгу Гитлера «Майн кампф» и написал Молотову, что Гитлер – главный враг. «Дай ему волю, и он проглотит одно государство за другим, как мух», – пишет Павлов. Трезвые оценки действительности могли сыграть важную роль в истории, однако богатое наследие Павлова долго было под запретом, гриф секретности с его архива был снят только в 1989 году».

Помимо вопроса о том, как смогла уцелеть такая неудобная личность в Советском Союзе, есть и еще один вопрос – почему он не уехал за границу, где любая лаборатория с распростертыми объятиями приняла бы светило науки? К примеру, Швеция приглашала Павлова, обещая построить для него институт, какой только ему будет необходим. Ответ Наталья Загрина давно нашла в документах Ивана Павлова, в его высказываниях и жизнен-

Иван Петрович был большим почитателем подвижных игр, даже свои юбилеи не раз отмечал городошными турнирами

ной позиции. «Это был уникальный патриот, – говорит Наталья Александровна. – «Весь я русский, все вложено в меня русской обстановкою, ее историей, ее великими людьми», – это одна из его цитат. Еще одна: «Я против обезглавливания России. Мне тоже не все нравится, что делают большевики, но если двести миллионов вверглись в это, значит, надо им помогать. Иначе так и будут царить голод, холод и морозная язва. Я, несмотря на свой возраст, несу бремя науки не только для того, чтобы послужить русской науке, но чтобы двинуть человеческую мысль вообще, чтобы во всем мире не считали нас дикарями, поправшими человеческое достоинство».

ЦЕЛИ ДОСТИЖИМЫЕ И НЕДОСТИЖИМЫЕ

Наталья Загрина трепетно относится к павловскому наследию, много лет она пытается доказать, что день рождения Павлова 27 сентября, а вовсе не 26-е, как указывается в большинстве источников. Аргументами для ее утверждений служат и письмо Горького, и поздравление Мейерхольда, и другие документы, но официальным днем рождения Ивана Петровича по-прежнему значится 26 сентября. «Сохранилась фотография «молокопития» в день рождения Ивана Петровича, датированная 27 сентября, да и вообще, записано, что родился он 14 сентября 1849 года, а к старому стилю прибавляется 13 дней, однако везде пишется, что родился он 26-го», – недоумевает хранитель павловского наследия. Вообще, кажется, что Наталья Александровна знает об ученом буквально все, может, не останавливаясь, цитировать его и все-таки не устает открывать все новые и новые грани этого уникального человека. Она издала целую серию книг, посвященных Ивану Павлову. Его биография, его гражданская позиция,

Хорошо знавший и физиологию человека, и его психику Павлов писал, что «самый первый рефлекс в жизни в случаях опасности – обращение к матери»

его суждения – все это достойно отдельного изучения. За издание «Непридуманные истории из жизни искателя истины» Наталья Загрина в 2019 году получила премию «Александр Невский». «Павлов – удивительная личность, в его трудах можно найти ответ на любой вопрос. Это не просто ученый, это в первую очередь великий человек», – уверена директор музея. Первый русский нобелевский лауреат, первый физиолог мира, член 132 академий и научных обществ, почетный доктор Кембриджского университета – его регалии можно перечислять долго, еще дольше – научные достижения. «Пятнадцать лет посвящено кровообращению, двадцать лет – пищеварению, 35 лет – физиологии коры больших полушарий мозга. Таких ученых больше нет, – с чувством говорит Наталья Александровна. – Когда в 1912 году Павлову присвоили звание почетного доктора Кембриджского университета, то в зале Сената университета, где проходило награждение, студенты с верхних галерей спустили на веревке плюшевую собачку, животик которой был увешан трубоч-

ками. Подобной чести до этого был удостоен только Чарльз Дарвин, которому таким же образом спустили плюшевую обезьянку. Кстати, среди студентов, чествовавших Павлова, был и внук Дарвина». Про научное наследие Павлова можно говорить бесконечно. Он был первооткрывателем во многих направлениях: доказал физиологическую основу психики, влияние коры головного мозга на работу внутренних органов и их заболевания, разработал учение о температурах, обосновал пользу терапии сном, совершил переворот в вопросе изучения физиологии пищеварения, провел исследования по физиологии крово-

«Женское царство» дома Павловых наполнено множеством уютных мелочей, созданных кропотливым трудом матери, Варвары Ивановны

обращения, ввел понятия «рефлекс свободы», «рефлекс цели»... Кстати, «рефлекс цели» заслуживает отдельного внимания – в павловском наследии работа на эту тему занимает особое место. «Рефлекс цели» ученый рассматривал как важный фактор поведения, как проявление важнейшего стимула жизни. По словам Павлова, особенно ярко «рефлекс цели» проявляется в коллекционерстве – он мог говорить об этом со знанием дела, ведь сам был страстным коллекционером: Иван Петрович коллекционировал книги, марки, бабочек... А вообще, происхождение «рефлекса цели» Павлов связывал с общим инстинктом жизни. «Жизнь только для того красна и сильна, кто всю жизнь стремится к постоянно достигаемой, но никогда не достижимой цели», – считал ученый.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ АССИСТЕНТЫ

В Рязани Павлов прожил до 21 года, а потом уехал учиться в Петербург. Там окончил университет, потом Медико-хирургическую академию. «Несмотря на то, что в Рязани прошли лишь детство и юность Ивана Петровича и его жизнь в нашем городе никак не была связана с наукой, мы все-таки сделали в нашем музее Дом науки, где можно ознакомиться с павловскими достижениями. Это важнейшая часть его жизни, и без научной стороны невозможно понять масштаб этого человека, – делится Наталья Загрина. – В Доме науки, конечно, можно увидеть собак – они были главными помощниками Павлова в его исследованиях. Меня возмущает однобокое восприятие павловской работы. У кого ни спроси, единственное, что расскажут о Павлове, – это про его опыты на собаках. Причем нередко говорят о жестокости экспериментов, а почему-то не принимают во внимание, сколько человеческих жизней было спасено благодаря его работе. К примеру, изучение выработки желудочного сока по-

могло спасти тысячи иссохших от диареи детей».

«А к собакам Павлов относился очень трепетно, – продолжает Наталья Александровна. – Они жили долго, некоторые – до 15 лет, те, которые уже не могли участвовать в экспериментах, были на пенсии, получали паек. В годы революции, посмотрев на условия, в которых жили собаки Павлова, академик Крылов в шутку обратился к Ивану Петровичу с просьбой взять его в собаки».

На одном из стендов музея – «переписка» Павлова с собаками: у сотрудницы академика Марии Петровой хранился особый альбом, в котором Иван Петрович писал трогательные увещевания, комплименты, подбадривания, адресованные собакам: «Есть и у тебя, сонюля, соплук, заслуги, старайся и дальше...» «Джон, не осрамись, голубчик, веди себя, как раньше, за прошлое благодарю...». «Мампус, прости, прошу пардона...». По инициативе Павлова во дворе Института экспериментальной медицины был поставлен памятник безымянной собаке в знак благодарности от человечества. «Пусть собака, друг и помощник человека с доисторических времен, приносится в жертву науке, но наше достоинство в том, чтобы это происходило без излишнего мучительства», – писал Павлов.

Еще одна витрина Дома науки превращена в «башню молчания» – звуконепроницаемую камеру, которую изобрел Павлов для изучения работы пищеварительной системы: когда загорается лампочка, у собаки сразу бежит слюна. «У нас есть свои музейные анекдоты. Один из них как раз про эту камеру, – улыбается Загрин. – Стоят две собаки в камере, загорается лампочка, одна говорит другой: «Сейчас тот мужик, который на свет реагирует, нам поесть принесет».

Кстати, именно за проникновение в тайны процесса пищеварения Павлов первым из физиологов удостоился Нобе-

Комната одного из братьев Ивана Петровича постепенно превращалась в музей. Возможно, ранняя гибель брата лишила Россию еще одного выдающегося ученого – Петр подавал большие надежды в области зоологии

Четвероногие ассистенты помогли Павлову совершить немало открытий, благодаря им было спасено бесчисленное число человеческих жизней

левской премии. «Точное знание судьбы пищи в организме должно составить предмет идеальной физиологии, физиологии будущего», – писал Павлов. А чтобы ближе подойти к изучению мозга человека, ученый исследовал поведение человекообразных обезьян. «Это обезьяна Роза, подаренная нашему музею Институтом физиологии, – показывает Наталья Александровна на чучело в витрине Дома науки. – Павлов писал: «Роза умнее Рафаэля, она представляет собой высокий тип интеллигентности, тогда как Рафаэль просто утробистый господин, который работает за апельсин или банан, а Роза – ради науки».

«Я ЗНАЮ РУССКУЮ ДУШУ»

Сам Павлов всегда говорил, что верит в царственную роль науки, он признавал только язык фактов. Верил, что наука принесет человеку счастье. «Сегодня нередко можно встретить высказывания о религиозности Павлова. Я не понимаю, зачем искажают истину. Я за достоверность, за правдивое изложение фактов, – говорит Наталья Александровна. – Однажды двоюродный племянник задал Павлову вопрос о Боге, и ученый ответил: «Я не могу ни признать, ни отрицать – у меня на это не было эксперимента». На эту тему у Загриной изданы отдельные книги – «И.П. Павлов и религия», «Я знаю русскую душу». Сама она повторяет, что ее задача – создать исторически правдивый образ. В трудах Ивана Петровича можно найти немало высказываний о религии и вере. Казалось бы, человек знал о высшей нервной деятельности человека все, при этом жалел, что он неверующий. «Религию считаю высоким элементом человеческой жизни. Сам я неверующий вследствие неблагоприятных условий моего умственного развития, и не только

не вижу своего преимущества перед верующими, но даже жалею об этом, думаю, что при религиозности моя жизнь была бы лучше и чище, – писал Павлов. – Только люди ограниченные, живущие чужими словами, могут восстать на религию. Сколько проклятий выльется на разрушителей религии – я знаю русскую душу». И все-таки то, что впитал он в семье отца, помогало ему оставаться человеком порядочным. Супруга академика говорила: «Тебе и веры не надо, ты по жизни хо-

роший христианин». Его принципиальность была безоговорочной. Герберт Уэллс, который побывал в лаборатории Павлова, был поражен: в углах он увидел репу и картошку, которую ученый вырастил на огороде, отказавшись от предложенного пайка, – считал, что не может получать то, чего не имеют его сотрудники. И это несмотря на то, что семья сильно нуждалась... К счастью, он всегда мог рассчитывать на понимание и поддержку своей жены. Кто знает, смог бы ученый достичь таких

«Всегдашнее спасибо отцу с матерью, приучившим меня к простой, очень невзыскательной жизни и давшим возможность получить высшее образование», – писал в автобиографии Иван Павлов

высот, не будь у него такого надежного и крепкого тыла? Будущая супруга Павлова родилась в Керчи, окончила гимназию с отличием и 17-летней девушкой приехала на высшие педагогические курсы в Петербург. Иван Петрович обратил внимание на Серафиму Карчевскую, однако подойти не решался – боялся, что она из богатых. Когда же услышал характеристику, данную другом: «Провинциалка, пахнет голодом», Павлов осмелился... Предложение руки и сердца Серафима приняла, но с условием, что год проработает сельской учительницей. «За этот год наука многое потеряла, – смеется Наталья Загрина. – Павлов каждый день писал невесте длинные письма, издавал газету под названием «Попался» – «еженедельная газета случайного происхождения с трудно предвидимой будущностью». В этой газете можно было встретить такие объявления: «Потеряно сердце, нашедший может получить половину». В это время он создает гимн молодости, пишет, что только молодости присуще истинное чувство, истинный вкус жизни – словом, влюбленный Павлов был ярким,

В музее создали для посетителей уголок отдыха и место для фотографирования

В саду дома Павловых нередко устраивали соревнования – здесь любили городки, лапту, крокет. И сегодня здесь приобщают к этим играм рязанских школьников

талантлив и остроумен. «Меня поразило одно письмо, которое он написал в деревню: «Сейчас взял урок жизни. Вчера с вечера принимал хлебы в больницу. <...> хлеб был плох, и по милости моей доверчивости больным придется плохо. Следующий раз буду практичнее: подробно испробую все припасы. В жизни надо быть строгим и чаще помнить – не клади плохо, не вводи вора во грех. Люди-то хороши в глубине, но легко соблазняются, и ты сделаешь им истинное благодеяние, если отнимешь у них случай, возможность каверзничать». Это письмо 30-летнего Павлова удивило меня своей мудростью, – говорит Наталья Загрина. – Он не винит булочника, он винит себя».

Со своей супругой Павлов делился всем. Конечно, ей пришлось пережить немало, но она в любых обстоятельствах оставалась верной подругой и надежным соратником. У Ивана и Серафимы родились дочь и четверо сыновей. Увы, первенец Павловых прожил всего полгода. Эту смерть оба родителя пережили очень тяжело, но каждый по-своему. Серафиму спасала молитва. Иван в этот период пи-

Михаила Нестерова поначалу не вдохновило предложение написать портрет знаменитого физиолога. Но, пообщавшись с Павловым, художник признался, что покорен этой личностью навсегда

сал жене, что завидует ее вере – у него такого утешения не было. Переживания усугублялись тяжелым положением семьи – не было ни собственного жилья, ни денег. Иван Петрович вообще мало внимания обращал на материальную сторону жизни. Только в зрелом возрасте удалось достичь какого-то благополучия, а в молодые годы семье приходилось туго. Серафима стойко переносила все тяготы вместе со своим супругом. «Искал в товарищи жизни только хорошего человека и нашел его в моей жене Серафиме Васильевне, <...> терпеливо переносившей невзгоды нашего допрофессорского жителя, всегда охранявшей мое научное стремление и оказавшей-

ся столь же преданной на всю жизнь нашей семье, как я лаборатории», – писал в автобиографии академик. Супруги Павловы воспитали четверых детей. Владимир стал профессором физики, был учеником знаменитого физика Резерфорда и учителем не менее известного конструктора Владимира Уткина. Дочь знаменитого физиолога унаследовала профессию отца, была кандидатом наук, кавалером ордена Ленина. Несмотря на успехи Веры Ивановны, Павлов писал президенту Академии наук: «Прошу уволить мою дочь и принять на ее место талантливого сотрудника» – к своим детям Павлов предъявлял самые строгие требования. Третий ребенок, Виктор, ушел из жизни молодым, его в 27 лет унес брюшной тиф. Всеволод в 42 года умер от рака. «Павлов настаивал на удалении поджелудочной железы, но тогда еще не делали таких операций, – рассказывает Наталья Загрина. – В письмах к своей жене он сетовал, что мог предугадать смерть Всеволода – тетка умерла от такого же рака. На могиле сына Павлов поклялся, что донесет до молодежи, насколько важны генетические знания».

КОНЦЕНТРАТ УМСТВЕННОЙ ЭНЕРГИИ

Иван Петрович Павлов был убежден, что для успешной умственной работы очень важно физическое состояние человека. «Не может ум хорошо работать, если физически себя не закалишь», – говорил Павлов. Знаменитый физиолог на протяжении всей своей жизни доказывал это утверждение на практике: в преклонные годы он оставался в прекрасной форме, очень ценил физический труд, считал его причиной своего долголе-

тия. Таскал воду, работал на огороде, чистил дорожки на даче. Он говорил, что, если бы не был ученым, стал бы земледельцем. Иван Петрович создал спортивное общество врачей и ни разу не пропустил занятий. По барьеру Адмиралтейства Павлов мог пройти на руках. Эта закалка помогла Ивану Петровичу, когда в 67 лет он, перепрыгивая через канавку, сломал шейку бедра: он сразу понял, что, если наступит на ногу, может быть смещение, и 40 минут провисел на руках.

Иван Павлов очень ценил физический труд. «Радость труда укрепляет тело, регулирует нервную систему и является лучшим лекарством от многих болезней», – считал ученый

Обезьяны, как и собаки, сослужили немалую службу для научных открытий – с их помощью Павлов постигал тайны работы головного мозга

«Когда уже на девятом десятке Павлов поехал в Лондон на конгресс по неврологии, одному советскому дипломату задали такой вопрос: как удастся сохранять таких людей? Ему 86 лет, а ведь это не человек, а концентрированная умственная энергия», – рассказывает Наталья Загрина.

Из 86 лет шестьдесят были посвящены Павловым науке. «Его жизнь унесла скоростная болезнь – сломалась машина, его продуло холодным ветром, в результате – воспаление легких, которое вызвало осложнения», – рассказывает Наталья Загрина. – Он сам поставил себе диагноз. Когда стал забывать слова, сказал пришедшему к нему невропатологу, что это отек коры головного мозга. Вскрытие подтвердило его догадку. Не стало его 27 февраля 1936 года. Прощаться с великим ученым пришлось огромное множество людей – это было национальное горе».

Ученый мирового масштаба, оставивший колоссальное наследие, совершивший не один прорыв в науке... Память о нем и сегодня служит примером для воспитания молодежи. В саду, где когда-то молодой Павлов играл в городки (ученый был большим поклонником этой игры и даже свое 75- и 80-летие отмечал турнирами. – Прим. авт.), сегодня собираются рязанские школьники, чтобы устроить городошные соревнования. А в августе вся улица Павлова – родная улица Ивана Петровича сегодня, конечно, носит имя академика – заливается яблочным ароматом: это в павловском доме варят «Варварино варенье» – такое же, как когда-то варила матушка Ивана Петровича... Павловский дом живет яркой жизнью, и, может быть, кого-то из сегодняшних посетителей он тоже вдохновит на открытия. Может, кто-то из гостей сможет написать так, как когда-то написал Павлов: «...должен почесть мою жизнь счастливою, удавшеюся. Я получил высшее, что можно требовать от жизни, – полное оправдание тех принципов, с которыми вступил в жизнь». ■

ОЛЕНИ И СЕМЬ СЛОНИКОВ

АВТОР

МАРИЯ БАШМАКОВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЭТО ОДИН ИЗ САМЫХ «МИРНЫХ» МИНИ-МУЗЕЕВ ГОРОДА. ПЕТЕРБУРГСКИЙ МУЗЕЙ «XX ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ» ПОСВЯЩЕН ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЛЕНИНГРАДА 1945–1965 ГОДОВ. СЛОВО «ВОЙНА» СЛУЖИТ ТОЧКОЙ ОТСЧЕТА И НЕ ДОЛЖНО СМУЩАТЬ ПОСЕТИТЕЛЕЙ, КОТОРЫХ СЮДА ПРИВОДЯТ НОСТАЛЬГИЯ, ИНТЕРЕС К АНТРОПОЛОГИИ ИЛИ ЭКЗОТИКЕ. КАЖДЫЙ РОЖДЕННЫЙ В СССР НАВЕРНЯКА УЗНАЕТ СРЕДИ ЭКСПОНАТОВ МУЗЕЯ ФАРФОРОВУЮ СТАТУЭТКУ БАБУШКИ ИЛИ СЕРВИЗ КАК У «ДЕДУШКИ НА ФОТО». И В ЭТОЙ БЛИЗОСТИ УЗНАВАЕМЫХ МАССОВЫХ ВЕЩЕЙ СВОЕОБРАЗНОЕ ОЧАРОВАНИЕ И ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ ЭКСПОЗИЦИИ.

ВЕРХНИЕ ПРОЛЕТЫ лестницы доходного дома на 4-й линии Васильевского острова, если присмотреться, отличаются от первых трех: ступени не гранитные, а бетонные, потолок ниже, перила без изысков. Это дом-памятник в стиле эклектика. В 80-метровой квартире на последнем этаже была коммуналка. А сейчас там расположен музей. Экспозиция здесь небольшая: «комната ленинградской учительницы» и зал с тематическими витринами: «детство», «женский мир», «мужской мир». Фарфоровые скульптурки, значки, письменные принадлежности, флаконы духов, броши, театральные программки, игрушки – все то, что представляло материальный мир человека первого послевоенного десятилетия. Особый упор в музее сделан на «праздничную» сторону жизни – фарфор и духи.

Одну из четырех комнат этой квартиры занимала создательница музея Ольга Сапанжа, в другой жила ее бабушка, которой отчасти и посвящен музей. Ольга Сапанжа – доктор культурологии, профессор кафедры художественного образования

В музее оборудована условная «комната учительницы» конца 1940-х – начала 1950-х с никелированной кроватью и плюшевым ковром

Ольга Сапанжа – доктор культурологии, профессор кафедры художественного образования и декоративного искусства РГПУ им. А.И. Герцена, директор музея

и декоративного искусства РГПУ им. А.И. Герцена. Ведет курсы по музейной педагогике в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. В 2013 году она смогла выкупить две соседские комнаты, и тогда родилась мысль о создании настоящего музея, который она называет «камерным». Через год музей открылся. А заполнили экспозицию коллекцией матери Ольги – Натальи Александровны Баландиной. Она культуролог и коллекционер.

– Пространство тела, дома и города – это составляющие повседневной культуры, – переводит на научный язык Ольга Сапанжа круг интересов своего музея. – Мы сосредоточены на первых двух уровнях и рассказываем о повседневной культуре Ленинграда. Стараемся как можно больше говорить о ленинградских предприятиях и ленинградцах. Так появилось название

«XX лет после Войны», хотя оно вводит в заблуждение, поскольку ассоциируется с войной. А до 1965-го о войне и не говорили. Все, что мы знаем о Победе 9 мая, сформировано после 1965 года. До 1965-го День Победы был рабочим. Тут есть и психологический момент: человек после катастрофы старается о ней не думать. Но были и государственные запреты, например разгром музея блокады в Ленинграде. То есть «XX лет после Войны» – период, когда война не ушла и не могла уйти из пространства повседневности, она была центральной темой жизни. Потому люди хотели создать вокруг себя пространство комфорта, насколько это было возможно в то время.

ОЛЕНИ ИЗ ДЕТСТВА

Музей позволил Наталье Баландинной почувствовать себя не просто коллекционером, а хранителем и просветителем. Пространство обыденного интересно многим. Многие вещи, представленные в музее, она помнит с детства. Итальянский плюшевый ковер с оленями в 1950-х висел в детстве у ее кровати. Люди старшего поколения могли застать аналогичные ковры с лебедями, медведями или волками. Наталья Алексан-

Семейные книги создателей музея в «комнате учительницы»

дровна вспоминает, что, повзрослев, воевала с матерью, настаивая, что «мещанских оленей» надо истребить. Мама поступила мудро: ковер скатала и убрала, и теперь он украшает музей.

Наталья Александровна родилась в 1953 году в Абакане. Мать преподавала историю в вузе, была кандидатом наук, отца командировали в Абакан из Ленинграда. Он умер, когда Наталья Александровна была ребенком. Она запомнила детство как счастливую пору: с фронта все родные вернулись, в семье был достаток. Наталья

Александровна приехала поступать в институт в Ленинград, позже туда переехала и ее мама.

– Музей создавался именно как «память детства». Все началось с фарфоровых статуэток лет 25 назад, – говорит Наталья Баландина. – Фарфор дома всегда был. Я его всегда очень любила. И сами собой стали прибавляться новые статуэтки. Особенно любимы были статуэтки женщин-работниц, которые поднимали СССР после войны: каменщица, сварщица, асфальтоукладчица. Я стала задумываться: вот асфальтоукладчица пришла домой, сняла робу. Что она может себе позволить? Шляпку, перчатки, чулки, шарфики. Так стала складываться женская коллекция. Потом появился «детский» фарфор. Тема детей в фарфоре была широко представлена, видимо, реализовывалась идея зарождения новой жизни. А «мир мужчины» был очень аскетичным. Если для женщин выпускалось много товаров, чтобы поддержать женщину-работницу, то для мужчин – мало. Потому и наша мужская коллекция скудная. Мне нравится собирание, поскольку это воспоминание о моем детстве и юности и возможность донести информацию до сегодняшнего дня.

Количество счетчиков на один превышало число квартир-съемщиков

«ЛАНДЫШ СЕРЕБРИСТЫЙ»

Духи как символ возвращения к мирной жизни – сюжет семейной истории создательниц музея. Отец Ольги, будущий супруг Натальи Баландиной, родился 31 декабря 1954 года семимесячным. Прогнозы были мрачными. По семейной легенде, врачи предложили родителям барокамеру, чтобы выходить младенца, шансы на благополучный исход у ребенка были невелики. В то время родных в палату не пускали, но ради 1 января сделали исключение. К бабушке Ольги пустили мужа, и он подарил ей духи «Ландыш серебристый». Бабушку, да и всех женщин в палате, этот успокоительный новогодний подарок восхитил и придал сил. Ребенка, понятное дело, выходили.

Наталья Баландина вспоминает: ее мать косметикой практически не пользовалась, а вот парфюмерию покупала. Была у нее и знаменитая «Красная Москва», которой она пользовалась всю свою долгую жизнь. Весь парфюм был недешев, рассказывает Ольга. Флаконы духов тогда не выбрасывали, как и упаковку. В конце 1960-х упростился дизайн – и духи из разряда элитных уступили место французским. В 1970-е советские духи становятся ширпотребом. Притертую стеклянную крышечку заменяет пластмассовая, а духи из дорогого подарка «опрощаются» – теряют статус дорогого и желанного подарка – как это случилось с «Красной Москвой», флакон которых стоит на трюмо в музее. Производители обещали, что аромат будет держаться три дня. Держался.

КОМНАТА УЧИТЕЛЬНИЦЫ

В музее оборудована условная «комната учительницы» конца 1940-х – начала 1950-х годов. Прототипом учительницы стала мать Натальи Баландиной – Ада Викторовна. Это жилище первого поколения послевоенных горожан, которые приехали из деревни с сундуком. Там на комоде живут фарфоровые

Швейная машинка для советской женщины была не инструментом для изящного досуга, а необходимостью

Вечернее платье из панбархата на портняжном манекене, отражающем параметры женщины 1950-х. Такой наряд могли позволить себе избранные дамы или опытные портнихи

балерины, былинные кони и птички. Украшает комнату учительницы истории фото бабушки Ольги, которая и в самом деле была педагогом, правда не школьным, а вузовским. В комнате воссоздан типовой быт, который можно было увидеть в комнате одинокой женщины и в Ленинграде, и в Абакане.

Книжные шкафы 1958 года и книги – семейные, с ними выросла Наталья Александровна. Все издания советские, дореволюционных быть и не могло. Сундук в углу принадлежал бабушке Натальи Александровны, там хранилось ее приданое. Вообще-то сундуков за невестой давали три, но уж что уцелело, то и попало в музей. Комод служил матери Натальи Александровны с 1938-го. А кровать с никелированной спинкой и панцирной сеткой – модная в свое время вещь – появилась в доме в 1960-х. За круглым столом и обедали, и работали, на нем и гладили. Если бы это было комнатой интеллигента «из бывших», говорит Ольга, не было бы мещанского подзора и ковра с оленями, горки подушек. Скорее всего, интерьер был бы более изысканным. И фарфор – не массовым, а из старых коллекций, как и книги, изданные до революции.

В комнате на столе стоит чернильница-тигр с дарственной надписью от некоей Эллы. А на фарфоровой статуэтке девочки-лыжницы написано: «В день рождения Андрюше от бабушки» – видимо, бабушка посчитала, что внуку надо подарить именно девочку с лыжами. Было принято делать дарственные надписи на вещах: указывать, от кого и кому подарок вручается и по какому поводу. И это примета послевоенного двадцатилетия.

Есть у учительницы и швейная машинка, что было для советской женщины не инструментом для изящного досуга, а необходимостью. Все, что можно было тогда купить, это отрез ткани. Шитье у портнихи было задачей труднодоступной.

Это не коробка конфет, а настольная пудреница – популярная вещь. Именно эта, со станцией метро «Автово», выпущена в 1955-м. К открытию 1-й линии метрополитена Ленинграда

Настольный календарь – трогательная деталь минувшей эпохи

ФАРФОР – В МАССЫ

– Человек, переживший войну, хочет обрести дом, обустроить пространство, – говорит Ольга Сапанжа. – Именно в послевоенное двадцатилетие формируется пространство, которое

мы понимаем как советское. В 1920–1930-е годы быт человека был еще неустойчив. У человека все имущество зачастую помещалось в сундуке. А после Великой Отечественной войны формируется первое поколение новых горожан. Возникает «интерьер деталей», поскольку после войны вещей не хватает. И человек хочет «обустроить» свой дом фарфоровыми статуэтками и хрусталем. В 1960-х, когда формируется пространство типового малогабаритного жилья, фарфор отправляется на помойку. С одной стороны, советский быт – это «комната бабушки» с никелированной кроватью, плюшевым ковром, вышитыми салфетками, этажеркой и геранью. То, что принято клеймить как «мещанство». Яркий пример – семь слоников из фарфора. А с другой – минимализм, в чем-то даже превосходивший стиль «Икеи». То есть одновременно сосуществовали два модуса: «мещанское советское» и «обновленное советское». Все это формируется после войны.

До войны фарфор был элитным товаром, его производили на экспорт, он был достаточно дорог, а после войны появил-

фарфори́сты подхватывают балетную тему – так рождаются образы известных балерин и множество образов балерин безымянных, которые массово тиражировались. Человек мог купить духи «Красный мак», дешевую статуэтку Тао Хоа, выпускавшуюся на Дмитровском фарфоровом заводе, – и он уже «приобщался» к миру высокого искусства.

Буквально каждый советский гражданин, причем не только представитель так называемой «советской интеллигенции», выписывал журнал «Огонек», а там писали про балет, гастроли и славу за границей Галины Улановой, Ольги Лепешинской, а позже – Майи Плисецкой. Что про мир? Космос и балет! Если космическая тема отражалась в бытовых вещах (зажигалки, надписи на блокнотах, елочные игрушки), то балет как изящное в изящном ожил в фарфоре.

ВЗРОСЛЕЯ С ПУШКИНЫМ

– В 1950–1960-е годы мелкая фарфоровая пластика становится важным элементом интерьера типового советского жилья, – рассказывает Ольга Сапанжа. – В интерьере советской квартиры или комнаты в коммунальной квартире значительное место занимают частные подробности – подзоры и подушки, вышивки и салфетки. В 1950-е функции придания пространству дома черт индивидуальности взял на себя фарфор. Вполне понятно, что для того, чтобы фарфор стал частью интерьера рядового советского человека, он должен был быть доступен по цене, а сюжеты – понятны обывателю. Дешевизна обеспечивалась за счет массовых тиражей, а понятность – за счет формирования канонического свода тем и сюжетов. Среди этих тем – вожди, герои, дети, сюжеты русских сказок, дружба народов. В первые послевоенные годы фарфоровые скульптурные группы еще стилистически тяготеют к «большому стилю». После 1953 года единственным вождем, представленным в фар-

сея массовый тиражный фарфор, который вошел в каждый дом. Например, балет в фарфоре – это реализованный в послевоенное двадцатилетие эксперимент по созданию советской культуры – иллюзии того, что каждый советский человек приобщен к высокой культуре. Балет всегда был элитарным искусством. Но с 1956 года советский балет начинает активно гастролировать по

всему миру. И об этом постоянно говорят по телевидению, по радио, в газетах. В журнале «Советская женщина» печатают заметки балерины Ольги Лепешинской – впечатления о гастролях в Японии в 1957 году. С 1955-го балет часто показывают по телевидению. Каждый советский человек, даже не побывав в театре, знал: есть такие балерины – Галина Уланова, Майя Плисецкая. Советские

Сказочные сюжеты были невероятно популярны в фарфоре – их все знали

форе, остается Ленин. Если первое место в пантеоне вождей безоговорочно принадлежало Ленину, самой значительной фигурой «творца» был, безусловно, Пушкин. Каноническим стал образ Пушкина-отрока: в 1949 году Софья Велихова создает на ЛФЗ статуэтку «Юный Пушкин», которая наряду с юным Лениным стала одним из самых тиражируемых произведений мелкой пластики.

Ольга подытоживает: в послевоенное двадцатилетие формировался феномен советского человека как «самого читающего» или интересующегося высокой культурой. И балетом он интересуется, и фарфорового Пушкина на стол поставил. Ленин учился – и ты учись. Очень хороший подарок ребенку. Если Ленин – «наше все» идеологическое, то Пушкин – «наше все» культурное. Ребенок рос вместе с юными Александром Сергеевичем и Владимиром Ильичом.

В 1960-е годы начинается переезд в отдельную квартиру, там по-новому формируется пространство. Уже тогда фарфоровые статуэтки начинают казаться мещанством. Плюшевые ковры и занавески, вязаные салфетки осуждаются. Заводы

Вход в «комнату учительницы» из прихожей

Советский быт у многих ассоциируется с плюшевым ковром, вышитыми салфетками, этажеркой и геранью

принес конструкцию из оргстекла с дырой посередине. В конце 1950-х он окончил институт, устроился на работу, а галстук – один! Стирать нужно часто. Если галстук постирать и просто повесить, он скукожится. Потому он стирал свой галстук и натягивал на эту основу из оргстекла. Так он не садился и не мялся.

Приходят в музей люди пожилые – вспомнить юность и детство. Молодежь ищет экзотики, как и иностранцы. «Это я видел у тети Маши!» – может сказать каждый посетитель музея, успевший родиться в СССР. Именно такие духи, статуэтка или часы были в каждой семье. Ни один современный ребенок до 12 лет не умеет пользоваться дисковым телефоном. Мысль, что надо снять трубку, не приходит в голову. Для них это «угол прабабушки». Пожилые люди восхищаются и умиляются, глядя на вещи своей молодости.

Ольга называет свой музей «ядром советского» и не склонна идеализировать то время. Быт был очень тяжелым. Скажем, у жителей коммуналки, где располагается музей, не было ванной, нет в парадной и выхода на чердак. Женщины стирали на кухне в тазу. Чтобы попасть на чердак, надо было спуститься во двор, подняться на пятый этаж по лестнице соседней парадной и только тогда на чердаке развесить белье. На кухне возможности сушить белье не было.

Так что изящные вещицы отвлекали людей от тяжелого быта. Ольга подчеркивает: важно, что на многих предметах была городская символика. Например, на пудренице – изображение Медного всадника. Это наполняло пространство ощущением красоты и пониманием величия города.

Эпоха суровой жизни и больших надежд замерла в деталях: панбархатном платье для особых случаев, статусных духах, сумочках на выход. И изящные вещицы навсегда останутся не обломками утраченного рая, а проекцией мечты о мире, красоте и уюте. 📌

В ПОИСКАХ ЭКЗОТИКИ

начинают выпускать вещи более лаконичных форм. И адрес этих вещей – малогабаритная квартира. Отныне это новое пространство задает эстетические координаты – никакой перегруженности деталями, только декоративные акценты. Так, вереницы слоников, ряды фарфоровых статуэток, горки подушек, подзоры и салфеточки заменяются одним кувшином лаконичной формы и асимметричной росписи. «Современный стиль» открывает новую страницу, в которой появляется дизайн и уходит пусть чрезмерная, но индивидуальность.

На витринах «женского» стеллажа разложены пудреницы (в коллекции Натальи Баландиной их более ста), щипчики для завивки ресниц, краска для осветления волос, шкатулки, броши, статуэтки... Среди них семейство фарфоровых слоников – невероятно популярные скульптурки до 1960-х. Всю семерку слоников удалось собрать благодаря дарительнице, до этого в коллекции было всего два. Приносят посетители и дорогие вещи, и удивительные приспособления – примеры народной смекалки. Например, мужчина

«Прошу повернуть» – написано на старом дверном звонке, символе музея

Фотоаппарат «Смена» – желанный подарок для советских мальчишек

ГОРОД АРХИТЕКТУРНОГО АВАНГАРДА

АВТОР

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

ФОТО

ЛЕОНИДА АРОНЧИКОВА

ПРОЛЕТАРСКОЙ СТОЛИЦЕЙ НАЗЫВАЛИ ЭТОТ ГОРОД В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА. ТОГДА ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК ПЕРЕИМЕНОВАЛИ В ИВАНОВО И РЕШИЛИ ПОСТАВИТЬ ЗДЕСЬ ЭКСПЕРИМЕНТ, ВОПЛОТИВ В ЖИЗНЬ ИДЕИ «НОВОГО ОБЩЕСТВА». ЗДЕСЬ ЖЕ, В 300 КИЛОМЕТРАХ ОТ МОСКВЫ, РАСЦВЕЛ КОНСТРУКТИВИЗМ – НОВЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ СТИЛЬ, ЛОМАВШИЙ СТАРЫЕ СТЕРЕОТИПЫ СВОЕЙ ЛАКОНИЧНОСТЬЮ И МОНОЛИТНОСТЬЮ.

ИВАНОВСКИЕ ТКАЧИ считались одними из самых сознательных представителей рабочего класса. Так что столичные власти рассчитывали на то, что новые идеи легко приживутся в этой среде. Если коротко, то суть их сводилась к следующему: освободить советскую женщину от быта, обобществить и коллективно воспитывать детей, дать возможность советскому человеку все силы отдавать труду, а по вечерам в клубах учиться политической грамотности.

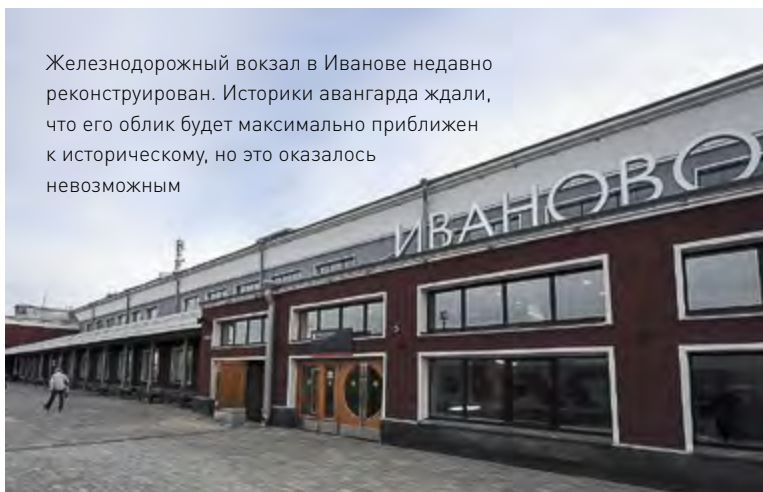
Этим идеям была подчинена и перестройка города. Генеральный план Иваново-Вознесенска был разработан в 1930 году известным зодчим-новатором Львом Ильиным. В соответствии с генпланом одним из важнейших центров города становилась вокзальная площадь.

ВОКЗАЛ КРАСНОГО МАНЧЕСТЕРА

Вокзал поручили проектировать Владимиру Каверинскому. Эскиз главного фасада вокзала появился в июле 1930 года в ивановской газете «Рабочий край». В заметке говорилось, что строительство здания из железобетона окончат

в 1931 году, длина большого зала составит 80 метров, одновременно в нем смогут находиться 2500 человек. Были предусмотрены сеть подземных тоннелей для перемещения багажа и для пассажиров, медицинские кабинеты и ресторан на крыше. Этот проект был реализован без особых изменений через два с половиной года. 15 января 1933 года вокзал торжественно открыли. До революции 1917 года пассажиры были поделены на классы в зависимости от их доходов и социального статуса. Пассажиры первого класса ехали в вагонах синего цвета, для среднего класса предназначались желтые вагоны, а простые люди размещались в зеленых. В стихотворении Александра Блока как раз об этом: «Молчали желтые и синие; в зеленых плакали и пели». Более того, благородные господа и дамы не должны были входить в те же двери, что и простонародье. Вокзал в Иваново демонстрировал завоевание социализма – один огромный зал

Железнодорожный вокзал в Иваново недавно реконструирован. Историки авангарда ждали, что его облик будет максимально приближен к историческому, но это оказалось невозможным

Железнодорожный вокзал в Иванове торжественно открыли 15 января 1933 года, огромный зал ожидания достигал в длину 80 метров. Через двадцать лет его все-таки разделили на две части

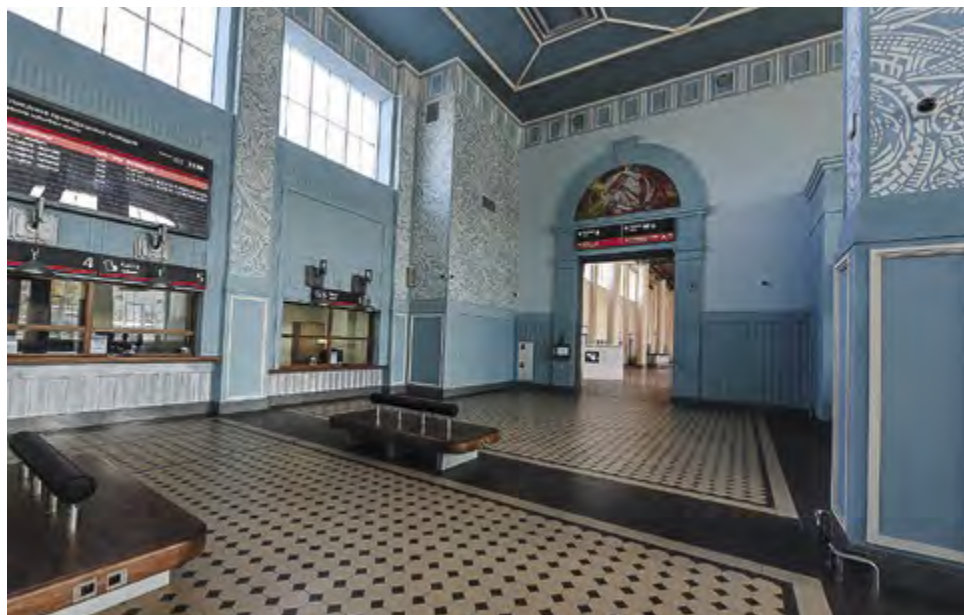
для всех с мягкими кушетками для пассажиров дальнего следования. Правда, для интуристов были предусмотрены две отдельные комнаты. Здание вокзала имело все характерные черты конструктивизма, оно было как бы составлено из секций разной высоты. Было и сплошное остекление – широкие вертикальные окна. Зодчие той эпохи строили «города солнца», так что внутреннее

пространство помещений должно было быть залито солнечным светом. Отсюда, кстати, такая любовь архитекторов-авангардистов к разнообразным солнцариям, даже в северном климате. Это ведь идеология, а не соображения практичности. Вокзал ремонтировали несколько раз. В 1950-х огромный зал ожидания разделили на две части. Тогда же реконструировали кровлю, появились колонны:

в левом зале два ряда квадратных колонн, в правом – четыре ряда круглых. Сплошное остекление фасада исчезло, полы меняли много раз, а стены перекрашивали.

В 2018 году началась очередная масштабная реконструкция вокзала, закончившаяся в августе 2020-го. Ее завершения специалисты ждали с нетерпением. Первоначальный облик вокзалу возвращен не был, зато во время реконструкции установили изначальный цвет фасадов. Вокзал был серым с красными и розовыми оттенками.

В обновленном вокзале наиболее близким к историческому и цельным оказался фасад, выходящий на перроны и железнодорожные пути. А вот в интерьерах цельности не получилось. Конструктивистский объем сочетается с элементами декора 1950-х и поздней брежневской эпохи. Залов – два. В розовом – растяжки и экраны, рассказывающие об истории текстильной столицы: здесь и ивановские ситцы, и скромные ивановские невесты. В этом зале планируется устроить культурное пространство. В полу так называемое «археоло-

гическое окно» демонстрирует надпись, сделанную в 1980 году к Олимпиаде. В этом же зале над дверями два живописных полотна, на стене – монументальная роспись, повествующая о первых Советах в Иваново-Вознесенске и руководящей роли коммунистов. Пассажиров мало, почти никто не ожидает поезда, растянувшись на скамейках. В голубом зале оживленнее. Здесь люди толпятся у касс, за порядком следят дежурные, с перрона в сторону выходов в город спешат пассажиры. В центре зала среди деревянных дизайнерских скамеек стоит на подиуме ткацкий станок. Стены и квадратные колонны украшены белыми орнаментами, отсылающими к эпохе агитационного текстиля с его почти схематично изображенными тракторами и снопами пшеницы. И эти орнаменты мешают воспринимать строгую геометрию архитектурного авангарда.

В голубом зале вокзала, наиболее нарядном и оживленном, стоит на постаменте памятник – ткацкий станок. Иваново много десятилетий было центром производства хлопчатобумажных и льняных тканей, городом ткачих

«ШКОЛА-ПТИЦА»

На главной магистрали города, проспекте Ленина, стоит знаменитая «школа-птица», или «дом-птица». Это – памятник конструктивизма, охраняемый государством. Здание, к счастью, не было изуродовано реконструкцией, только в брежневские времена у него появился новый корпус. Школа была возведена в 1928 году по проекту ивановского архитектора Василия Панкова. Он приехал из Ярославля, трудился в проектно бюро Иваново-Вознесенского городского отдела коммунального хозяйства. Одновременно со зданием школы проектировал дом для профессуры Политехнического института Иванова.

«Школа-птица» строилась для действовавшей в Иваново-Вознесенске с 1918 года первой советской Единой трудовой школы, позже переименованной в

честь 10-летия Октябрьской революции. Интересно, что соавтором этого индивидуального проекта стал директор школы И.С. Куроедов. Именно по его настоянию в школе устроили два физкультурных зала, большие классы физики и биологии, производственные мастерские. Позже наступит новая эпоха: с конца 1930-х все школьные здания будут строиться по типовым проектам, и никакой директор или заслуженный учитель не смогут вмешиваться в работу архитектора. А Куроедов, как вспоминают, и строительство контролировал. По сути, архитекторами был задуман некий ансамбль: на проспекте Ленина стоит жилой «дом-корабль», возведенный по проекту москвича Даниила Фридмана, а напротив – школа, в плане напоминающая птицу. Над ее левым крылом возвышается астрономическая баш-

Ивановский архитектор Василий Панков строил экспериментальную школу, школу будущего. Ее крышу венчает характерная башенка-обсерватория для занятий астрономией. Сейчас она в аварийном состоянии

ня. Получается, что башня – это маяк, к которому плывет «дом-корабль». Такие метафоры были характерны для той эпохи. Позже между этими зданиями построили высотку, ансамбль был разрушен.

В школе нас встретила завуч и преподаватель литературы Анна Антоневиц. «Это кабинет начальных классов, видите, он не прямоугольный и не квадратный, а пятиугольный. Работать здесь волшебно. Он очень светлый, здесь большое пространство, легко дышать. Сюда и сорок человек можно посадить, – рассказывает она. – Я больше нигде такого не видела. Я работала и в этом классе, и в новом здании школы. Никакого сравнения!»

Вслед за Анной Антоневиц мы поднимаемся на башенку. Она давно находится в аварийном состоянии, детей сюда не пускают, дверь заперта, но для

Эта винтовая лестница скрыта от посторонних глаз. Она ведет в башню-обсерваторию в знаменитой «школе-птице»

нас сделали исключение. Преподаватели мечтают о реставрации астрономической лаборатории, но пока денег на это нет. Наверх ведет потрясающая винтовая лестница, с башни открывается вид на проспект. Одна из лучших в городе, 32-я английская школа сегодня переполнена, но проект Панкова позволяет комфортно разместить учеников. Помимо многоугольных классов есть и рекреации сложной формы с подиумами – раньше они выполняли функцию залов для концертов и общих собраний. Ходишь по школе и чувствуешь дыхание истории.

«Во время войны здесь был госпиталь. Это логично: недалеко вокзал, по проспекту Ленина ходил трамвай, – продолжает Анна Антоневиц. – Раненых несли сюда прямо с проспекта. Самых тяжелых раненых, у которых пострадали

Один из залов в «школе-птице». Это одновременно и актовый зал, и рекреация с огромными окнами. Тема света, освещения всегда была важна для архитектуры авангарда

конечности, урологических. Это мне рассказывала бабушка, которая в Иванове в 1941 году окончила школу и как активистка и комсомолка пришла сюда работать санитаркой. Так вот, в восьмиугольных классах устроили операционные – там же всегда солнце. Вот это – спортивный зал для малышей. В войну здесь мыли и стригли бойцов, снимали бинты, здесь было грязно. Когда в 1945 году госпиталь съехал, то все силы были брошены на этот зал, он был буквально убит. Несмотря на то, что, когда в школе был госпиталь, здесь постоянно возили каталки, но видите – нам удалось сохранить исторические полы, плитку. У нас так поставлена воспитательная работа, что детей знакомят с историей школы. Старшие ведут для младших специальные уроки, есть даже музей истории школы».

«Школа-птица» стоит на проспекте Ленина. Это памятник архитектуры, который, к счастью, не был перестроен. Туристы могут подойти и рассмотреть здание

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

«Школе-птице» повезло гораздо больше, чем другим аналогичным памятникам эпохи. Архитектура авангарда оказалась наиболее уязвимой по нескольким причинам. Многие замыслы не были доведены до конца, после 1935 года проекты изменяли в ходе строительства, когда властной рукой авангард был остановлен, а зодчим было предписано

вернуться к классике. К тому же время было трудное, строили не из хороших материалов, что сказалось на «долгожительстве» зданий. К примеру, на строительство кинотеатра архитектора Хидекеля в Ленинграде в ход шел использовавшийся ранее кирпич, а фундамент Первого жилого дома Ленсовета Фомина и Левинсона укрепляли... могильными плитами. Но главное: идеи о построении нового общества, попытки переломить привычную жизнь человека – не оправдались. Обычный человек по-прежнему хотел уюта, свой угол, нормальную семью. Первыми оказались не нужны фабрики-кухни, реконструированные и перепрофилированные еще в советское время. А в 1990-е стали закрываться и сноситься фабрики и дома культуры. Так были разрушены чудесный клуб завода «Вулкан» и

Напротив школы был выстроен «дом-корабль». Предполагалось, что сверху будет казаться, будто корабль плывет к башенке-маяку на крыше школы. Или птица летит к кораблю. Замысел был перечеркнут строительством нового здания между школой и «кораблем»

завод «Красный гвоздильщик» в Петербурге.

Памятникам архитектурного авангарда везет редко. Недавно стало известно, что символ Уралмаша, Белая башня (ранее водонапорная, а ныне – культурная площадка Екатеринбург. – Прим. авт.), получила международный грант на проект реставрации.

А многие здания авангарда долго не получали статус памятника и оказались незащищенными. Спасти такой памятник, отреставрировать согласно Венецианской хартии, то есть используя те же материалы и технологии, ничего не достраивая, оказывается почти невозможно. Специалисты считают, что за последнее время в стране лишь два объекта авангарда отреставрировали достойно: библиотеку в Выборге и Дом Наркомфина в Москве. Что же до Иванова, то есть пе-

чальный список зданий, где от первоначального замысла ничего не осталось. И, пожалуй, возглавляет его драматический театр. Ради его строительства в свое время снесли Троицкий храм, Покровский кафедральный собор и старое кладбище. В конкурсе приняли участие 11 архитекторов. Комиссия склонялась в пользу проекта Ильи Голосова: у него был монстр, напоминающий зиккурат. Но в итоге предпочли более дешевый вариант Александра Власова. Впрочем, его проект тоже был очень пафосным: театр огромных размеров, уступами возвышался над проспектом. В нем были буфеты, зимние сады, огромное количество гримерок и душевых. А также огромная сцена, через которую должны были проходить демонстрации, и пандусы, по которым в зал съезжали бы мотоциклы! Механизированный

пол сцены, подземные площадки – на какие постановки были рассчитаны эта сцена и зрительный зал? Каких безумных денег стоили бы такие зрелища? Думал ли автор проекта об этом?

А затем начались проблемы, о которых предупреждал главный архитектор города Лев Ильин: на месте строительства нарушили дренажную систему, сделанную еще монахами. Театр открылся в 1940 году, а первый ремонт начался уже после войны. Потом театр перестраивали много раз, в 1960-х его даже хотели снести, поскольку фундаменты оказались слабыми, а ремонты и реконструкции обходились слишком дорого. В 1986 году здесь случился пожар. Последняя реконструкция окончилась в 2011 году. Театр, конечно, хорош. Ивановцы его любят, но он совсем непохож на тот, исторический.

«КРАСНАЯ ТАЛКА»

Освобожденные текстильщики в Стране Советов должны были отдавать все силы труду. В 1931 году ввели шестидневную рабочую неделю, которую отменили только в 1967-м! Времени на театры и музеи оставалось мало: в единственный выходной надо было восстановить силы и сделать что-то по дому. Зато условия труда рабочих должны были быть хорошими: светлые просторные цеха, соблюдение санитарных норм и техника безопасности. В конце 1920-х в Иваново-Вознесенске строят крупнейший меланжевый комбинат и две прядильные фабрики. Одну назвали в честь Дзержинского, вторую – «Красной Талкой». Фактически это была реконструированная старинная «Петрищевская мануфактура». Река Талка, на которой выстроили мануфактуру, прославилась тем, что на ее берегах пролетарии митинговали во время стачки 1905 года.

В 1929 году к фабрике пристроили новый прядильный корпус. Здесь впервые в стране применили железобетонные конструкции, предложили ленточное остекление. Проект делали молодые зодчие Иван Николаев и Борис Гладков. Кстати, чуть позже Николаев прославится проектом дома-коммуны на улице Орджоникидзе в Москве, где студенты жили в комнатах-ячейках. На фабрике каждый этаж предназначался для определенного технологического процесса. На первом этаже стояли тяжелые чесальные машины, на втором – прядильные. Свет шел и сверху, конек крыши был также стеклянным.

Мы обратились к руководству фабрики с просьбой разрешить сфотографировать предприятие внутри, но нам было отказано. Возможно, потому, что от памятника промышленного конструктивизма теперь мало что осталось. Известный историк архитектуры Николай Васильев часто приезжает в Иваново, проводит экскурсии, показывая шедевры авангарда. «На фабрике

Московский архитектор Даниил Фридман блестяще спроектировал свой «дом-корабль». Угловой ракурс напоминает гигантский острый нос корабля. Возможно, Фридман вдохновлялся силовой подстанцией в форме корабля фабрики «Красное Знамя», выстроенной в 1926 году Эрихом Мендельсоном в Ленинграде

остался сквозной проход на каждом этаже, это как главный коридор длиной 200 метров, по бокам которого стоят станки, – рассказывает он. – Там была история естественного света, по коньку была стеклянная крыша. Она осталась. Раньше были освещены все этажи. Теперь это большое пространство разделили на клетушки магазинчиков, торгующих текстилем. Остается полное ощущение вещево-

го рынка. Первый этаж совсем темный. Снаружи все обшили дешевым сайдингом. Объемы сохранены, хотя с северной стороны сделаны пристройки, там – погрузочный дебаркадер. Весь фасад пробит по первому этажу. Здание-памятник утратило уникальность, хорошо хоть вообще не снесли. Ивановцы старого поколения еще помнят «Красную Талку». Сегодня предприятие иначе называется»...

ГЕОМЕТРИЯ АВАНГАРДА

Обеспечить рабочих жильем могло только массовое строительство. Тут было не до индивидуальных проектов. Встали вопросы экономии и скорости, создания малометражных типовых секций. Идея жилья для «нового советского человека» вылилась в проектирование домов-коммун с коридорной системой и без кухонь. Один из таких домов в Ленинграде, на улице Рубинштейна, метко называли «слезой коммунизма», ведь жить в нем было крайне неудобно. В 1928 году архитекторы во главе с Моисеем Гинзбургом стали разрабатывать «жилище переходного типа». В то время всё еще продолжали считать, что «семейная квартира» закабалит женщину, что дорого и нерационально так использовать объемы здания, но от домов-гостиниц с огромными коллективными залами-кабинетами все же решили отказаться. Комплексы «переходного типа» строят в разных городах, так в Иваново-Вознесенске в 1930–1932 годах появляется Первый рабочий поселок. Если выйти

из вокзала и повернуть направо, пересечь проспект Ленина, то буквально через полчаса вы попадете в квартал, который сейчас смотрится неожиданно патриархально. Небольшие двухэтажные домики с фахверковыми конструкциями затерялись среди деревьев. Разглядеть их сложно: каждый домик теперь за забором, а вокруг – нагромождения деревянных сараев и гаражей. Домики явно в плохом состоянии, стеклопакеты и самодельные лоджии создают неряшливое впечатление. А ведь задуман был Рабочий поселок как город-сад, где должно было быть 144 домика, школа, детский сад и амбулатория. Сюда даже приезжали знаменитости и иностранные делегации – посмотреть на город будущего.

Но вскоре выяснилось, что экономически такие поселки невыгодны. Хотя те ивановцы, детство которых прошло в этом квартале, вспоминают о нем с теплотой. И сейчас тут сушатся белье, дети гоняют на самокатах, старики отдыхают на лавочках.

«Дом-подкова» был построен в 1934 году для работников НКВД ивановским архитектором Александром Пановым. Его фасад напоминает подкову, он полукруглый. Треугольные балконы выразительны, но совсем не функциональны

Но туристы, интересующиеся конструктивизмом, оказываются разочарованы.

Если вернуться на проспект Ленина, можно полюбоваться известными в Иванове «домами-метафорами». Только надо учесть, что смотреть на архитектурный авангард лучше с определенных точек, откуда была бы видна «геометрия авангарда». Ведь, глядя на такой дом со двора, вы даже не поймете, к какой эпохе относится здание. Огромное количество вывесок, стеклопакеты и прочий визуальный мусор ухудшают картину. «Дом-подкова», построенный в 1934 году для работников НКВД ивановским архитектором Александром Пановым, производит наилучшее впечатление. Его полукруглый фасад с треугольными балконами, обращенный в сторону улицы Громобоя, полукруглые балконы со стороны двора, сочетание серого и красного кирпича выглядят презентабельно. Что ж, дом для чекистов строили из лучших материалов, по сравнению с домами для трудящихся. Но все равно, жить в домах этой эпохи сложно. Завуч «школы-птицы» Анна Антонец когда-то хотела купить квартиру в доме на улице Громобоя, по соседству с «домом-подковой», но отказалась от этих планов. Внешне дом такой же обшарпанный, как и его ровесники, но квартиры совсем уж неудобные. Огромные коммуналки без кухонь. Уже двадцать лет назад они обветшали. Если идти дальше по проспекту Ленина в сторону Пушкинской площади, то по правую руку вам встретится «дом-пуля» – административное здание УВД Ивановской области. Оно представляет собой «переходный» тип от конструктивизма к сталинского ампиру: авангардные формы сочетаются здесь с классической колоннадой. Однако увидеть дом невозможно: после пожара 2008 года его не восстановили. Он так и стоит, закрытый строительной сеткой, судьба его до сих пор туманна. Как и судьба большинства памятников конструктивизма. ■

ФОТО АВТОРА

ИСКАТЕЛЬ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

– ЧТО ДЕЛАЕШЬ, ЛЕКСЕИЧ? – РАЗДАЕТСЯ В ТЕЛЕФОННОЙ ТРУБКЕ.
– ЗУБЫ ПРОТИРАЮ, – ОТВЕЧАЕТ ХОЗЯИН. – НАДОЕЛО НЕВОЗМОЖНО! ПРОТРУ НАЧИСТО, А ЧЕРЕЗ ДВЕ НЕДЕЛИ ЗУБЫ ОПЯТЬ В ПЫЛИ...
РАЗГОВОР ПРОИСХОДИТ В ТОБОЛЬСКЕ, В КВАРТИРЕ АНАТОЛИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА КОНДАУРОВА – ВЛАДЕЛЬЦА УНИКАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦИИ ЗУБОВ МАМОНТОВ И ПРОЧИХ ИСКОПАЕМЫХ ЖИВОТНЫХ СИБИРИ.

АТМОСФЕРА В ДОМЕ подобающая – таинственный полумрак. Огромная берцовая кость мамонта с вкрапленными фигурками древних охотников, оскалившийся череп бизона,

подсвечник из позвонка мамонта... Зубы – уже протертые, разных форм и калибров – красуются на полках. Есть вполне обычные клыки хищников, но большинство – похожие на тяжелые ботинки с рифленой

подошвой зубы мамонтов. Как ни странно, люди с глубокой древности распознавали в этих «ботинках» зубы. Приписывали их великанам и святым. Так, в средневековой Испании зуб мамонта почитался как мощи святого Христофора. Останки мамонта хранились как реликвии в соборах Вены, Кракова и других европейских городов.

– У нас на верхнем Иртыше нет подобных историй о почитании останков мамонта, – рассказывает Анатолий Алексеевич. – Во всяком случае, я не встречал. На Крайнем Севере у тунгусов такого рода предания имеются, и связаны они с находками больших частей замороженных туш мамонтов. А на Иртыше многие пройдут мимо ископаемых костей, ничего не заметив. Что там зубы! Куски бивней подбрасывают в ручей, чтобы через него перебраться. Сколько раз такое видел – воспринимают

ФОТО АВТОРА

бивни как деревяшки. А зубы мамонта найти непросто: часто они лишь немного выглядывают из песка, ила, тростников. Знаю, что зубы и кости попадают рыбакам в сети. Они просто вытряхивают их на берег. Первое время меня поражали находки на высоком берегу: как там могут появляться останки? После уж разобрался, что это дело рук рыбаков.

Свою первую находку я тоже сделал случайно. На Покурской протоке ловил жерлицами щук. Слышу, вдруг колокольчики на жерлицах загремели. Побежал смотреть. Оказалось, коровы пришли на водопой и мои снасти путают. Ну, я бросил в них камень, чтобы отогнать. Камень ударился о корову и развалился. Тут меня осенило: это же окаменелый зуб! С тех пор мною овладела страсть к поиску ископаемых останков – «мамонтовая лихорадка».

ОТ ДИЛЕТАНТИЗМА К НАУКЕ

Случай с коровой произошел в 1985 году. С тех пор Анатолий Алексеевич добыл на берегах Иртыша и Тобола сотни зубов. Площадь квартиры позволяет выставить около 80 экземпляров. Коллекция Кондаурова, ве-

роятно, самая большая в мире – во всяком случае, другие столь многочисленные собрания зубов мамонтов неизвестны. Идея коллекции незамысловатая: понравившиеся образцы, самые древние – возраст некоторых достигает миллиона лет, патологические зубы и ряд типичных форм «мамонтовой стоматологии».

У мамонта было всего четыре зуба – по одному на каждой челюсти. Жевательная поверхность напоминает домашние деревянные жернова с вбитыми металлическими пластинами. Крепчайшие дентиноэмалевые пластины зубов мамонта способны были перетирать самую суровую пищу: жесткую траву, ветки ивы, лиственни-

Коренные зубы мамонта.

Эти окаменелые «ботинки» имеют неожиданно большой вес

Анатолий Кондауров на реке Демьянке. 2007 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА А. КОНДАУРОВА

цы, сосны. От подобного рациона и такие зубы изнашивались. За жизнь шерстистый мамонт мог пережить шесть смен зубов – три раза менялись молочные и три раза коренные. При этом смены происходили не в вертикальной плоскости, как у человека, а в горизонтальной – новые зубы начинали расти позади имеющихся, подпирали их и постепенно вытесняли. Таким образом, в определенные периоды у мамонта могло быть одновременно шесть, а то и восемь зубов. Когда животное стачивало последние зубы, оно погибало от голода. Иногда прочные зубы – это все, что сохранилось от мамонта. Для ученых ценно и это: по зубам они могут определить возраст и понять многое о жизни животного.

– По натуре я искатель, – продолжает Кондауров. – Сначала научная подоплека поиска меня не интересовала – искал как придется, лихорадочно брал все подряд: зубы, кости. Хранил неправильно, находки разваливались – сколько всего глупого было. Потом взялся за дело серьезно: начал вести дневники, рисовать планы находок, мониторил уровень воды в Иртыше. Окаменелости почти всегда видны на поверхности. Река размывает берег, открывая то, что хранилось тысячелетиями. Либо это линза – вертикальное вкрапление, содержащее целый плейстоценовый мир: останки животных, насекомых, растений. Случается, проплываешь мимо такой линзы, а оттуда череп бизона на тебя смотрит...

Чтобы понять, где вымываются плейстоценовые слои, изучал стратиграфию – есть такой раздел геологии о слоях в толще породы. Раньше я думал, что находки возможны только на правом, высоком и крутом берегу Иртыша. После узнал, что и на левом, болотистом берегу плейстоцен встречается.

Нужно учитывать и среду, где могут сохраниться останки. Таких мест мало. Если это яр, где глина или чистый песок, там никогда окаменения костей

не произойдет, они полностью разложатся. А рыжие пески содержат железо – это самое вероятное место появления окаменелостей. По уровню воды в реке я понимаю, сколько метров на каком бечевнике открылось и куда нужно ехать. Бечевник – от слова «бечева», которую тянули бурлаки. В Сибири так называют ровную отмель вдоль подошвы высокого берега. У меня легкая лодка с мотором, палатка, бензопила, чтобы пропиливать завалы на ручьях. По бечевнику хожу с металлическим щупом, простукиваю показавшиеся из песка предметы. С годами научился по звуку безошибочно различать кость, камень, дерево. Окаменевшая кость издает звонкий звук, как стекло. Если звук глухой – значит, окаменевшее дерево.

СЛОНЫ ЛЫСЫЕ И КАРЛИКОВЫЕ

– Зубы воспринимаются поразному, – объясняет Анатолий Алексеевич. – Одни – с точки зрения красоты, целостности. А для науки интересно найти зубы из раннего плейстоцена – когда еще не было шерстистого мамонта. Первые мамонты появились в Сибири около 300 тысяч лет назад. До того обитали их предки – мастодонты, архидискодоны, прямобивневые слоны, которые не были покрыты шерстью – лысые, как говорят. Скелет такого трогонтериевого слона возрастом около 600 тысяч лет был обнаружен у нас в Тюменской области на севере Уватского района. И в моей коллекции есть находки домамонтной фауны. Например, эмаль зуба мастодонта. Это был очень своеобразный слон с 24 сосковыми зубами. Собственно, «мастодонт» в буквальном переводе означает «соскозуб». В раннем плейстоцене климат в Сибири был намного теплее, растительность мягкая – крепкие зубы-жернова слонам были ни к чему. Моя мечта найти целый зуб мастодонта. Самыми ценными предметами коллекции искатель счита-

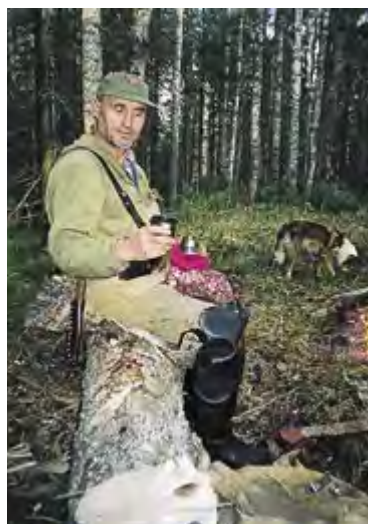

ФОТО АВТОРА

Череп шерстистого носорога. Первые находки черепов этих животных в Европе принимали за останки дракона или единорога

ет черепа пещерных хищников: льва, медведя, волка, росوماхи. Есть надежда, что найдет и пещерную гиену, хотя пока еще нет оснований считать, что Сибирь входила в ареал ее обитания. Пещерной гиены на Иртыше, возможно, и не было, а что касается шерстистых мамонтов – Сибирь и север России сохранили самое широкое видовое разнообразие этих животных. Последние мамонты на планете жили также в России. До не-

давнего времени считалось, что шерстистые мамонты вымерли около 11 тысяч лет назад. В 1993 году на острове Врангеля у берегов Чукотки были найдены зубы мамонтов, возраст которых, согласно радиоуглеродному анализу, составляет 3700 лет. В палеонтологии это было сенсацией. Человека в те времена на острове еще не было – видимо, поэтому животные жили там так долго. И доживали до старости, умирая естественной смертью – на это опять же указывают многочисленные зубы поздних смен. По-прежнему одной из основных причин исчезновения шерстистого мамонта на Земле считается его истребление древними охотниками. Правда, жилось последним мамонтам на острове крайне тяжело. Из-за недостатка пищи и близкородственных скрещиваний животные сильно мельчали, вырастали не более полутора метров в высоту. Типичный же сибирский плейстоценовый мамонт достигал 3,5 метра в высоту и весил около 8 тонн – то есть был тяжелее самых крупных современных слонов.

Экспедиция по реке Малая Бйча в Омской области. 2005 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА А. КОНДАУРОВА

Записка на рабочем столе подсказывает правильность написания терминов костной системы

ФОТО АВТОРА

РИСК РАДИ НАУКИ

– Консервация окаменелых костных останков еще одна наука, которую пришлось освоить. У меня для обработки находок имеется небольшая мастерская за городом. Использую растворы-остефиксы и полиэфирные смолы, которые проникают в структуру кости, надежно ее консервируя. Обработка клеем ПВА, как некоторые делают по старинке, менее эффективна. Конечно, я обрабатываю только останки, не представляющие научного интереса. Потому что любая консервация – это вмешательство в структуру кости, что может повлиять на результаты анализов. Как в случае, например, с радиоуглеродным датированием кости – это сложное, дорогостоящее исследование, которое делают только в Петербурге и Новосибирске. Что интересно ученым, я понимаю, подбираю образцы для них специально – иногда они целую машину останков от меня увозят. Это очень важно. Потому как можно пройти мимо какой-нибудь невзрачной косточки, а палеонтолог с горящими глазами возьмет ее в руки, восклицая: плейстоценовый заяц, какая удача! Однажды я сдал екатеринбургским ученым множество мелких зубов – зачем они мне? Специалисты нашли среди них шесть зубов сабабурской лоша-

ди, которая обитала в Германии. Как она здесь оказалась – никто объяснить не может. Ученые никогда не обрабатывают останки, как бы ни было это рискованно. Однажды мы с моим товарищем археологом Александром Адамовым нашли на Кучуновом городище (Кашлык, или Искер, – столица Сибирского ханства, расположенная в 17 километрах от Тобольска. – Прим. авт.) зуб верблюда. Для региона уникальная находка, которая могла рассказать о связях Сибирского ханства со Средней Азией. Привезли зуб к палеонтологам в Екатеринбург, открываем коробку, а находка превратилась в прах. Окаменение ведь очень сложный процесс, и если, скажем, замещение костной ткани карбонатом железа произошло слабо, то при контакте с кислородом останки быстро рассыпаются.

ФОТО АВТОРА

Неразвившийся бивень мамонта на срезе. Бивень, кстати, это видоизмененный зуб

ЗУБНЫЕ АНОМАЛИИ

– Вот сейчас покажу зуб, глядя на который Косинцев ахнул. – Коллекционер берет с полки тяжеленный «ботинок». – Он совершенно не сточен! Здесь мы имеем дело с какой-то патологией. Видимо, зуб вырос набекрень, жевать мамонт им не мог... И как он, бедный, с тремя зубами жил?

Коллекция Кондаурова уже давно на хорошем счету у ведущих палеонтологов Екатеринбурга, Новосибирска и Москвы. Особенно тесно Анатолий Алексеевич работает с Павлом Андреевичем Косинцевым – старшим научным сотрудником Института экологии растений и животных УрО РАН. Зуб, впечатливший ученого, стал предметом доклада на европейской конференции палеонтологов в Словакии. Так же, как и другой уникальный «экспонат» из коллекции Кондаурова – неразвившийся бивень мамонта. Представляет собой большое черное яйцо, красивое на срезе, словно поделочный камень.

Находки Кондаурова столь многочисленны, что палеонтологи пришли к удивительному для региона верхнего Иртыша выводу: здесь очень мало останков животных позднего плейстоцена – периода 126–12 тысяч лет назад. То, что находок раннего плейстоцена (1,8–0,78 миллиона лет назад) мало – это естественно, останки просто не сохранились. Загадка, почему мало останков позднего периода существования мамонтовой фауны – логично было бы ожидать таких находок в огромном количестве.

А вот музеи находки Кондаурова не интересуют.

– В музеях в лучшем случае выставляют пять-шесть зубов разной смены, – объясняет искатель, – для иллюстрации жизни мамонта. И все. Какие-то редкие экземпляры, аномалии никому не нужны. Я предлагал этот уникальный неразвившийся бивень мамонта Музею палеонтологии в Москве. Отказались.

В коллекции я держу только свои находки. Если мне зуб хоть

самый раскрепасный подарят, я его обязательно сбуду куда-нибудь. Своя находка – это история. Вот, например, зуб цвета желтой охры. У меня сразу картина перед глазами встает: выехал к Инжуринскому яру на Иртыше. Ходил искал – ничего не нашел. Дождь начался, я тент быстро сделал, шашлычок принялся жарить, на рюкзаке стол организовал – опыт полевой жизни у меня огромный. Хорошо сижу и не расстраиваюсь совсем, что никаких находок. Собираюсь уходить, поднимаю рюкзак – под ним зуб этот лежит...

ГАЙКА В СУДЬБЕ

За историями о находках выяснилось, что у коллекционера накопился большой опыт не только полевой жизни. И что этот крепкий мужчина, из которого жизненная энергия бьет ключом, родился в... 1941 году. «Старости нет, ее и быть не должно, – уверен Кондауров. – Есть рождение и взросление, а старость – в голове».

За свою жизнь Анатолий Алексеевич успел стать мастером спорта по боксу, поработать начальником уголовного розыска в одном из районов Тюменской области, был начальником милиции в Тобольске, заведовал юридическим отделом крупнейшего нефтехимического предприятия в регионе. И на пике карьеры ушел в тайгу – семнадцать лет работал охотником-промысловиком. В сентябре заброска на вертолете в глухие леса, в марте – возвращение. Сейчас же Кондауров считает себя в первую очередь писателем...

О причинах ухода с престижной должности в тайгу Кондауров говорит кратко: «Вмешалась наследственная страсть к охоте – отец был промысловым охотником». Отец Анатолия героически погиб во время Великой Отечественной войны в Польше в 1944 году. Оставшееся в наследство старинное немецкое ружье мать продала в голодные послевоенные годы. Анатолий рос шпаной в рабочем поселке Чистозерное Новосибирской об-

Подсвечник-ваза, сделанный из атланта мамонта – первого шейного позвонка

ФОТО АВТОРА

ласти. Но вдруг взялся за ум и поступил в вечернюю школу. Пожертвовал ради учебы головой в прямом смысле слова. Чтобы получить отсрочку на год от армии, приятель раскрутил на веревке гайку и долбанул призывника по голове. «Вот она роль гайки в судьбе, – размышляет Анатолий Алексеевич, – не получи я тогда отсрочку по причине раненной головы, может, и без полного среднего образования остался. И точно не поступил бы прямо из армии в Свердловский юридический институт».

Во время службы в Забайкалье Кондауров увлекся журналистикой – писал в гарнизонную газету «На боевом посту» заметки, фотографировал. Продолжил и после перевода в ракетную часть в Узбекистане. Фотоаппарат «Смена» приходилось зака-

пывать в песок во время проверок – часть была секретная.

– Однажды на учениях, – вспоминает Анатолий, – мне дали задание написать о капитане Ахмадееве – начальнике электроогневого отделения. Выезжаем в пустыню, ставим пусковой стол, ракету поднимаем, ставим штормовые крепления. Ахмадеев с мегафоном командует. Ветер поднимает пыль, песок... В конце очерка я позволил себе сантименты. Написал, как Ахмадеев возвращается домой, сбрасывает запыленную фуражку, расчесывает сбившиеся кудри, обнимается с женой... После успешных учений всех наградили, а меня Ахмадеев искал, чтобы убить. Как оказалось, он был лысый – у него и прозвище было такое. А после публикации его стали звать «Кудрявый». Я оправдывался, что только в фуражке капитана видел и вроде бы кудри изпод нее выбивались.

ЗА ИКОНАМИ, СОБОЛЯМИ И МАМОНТАМИ

Коллекция зубов – не первая в жизни Кондаурова. По натуре он человек увлекающийся и всегда что-то ищет. В 1970-е годы, во времена начальствования над милицией в Тобольске, приятель-психолог показал ему старинную икону. Кондау-

Зуб цвета желтой охры, обнаруженный вдруг под собственным рюкзаком

ФОТО АВТОРА

ФОТО АВТОРА

ров был и остается далеким от церкви человеком. Однако прекрасный женский образ, завернутый в драный свитер, так его впечатлил, что он сделался одним из крупнейших коллекционеров икон в Сибири. А может быть, и в стране? Собрал около 2 тысяч образов – это помимо тех, что сдавал в музеи. В поисках икон ездил по деревням, лазал по чердакам заброшенных домов, если нужно было – отдавал находки на реставрацию. «Закончилось тем, что о моем интересе поползли слухи на всю область, – сетует коллекционер. – Член обкома партии заявил, что я насобирал икон на 2 миллиарда рублей. Я с ним встретился и предлагаю: тебе все отдаю за миллион. Тот пошел на пятую: откуда, мол, я знаю цены на иконы...». Когда интерес прошел, коллекция стала средством бартера. Нужен хороший магнитофон другу для съемок фильма – поменял дефицитный товар в Москве на иконы. Таким же путем в его доме появились прекрасные охотничьи ружья

и ножи... От того увлечения в квартире осталась только одна самая дорогая сердцу икона – великомученицы Варвары. О прошлой семейной жизни распространяться не любит. На вопрос, был ли он женат, обычно отвечает иронически: «Нет, пять раз холост». Называет себя человеком несемейным, но богатым настоящими друзьями. Увлекался Кондауров и поиском древностей с металлоискателем. И тоже серьезно. По натуре он человек такой, что ничем не занимается поверхностно. «Иду по глухой тайге, – вспоминает Анатолий Алексеевич, – где и человека-

Анатолий показывает редкую находку – челюсть пещерного медведя

На берцовой кости мамонта изображена первобытная драма: мужчины сражаются с пещерным львом

ФОТО АВТОРА

то никогда не было. Все равно, не знаю зачем, включил металлоискатель. Как вдруг – подомхом в деревьях звук серебра! Я чуть в обморок не упал от волнения! Деревянной лопаткой потихоньку откопал... серебряную чашу. А на обжитое место пришел – то пробка, то гильза стреляная, то пробка, то гильза. Спрашивается, что они там делали? Пили и стреляли, стреляли и пили».

Находка первого зуба мамонта по времени совпала с перестройкой жизни на таежную. О промысле соболей, всевозможных ловушках, ружьях, выживании в тайге Кондауров знает немало. Охотники и тайга – основные темы его книг, где почти все автобиографично. Рассказывает, например, как готовить таежную рябиновку, выдерживая настойку в муравейнике. Зимой старый муравейник – это еще и спасение для охотника, оказавшегося ночью вдали от своей избушки. Но не все так просто: устроиться на ночлег в муравейнике – целая наука.

Лето промысловик проводил на берегу Иртыша в селе Демьянском на своем «ранчо», как он выражается. По долгу службы занимался заготовкой дикоросов, березовой чаги, рыбы, мяса. Ради интереса собирал зубы и кости ископаемых животных. Рассказы о поиске останков мамонтов – это следующий этап творчества Кондаурова...

Звоню Анатолию Алексеевичу, чтобы согласовать текст статьи. Чтобы никаких «кудрявых» эпизодов, как в его журналистском дебюте, не случилось. Искатель заморожен последними находками: черепом бизона в идеальной сохранности и лопаткой мамонта в такой же фантастической целостности. Утверждает, что в музеях таких образцов нет. Находки не консервировал, ждет палеонтологов для исследований... О протирании зубов от пыли – ни слова. ❶

«ЕСЛИ НАЧНЕТСЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, Я ЭТОГО НЕ ЗАМЕЧУ...»

АВТОР

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ПОЧТИ ДО СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА БОЛЬШИНСТВО ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ИСКЛЮЧАЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ КАКОГО-ЛИБО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЛЕПОГЛУХИХ ЛЮДЕЙ. ПЕРВЫМ ОПРОВЕРГ ЭТО МНЕНИЕ ДОКТОР САМЮЭЛ ХАУИ, ДИРЕКТОР МАССАЧУСЕТСКОЙ ШКОЛЫ ПЕРКИНСА – СТАРЕЙШЕГО В США УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ ДЛЯ НЕЗРЯЧИХ ДЕТЕЙ. ХАУИ УДАЛОСЬ ВОСПИТАТЬ И ОБУЧИТЬ СЛЕПОГЛУХУЮ ЛОРУ БРИДЖМЕН. ИСТОРИЯ СТАЛА ШИРОКО ИЗВЕСТНА БЛАГОДАРЯ ЧАРЛЬЗУ ДИККЕНСУ, ОПИСАВШЕМУ ВСТРЕЧУ С ЛОРОЙ В СВОИХ «АМЕРИКАНСКИХ ЗАМЕТКАХ».

Окончание. Начало см.: «Русский мир.ru» №1 за 2021 год.

Русский
дактильный
алфавит

ОБУЧЕНИЕ ЛОРЫ НА-
чалось в 1837 году,
и эту дату принято
считать рождением
тифлосурдопедагогики – науки
о воспитании и обучении сле-
поглухих людей.

Лора потеряла зрение и слух в
2 года после скарлатины. Хауи,
узнав о девочке от своего колле-
ги, уговорил родителей отдать
ее в школу. Он обучил Лору дак-
тильной азбуке и чтению с по-
мощью выпуклых букв. По тем

временам это был невероятный
успех.

Книга Диккенса сыграла реша-
ющую роль в судьбе Элен Кел-
лер, самой известной слепоглу-
хой женщины, американской
писательницы и общественно-
го деятеля. Она потеряла зрение
и слух после болезни в полто-
ра года. Когда Элен было поч-
ти 7 лет, ее родители прочита-
ли об успехах Лоры Бриджмен
и связались со Школой Перкин-
са. Оттуда в их дом прислали

Для обучения
шрифту Брайля
используется
наборная
строка –
деревянная
колодка
из 10 клеток
с 6 отверстиями.
Буквы
записываются
при помощи
металлических
штифтов

ученицу доктора Хауи, Энн Сал-
ливан. Она посвятила Элен всю
жизнь, и в основном благодаря
ей Келлер стала примером для
людей с ограниченными воз-
можностями. Она – первая в
мире слепоглухая, получившая
университетское образование
и степень доктора философских
наук. В США день ее рождения,
27 июня, объявлен Днем Элен
Келлер, в ее честь созданы два
музея, Элен с книгой на коле-
нях изображена на монете в
25 центов. Воспоминания Элен
Келлер переведены на десят-
ки языков мира. Воспитание
и обучение Элен Келлер аме-
риканский драматург Уильям
Гибсон описал в пьесе «Сотво-
рившая чудо». Он также посвя-
тил ей и ее учительнице пье-
су «Понедельник после чуда».
Эти произведения неоднократ-
но экранизировались.

С годами внимание и к явле-
нию слепоглухоты росло. Школа-
интернат для слепоглухих была
открыта в шведском городе
Скара в 1886 году. Спустя де-
сять лет было основано «Убе-
жище для слепоглухонемых» в
германском Новавесе. В Норве-
гии Рагнхильда Каата первой
из слепоглухих научилась гово-
рить. Во Франции Мари Эрген,
родившуюся глухой и слепой,
удалось научить объясняться
жестами, читать и писать при
помощи шрифта Брайля.

В начале XX века исследователи
пишут уже о 80 случаях успеш-
ного обучения лишенных слу-
ха и зрения людей в различных
странах.

РУССКАЯ ЭЛЕН КЕЛЛЕР

В России одним из инициаторов
обучения слепоглухих детей
стала дочь банковского служа-
щего Екатерина Грачева. В 1894
году она организовала «Приют
Братства во имя Царицы Небес-
ной» для детей с отклонениями
в развитии. Среди воспитанни-
ков были лишенные зрения и
слуха девочка Шура и мальчик
Алексей Федосов.

В 1909 году в Петербурге было
создано «Общество попечения
о слепоглухонемых в России».

На собранные им средства в 1909–1910 годах открылась первая в России школа-приют для слепоглухих детей. Изначально в ней было трое, а к августу 1910 года – уже семеро воспитанников от 4 до 14 лет. Приют стал базой практики для лучших вузов Северной столицы, руководила им Екатерина Грачева. Больше всего с детьми работали ученики Владимира Михайловича Бехтерева из Психоневрологического института. Среди них был и Иван Афанасьевич Соколянский – будущий основатель советской тифлосурдопедагогики.

После революции воспитанники приюта вошли в группу слепоглухих детей, которые обучались при Петроградском отофонетическом институте, позднее ставшем Ленинградским институтом слуха и речи. В последующие годы психологическими исследованиями слепоглухоты занимались параллельно Августа Викторовна Ярмоленко в Ленинграде и Иван Афанасьевич Соколянский в Харькове.

Харьковскую школу-клинику для воспитания детей с проблемами слуха и зрения Соколянский организовал в 1925 году. В ней занимались 9 totalmente слепоглухих ребят разного возраста. Соколянский использовал разработанную им методику «совместно-разделенной деятельности» или, как он ее сам называл, методику «прямой установки». Сначала детей, используя их биологические потребности, обучали навыкам самообслуживания и личной

При обучении ориентированию важно определить сенсорные возможности, которые можно использовать: тактильные ощущения, остаток зрения или слуха

гигиены, приучали к режиму дня. Педагогу принадлежала инициатива действия, которую он по мере усвоения навыка уступал ребенку. Постепенно у маленького человека формировался образ окружающих предметов, он начинал ориентироваться в пространстве и времени, обучался жестовому языку. В 1938 году школу для слепоглухонемых закрыли постановлением Наркомпроса Украины. Соколянского арестовали. Более полутора лет он провел в тюрьме, а после освобождения уехал в Москву. Его учеников причислили к категории глубоко умственно отсталых и

Впереди у Влада еще много дорог, которые ему придется переходить самостоятельно

перевели в инвалидный дом в селе Васищеве, где в период оккупации Харькова в 1941 году они почти все умерли от истощения. Войну пережили только две воспитанницы, одна из которых – Ольга Скороходова. Ее называют русской Элен Келлер. Ольга Скороходова в 8 лет из-за болезни потеряла зрение, а к 14 годам – слух. После смерти матери ее поместили в школу слепых в Одессе, где с ней никто не занимался. В начале 1925 года девочке повезло – ее перевели

Обучение жестовому языку. Слева – преподаватель Ашир Джораев

в харьковскую школу-клинику. К тому времени она утратила устную речь, но благодаря усилиям Соколянского через некоторое время смогла ее восстановить. Ольга по индивидуальной программе окончила школу и собиралась поступать в Ленинградский педагогический институт. Война нарушила планы. Только после освобождения Украины в 1944 году Ольга Ивановна смогла переехать в Москву к своему учителю. В дальнейшем она экстерном получила высшее образование, защитила кандидатскую диссертацию по психологии, была научным сотрудником лаборатории обучения и воспитания слепоглухих Института дефектологии АПН СССР.

– До конца жизни Ольга Ивановна жила одна в двухкомнатной квартире в Черемушках. У нее было два секретаря, которые приходили к ней по очереди. Когда они болели, их заменяли мы, сотрудники лаборатории, – вспоминает Татьяна Басилова, профессор кафедры специальной психологии и реабилитологии МГППУ. – Когда я звонила в дверь, в квартире начинал работать вентилятор, Ольга Ивановна подходила к двери, открывала ее на цепочке, протягивала мне ладошку, я ей говорила «в руку»: «Таня». Тогда она

меня впускала. Ольга Ивановна хорошо пела и помнила многие украинские песни. Она внятно говорила, и ее часто приглашали читать лекции. Учительница моя и моих детей до сих пор помнит ее выступление в пединституте. Ольга Ивановна говорила, положив руку на горло, – так она контролировала громкость своего голоса.

Ольга Скороходова писала стихи, переписывалась с Горьким и Иваном Павловым. Ее дневниковые записи, сделанные во время пребывания в харьковской школе-клинике, изданы отдельной книгой под названием «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир» и переведены на многие языки мира.

Причины одновременной потери слуха и зрения разнообраз-

В доме сопровождаемого проживания для людей с проблемами слуха и зрения

Откровенный разговор

ны. Менингит, скарлатина, внутриутробная краснуха, грипп и другие заболевания. С развитием медицины многих осложнений, приводивших в прошлом к слепоглухоте, стараются не допускать. Например, устанавливают протез, позволяющий компенсировать потерю слуха (кохлеарная имплантация).

Известно более 80 наследственных синдромов, которые могут вызвать слепоглухоту. Наиболее часто встречается синдром Ушера. Неудачный наркоз, травмы также могут повлечь потерю слуха и зрения.

Врожденные нарушения слуха и зрения наблюдаются у недоношенных детей или появившихся на свет в тяжелом состоянии. Несколько десятилетий назад они бы не выжили. Сейчас таких малышей спасают, но, увы, у некоторых из них к слепоте нередко добавляются ДЦП, тугоухость, умственная отсталость, другие проблемы в развитии.

Более всего распространена старческая слепоглухота. Около 60 процентов людей после 70 лет теряют слух и более 20 процентов – зрение. В возрасте до 65 лет слепоглухих людей менее 0,02 процента, после – 0,2 процента.

После пандемии краснухи в 1963–1965 годах число слепоглухих новорожденных в США и Западной Европе резко возросло, и для их обучения и воспитания уже потребовалось создание сети специализированных школ и социальных служб. Инвалиды этой категории получили государственную поддержку. Так, в США и Скандинавских странах им гарантируют бесплатное обучение в специальной школе, предоставляют сопровождающих и переводчиков, транспортные услуги и другие социальные льготы. Несколько высших учебных заведений США готовят педагогов для работы со слепоглухими детьми.

По разным источникам, в мире около миллиона слепоглухих. В России официально их выявлено около 4500, но фактически их втрое больше: по ста-

тистике, один слепоглухой приходится на 10 тысяч. Эти люди содержатся в ПНИ, заперты в своих квартирах, обитают в маленьких поселках и деревнях... Кто-то не может обратиться за помощью, но немало и тех, кто не хочет заявлять о себе. Они живут в замкнутом мире своего маленького «я», опасаются обмана, не верят в себя и в свое будущее, боятся людей и перемен.

НА ПОРОГЕ ПУСТОТЫ

– Не бойся, я переводчик, пойдем... Мы на втором этаже. – Ашир знакомит Влада с «Домом слепоглухих». Подносит его руку к табличке с надписью шрифтом Брайля на каждой из дверей: – Читай... Кабинет для занятий... Столовая...

Влад слепоглухой. Он проводит пальцами по выпуклым точкам, но ему не до чтения из-за волнения и страха. Он только что приехал в Пучково вместе с мамой. Владу 19 лет, но по виду он похож на подростка.

Затем они спускаются на первый этаж. Здесь учебный класс, где осваивают разные ремесла – рукоделие, валяние, шитье, кожаное и гончарное дело. На одной стене иконы – по утрам в этом помещении проводится молебен, на другой – плакат с азбукой Брайля.

– После интерната он полгода сидел дома без общения, – волнуется мама Влада Ольга. – Хочется, чтобы он не забывал, чему его научили.

– Как вы его дома обучаете? Как общаетесь с ним?

– Никак. Я жестовый язык не знаю, только несколько бытовых движений. Стыдно, должна была бы выучить – но где? Мы привыкли, что он в интернате, радовались за него... У меня еще двое детей, младшему 4 года...

Голос Ольги дрожит, она начинает что-то искать в сумке, стараясь как можно ниже опустить лицо.

– Надо с ним заниматься, и все будет хорошо, – успокаивает ее Ашир.

Алена Капустьян (слева) со своим тьютором Дарьей

При некоторых школах для глухих детей существуют курсы жестового языка для родителей. Но это скорее исключение, чем правило. Все знают, что надо обучать средствам общения глухих детей, но мало кто задумывается, что это не меньше необходимо и их родителям.

В клетке на лестничной площадке второго этажа живут два волнистых попугайчика. Это их чириканье слышно во всем здании. В окно светит солнце. В деревянный пол вмонтированы желтые пупырчатые полосы. Наступая на них, Влад на мгновение замирает и начина-

ет двигаться осторожнее. Вот он уже самостоятельно поднимается по крутым ступенькам на третий этаж, крепко держась за перила.

Ашир подводит Влада к шкафу для одежды. Тот ощупывает его содержимое, достает плечики, пытается надеть на них свою куртку, но вешалка выскальзывает из его дрожащих рук.

– Молодец! – Переводчик хвалит Влада и одобительно гладит его по плечу. – Он очень осторожно держит руку, легко, не напрягает. Ждет, когда я начну с ним разговаривать.

Из-за родовой травмы у Влада в детстве пропал слух, а через

Благодаря волнистым попугайчикам в «Доме слепоглухих» почти не бывает тишины

Скоро Влад сможет передвигаться по дому самостоятельно

несколько лет и зрение. С 5 лет он учился в сергиево-посадском интернате.

Появление в семье такого ребенка большой стресс для родителей. У нас нет системы поддержки и сопровождения таких семей, как в Европе, где специальные консультанты помогают близким в воспитании, контролируют и координируют развитие и обучение особого ребенка. Во многих странах уже отказываются от интернатов, стараясь по возможности растить детей с ограниченными возможностями в семьях и обучать в ближайших к дому школах. В России неразвитость системы ранней диагностики врожденных нарушений слуха и зрения нередко приводит к тому, что необратимо упускается время.

Сергиево-посадский интернат сейчас закрыт на ремонт. Кого можно, отправили по домам, в том числе и Влада. После нескольких месяцев сидения дома Ольга поняла, что сыну грозит деградация.

– Нам посоветовали обратиться в соцзащиту, – рассказывает она. – Но они только плечами пожали, мол, у нас ничего

подходящего нет. Есть реабилитационные центры какие-то для тех, кому до 18 лет, а Владу уже 19.

В Пучкове Влад будет месяц учиться самостоятельной жизни. Начнет с самого простого: утром он должен встать, заправить постель и умыться. Он запомнит, где что находится, и бу-

На уроках ремесла можно дать волю фантазии

Солнечным утром перед занятиями

дет свободно передвигаться по дому. Затем предстоит курс социокультурной реабилитации. Ориентирование и перемещение в пространстве. Надо ходить с тростью, распознавать препятствия, освоить приемы обследования зданий и незнакомых интерьеров. Наконец, штопать, пришивать пуговицу, ставить заплату, гладить и стирать. Он немного знает Брайль, педагоги будут добиваться, чтобы Влад свободно читал и писал на нем. Далее – обучение компьютерной грамотности.

При этом дальнейшие перспективы Влада туманны, как и будущее большинства выпускников специализированных интернатов, у которых умерли родители и не осталось других родственников, а также людей, потерявших зрение и слух в пожилом возрасте.

Что касается последних, многое зависит от самого человека. Чем выше культура и уровень образования, чем сильнее развита готовность общаться, тем больше человек ценится друзьями и тем меньше шансов у него попасть в ПНИ. Есть немало примеров, когда после смерти родных слепоглухих людей поддерживали друзья, брали к себе жить. И напротив, от людей с тяжелым характером порой отказываются родственники, потому что просто не могут справиться. Бывает и так, что родные сдают беспомощных людей в интернат, чтобы избавиться от них или получить жилплощадь.

Выходом для таких, как Влад, была бы предоставляемая госу-

дарством квартира или комната в доме сопровождаемого проживания. Там люди с ограниченными возможностями живут под присмотром специалистов в условиях, близких к домашним. По возможности сами обслуживают себя: готовят еду, убирают, стирают, планируют собственный бюджет. Благотворительные общества и фонды пытаются выявлять слепоглухих людей в ПНИ и переселять в такие дома. Но пока это лишь единичные счастливицы. Да и мест подобных крайне мало.

Сейчас дом сопровождаемого проживания строится в Пучкове. В нем поселятся 8 человек, в том числе один колясочник. Они смогут трудиться в одной из артелей, которые действуют при «Доме слепоглухих».

При этом надо учитывать: квартиры и дома сопровождаемого проживания очень эффективны, но нужно платить за их аренду, а также сотрудникам, которые там работают. Это не всегда под силу благотворительным фондам или родителям.

– У нас в стране, по сути, нет государственной поддержки таких людей. Государство все перекладывает на фонды, волонтеров, дает какие-то гранты, – считает профессор Татьяна Басилова. – Но ситуация сложная. У нас огромная проблема со стариками. На Западе система социальной защиты в большей степени направлена на пожилых людей. Самое большое число специалистов по слепоглухоте сопровождают

Слепота не мешает Елене Федосеевой вести деятельный образ жизни. Она журналист, преподаватель бытовой реабилитации, директор благотворительного фонда «Дом слепоглухих», руководитель проекта «Активная и самостоятельная жизнь людей с инвалидностью по слуху и зрению»

Николай Хлудов – преподаватель компьютерной грамотности. Несмотря на отсутствие зрения, он получил высшее экономическое образование и сертификат коуча

взрослых и стариков. Там готовят социальных работников, которые владеют разными методами общения с людьми с ограниченными возможностями. Они также помогают семьям наладить контакт со слепоглухим родственником. У нас же все очень ненадежно, потому что в основном держится на энтузиазме. Такое положение требует самопожертвования от специалистов и волонтеров, а энтузиазма не всегда хватает, и в любой момент все может прерваться, остановиться, например в случае болезни человека, который отдает свое дело все силы и время.

Психолог Ирина Моисеева на занятии с Владом

ЗАЛОЖНИКИ УДАЧИ

– В полтора года Алена Капустян утратила слух. В 5 лет она увлеклась рисованием, и родители хотели отдать ее в художественную школу. Но в 6 лет Алена ослепла. – Хрупкая девушка с двумя косичками, переброшенными на грудь, со сцены рассказывает о себе на жестовом языке. – Операция на глаза была в конце мая. Светило яркое солнце... На миг Алена увидела что-то похожее на осколки зеркал... И потом наступила темнота. Она помнит, как тро-

ный философ Эвальд Васильевич Ильенков.

В 1971 году четверо воспитанников детского дома поступили в МГУ.

Сначала они учились на общих основаниях со всеми студентами, но у каждого был свой переводчик. Вскоре выяснилось, что переводчики не успевают за темпом лекций, и решено было выделить слепоглухих студентов в отдельную группу. Они жили в школе, куда к ним приезжали преподаватели, читали лекции и проводили семинары. Для занятий был сконструирован прибор – телетактор, который переводил текст лектора, набранный на печатной машинке, в брайлевские буквы на устройствах студентов. Лекции записывались на магнитофон, и их расшифровывали и распечатывали шрифтом Брайля незрячие студенты, работу которых оплачивал университет. Были выделены средства на перепечатку по Брайлю необходимой учебной литературы.

В 1977 году все четверо окончили МГУ и получили направления в лабораторию теоретических проблем психологии деятельности НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР.

– Я выбрал философский факультет, – вспоминает Сергей Сироткин. – А Наталья Корнеева, Юрий Лернер и Александр Суворов пошли на психологический факультет. Я отучился семестр, сдал все экзамены на отлично. Но обучать меня одного было слишком дорого. Так что я тоже перешел на психологический факультет и окончил университет с красным дипломом. А позже защитил диссертацию по философии.

Соколянский и Мещеряков в 1980 году посмертно были удостоены Государственной премии СССР. В последующие годы было несколько случаев, когда слепоглухие люди окончили высшие учебные заведения, некоторые даже получили ученую степень, но о них

гала мамины губы, пытаюсь понять, что та хотела сказать...

В 2017 году на сцене Лондонского театра Gtraeae с большим успехом прошел спектакль «Прикасаемые», где наравне с профессиональными исполнителями играют слепоглухие актеры из России, Великобритании, Франции. В основе пьесы истории реальных людей, а также дневники Элен Келлер и Ольги Скороходовой. Персонажи принадлежат к разным поколениям, народам, социальным слоям, но у всех есть общее. Для каждого когда-то мир, полный звуков, красок и света, сменился безмолвием и темнотой.

– Я хотел докричаться до мира здоровых... Это стало моей задачей. Как объяснить зрячим и слышащим, что я хочу быть вместе со всеми вами? Я хочу предложить всему миру и ближайшим окружающим людям вместе искать эти пути друг к другу... – звучат со сцены слова Александра Суворова. Он – один из участников так называемого «загорского эксперимента». Соколянский и его последователи старались добиться максимальной социальной реабилитации слепоглухих людей в мире зрячешлышащих. В 1963 году в Загорске

(ныне Сергиев Посад) был открыт детский дом для слепоглухонемых детей. Одним из его основателей был психолог и дефектолог Александр Иванович Мещеряков.

В детском доме обучались 50 детей из разных регионов СССР. Каждый учился по индивидуальной программе, разработанной квалифицированными специалистами. За этой практикой наблюдал извест-

Машинка
для печатания
шрифтом Брайля

Ответственный
момент –
установка
нужной
программы

широко не говорили и не писали. И далеко не все из них после получения диплома смогли найти работу. А результаты самого эксперимента до сих пор не получили среди ученых однозначной оценки.

– Основная проблема слепоглухих это отношение к ним здоровых людей, – считает Сергей Сироткин. – Я это испытал на себе. Они с недоверием относятся к возможностям инвалидов, в том числе слепоглухих, стараются не привлекать их к активной жизни, считая, что они ни на что не способны. Среди нас, как и среди зрячеслышащих, есть разные люди – целеустремленные и активные, инертные и пассивные, которые ни к чему не стремятся и не верят в свои возможности, часто из-за неправильного воспитания и развития. Надо обучать слепоглухих людей разным видам деятельности, готовить из них квалифицированных специалистов, создавать условия для их самореализации, чтобы они стремились быть полезными, а не жили на хлебниках.

Сергей Сироткин – один из последних учеников Ивана Афанасьевича Соколянского. К 5 годам он перестал видеть, к 7 годам – слышать. В школе слепых он освоил дактилологию и язык жестов. После открытия Загорского детского дома для слепоглухонемых перешел туда. Сейчас Сергей Алексеевич заведующий сектором социальной реабилитации слепоглухих Института профессиональной реабилитации и подготовки персонала «Реаконм», председатель Постоянной комиссии по делам слепоглухих при Европейском союзе слепых.

Вдохновленные историей и примером своего руководителя сотрудники «Дома слепоглухих» решили повторить «загорский эксперимент».

– Мы хотим заложить систему образования, которая позволила бы слепоглухим оканчивать вузы и трудиться по специаль-

Занятия в бассейне
одни из самых любимых

Прежде чем приступить к освоению незнакомого пространства, полагаются собрать его макет

ности, – делится планами заместитель директора «Дома слепоглухих» Мария Зеленина. – Алена Капустян окончила 9 классов в сергиево-посадском интернате и хотела учиться дальше.

Алена поступила в колледж Российского государственного социального университета на платное отделение. Она выбрала специальность «социальный работник», на которую бюджетных мест не предусмотрено.

Девушка живет одна в общежитии и не любит, когда ее слишком опекают. Ходит на занятия в колледж на общих основаниях. Кладет под подушку будильник и просыпается от его вибрации. На завтрак обыч-

но съедает бутерброд, йогурт и чай.

У нее два сменных ассистента – тьютора. Во время лекции тьютор печатает сказанное преподавателем на компьютере, а Алена тут же читает текст на брайлевском дисплее.

Когда она прикладывает руку к горлу говорящего, то по вибрации в основном понимает, что тот говорит.

– Я слышу, когда кто-то заходит в комнату, узнаю знакомых по запаху, голосу. Не понимаю слов, но улавливаю интонацию, манеру говорить, – рассказывает Алена. – Чувствую настроение человека, например своего партнера по спектаклю «Прикасаемые». Сначала я стеснялась ходить по сцене. На полу было сделано специальное рельефное покрытие, по которому мы ориентировались. Мы со зрячеслышащими актерами разработали свои знаки и сигналы, они выучили дактиль. Однокурсники относятся ко мне хорошо, но как к ребенку, а мне бы хотелось, чтобы они считали меня равной. Я это чувствую, когда сравниваю, как они общаются между собой и со мной.

В свободное время, которого почти нет, Алена просматривает социальные сети, читает, в ос-

У отца Льва для каждого найдется доброе слово

новном художественную литературу и книги по философии. Она любит знакомиться с новыми людьми, ее интересует, чем они занимаются и увлекаются. На чемпионате профмастерства среди людей с ограниченными возможностями она продемонстрировала свое умение делать косметический массаж и заняла второе место. Если во время «загорского эксперимента» четверо слепоглу-

хих студентов полностью учились за счет государства, то сейчас все держится на чистом энтузиазме. Чтобы оплачивать Алене учебу и ассистентов, приходится периодически объявлять сбор необходимых средств. Истории успешных слепоглухих людей чем-то похожи. Все герои встречали на своем пути неординарных специалистов, которые терпеливо и самоотверженно, год за годом вытаскивали их из омут мрака и тишины и видели в

День рождения учащегося – праздник для всего Дома

самореализации своих учеников цель собственных усилий. «Плывет огромный корабль, на нем все человечество, но некоторые пассажиры оказываются по тем или иным причинам за бортом – так описывает образ слепоглухоты Александр Суворов в своей книге «Слепоглухой в мире зрячеслышащих». – И вот что лучше – постараться их всех выловить и вернуть на борт так или иначе или поместить в отдельную шлюпку, которую буксировать? Корабль – общечеловеческая культура, а шлюпка – особая, инвалидная: слепая, глухая, слепоглухая, безногая, безрукая... Я всю жизнь карабкался на этот корабль, уж как мог, и мне всю жизнь в этом помогали...». Конечно, важно, что все самореализовавшиеся слепоглухие обладали сильным характером и волей, стремлением к самостоятельности и развитию. Но без интенсивной, постоянной помощи и поддержки извне, а часто и самопожертвования педагогов и семьи вряд ли бы они оказались на «корабле цивилизации». Как сделать так, чтобы каждый смог попасть на общий корабль вне зависимости от счастливого случая? Чтобы никого не осталось ни в шлюпке, ни за бортом? Или горькое признание слепоглухой Фини в финале фильма Вернера Херцога: «Если начнется мировая война, я этого не замечу» – отражает неизбежный удел подавляющего большинства таких, как она? В XXI веке не хочется с этим мириться. ■

Вид из окна «Дома слепоглухих» – храм Казанской иконы Божией Матери

ТРОПА В КОМАРОВСКИЙ СКИТ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

АЛЛА УМЫВАЕТСЯ ВОДОЙ ИЗ ОСИНКОВСКОГО КОЛОДЧИКА. А МОРОЗ-ТО – ЛЮТЫЙ! Я ПОЕЖИЛСЯ И ОТВЕРНУЛСЯ. БЫЛО НЕЛОВКО: МОИ ПОПУТЧИЦЫ СТОЛПИЛИСЬ ВОКРУГ ВЕДРА, ЧЕРПАЛИ ИЗ НЕГО ЛЕДЯНУЮ ВОДУ И ПИЛИ ЕЕ. «А ВЫ?» – СПРОСИЛА МЕНЯ АЛЛА. Я СНОВА ПОЕЖИЛСЯ. И ОТКАЗАЛСЯ.

В ОДУ НАБИРАЮТ В КОЛОДЧИКЕ, над которым построена крошечная деревянная часовня. В самой часовне ни пить, ни умываться нельзя. Колодчик неплотно закрывается тяжелым люком, который наш экскурсовод Маргарита Алмазова подпирает толстым березовым суком. Иначе люк примерзнет и его потом не поднять.

ЛЕСНОЙ КОЛОДЧИК

Маргарита тушит свечи пальцами. Мы выходим из часовенки, дверь оставляем незапертой. Мало кто рискнет в такие морозы пробираться вглубь глухого леса к Осинковскому колодчику. Он расположен в чаще, на берегу реки Кувычихи, неподалеку от деревни Осинки Семеновского района Нижегородской области. В XVII–XIX веках в этих лесах на-

считывалось несколько десятков старообрядческих скитов.

Вот и у Осинковского колодчика раньше был скит старообрядцев-софонтиевцев. По преданию, он был razoren в правление Петра I. Считается, что иноки спрятали Святые Дары в колодчике, а сами заперлись в овине и устроили самосожжение. О последнем Маргарита говорит осторожно: никто в точности не знает, что и как тогда происходило. И призывает всех нас быть внимательными при переходе через речку Кувычиху. Мостик почти не видно: занесло снегом. Мы идем след в след. Снег громко хрустит, мои попутчицы тихо переговариваются, кажется, подбадривают друг друга.

– А правда, что в Кувычихе еще долго потом находили остатки келий? – спрашивает Маргариту Алла Сюбаева, когда все преодолевают скользкий мостик.

Рядом с Осинковским колодчиком существовал древлеправославный скит «Софонтиева толку»

Алла тоже экскурсовод. С антропологом Маргаритой Алмазовой она познакомилась в городе Семенове, куда привезла группу на экскурсию в старообрядческий храм. Там они и встретились. Разговорились. Алла водит экскурсии в действующий старообрядческий Малиновский скит. В Семенове бывает часто, а вот пробираться вглубь керженских лесов ей одной боязно. Поэтому когда Маргарита предложила поход по керженским лесам с посещением знаменитого Комаровского скита, отказываться не стала. Не испугались мороза и еще несколько женщин. Как выяснилось, туристами не робкого десятка оказались сотрудницы музеев Нижнего Новгорода.

Впереди – старое, утопающее в снегу кладбище. Сугробы глубокие. Голбцы – в снежных шапках. В трещины на их перекладинах забились хвоя. Маргарита ведет нас в разрушенную старообрядческую моленную, которая прячется за большой елью. Видно, что недавно здесь кто-то побывал, жгли вещи и книги. Это не вандализм. Местные старообрядцы из соседних сел приносят на это кладбище то, чем не пользуются дома после умерших: иконы, крестики, старые книги, лестовки... Мы молча рассматриваем запорошенные снегом желтые страницы с обуглившимися краями. Старославянский шрифт, красные буквицы... На почерневшем от старости бревне висит выдавшая виды лестовка...

Как только наша группа выбирается на тропу, ведущую из леса,

поднимается гвалт. Маргариту забрасывают вопросами. Где тут жил преподобный Софонтий? Далеко ли отсюда Семибратская долина? Алла Сюбаева рассказывает, что ее предки – старообрядцы из Воскресенского района. Оксана Ольшанская сообщает, что ее бабушка с Малых Прудов тоже была старообрядкой. Меж тем я нахожу на тропинке потерянную кем-то варежку и пытаюсь отыскать хозяйку. Тщетно: попутчицы меня не слушают. Кроме Маргариты. «Сегодня температура экстремальная! – кричит она. – Мы можем замерзнуть, если будем попусту терять время. Варежки, пожалуйста, не теряйте! Нам еще надо добраться до Комаровского скита!»

Женщины отогревают руки дыханием, растирают щеки. Кто-то пьет горячий чай из термоса. Маргарита потирает: пора прощаться с Осинковским колodчиком.

Маргарита Алмазова в старообрядческом молебном сарафане и настоятель древлеправославной церкви в Малом Зиновьеве о. Николай

Эту старообрядческую икону принесли в храм прихожане

МАЛОЕ ЗИНОВЬЕВО

Группа добралась до машины, не потеряв больше ни одной варежки. Пока за окном мелькают сказочные керженские леса, Маргарита продолжает рассказ. По преданию, после раскола семь соловецких монахов пришли в долину реки Санохты – правого притока Керженца – и поставили здесь первые кельи. С тех пор это место стали называть Семибратской долиной. Бывшие соловецкие монахи руководили общинами поповцев на Керженце. Позже преподоб-

ный Софонтий стал духовным лидером керженского старообрядчества, принимая в скиты и переходящих из официальной церкви священнослужителей. Один из таких, Никифор, переселился с несколькими старцами-кержаками на уральские заводы Демидова, положив начало созданию старообрядческих скитов на Урале. Здешние места, где когда-то существовали старообрядческие скиты, Маргарита за последние десять лет обошла пешком. Познакомилась с местными жите-

лями. Кстати, в самом начале похода она предупредила, чтобы мы ни в коем случае не называли старообрядцев раскольниками. Они обидятся.

По дороге к Комаровскому скиту мы остановились передохнуть в деревне Малое Зиновьево и отправились на службу в древлеправославную церковь Казанской иконы Божией Матери. Маргарита приготовила сюрприз: привезла с собой старообрядческий моельный косоклинный сарафан. Спинка у него заканчивается «сорочьим хвостом», прикрывающим ноги во время поклонов. В нем она отстояла службу в церкви. После службы экскурсантки обступают Маргариту, интересуются, где можно взять такой сарафан. Алмазова советует устроиться в старообрядческую церковь уборщицей, как это сделала она. Бабушки приносят в церковь и сарафаны, и занавески шитые, и подручники. Настоятель церкви деревни Малое Зиновьево отец Николай кивает: верно, верно. Вот он не так давно отвез в Малиновский скит два мешка моельных сарафанов, которые ему принесли из местных деревень и сел. А в самой церкви у одного из окон вывешено иерейское облачение, подаренное отцу Николаю во вре-

мя службы в Новозыбкове, где он окончил духовное училище. До него этим облачением пользовалось не менее 20 священников. Кстати, это Маргарита уговорила отца Николая выставить старинные епитрахиль, поручи, фелонь, палицу и скуфью... Сейчас их внимательно рассматривает методист музея-заповедника «Щёлоковский хутор» Елена

На эту старо-
обрядческую
фелонь обра-
тили внимание
нижегородские
специалисты

Коренная
кержачка Ирина
Григорьевна
Санникова

Шабалина. «Чудо как сохранились!» – восхищается она.

Я замечаю на лавке потрепанный переплет и обрез старопечатного тома, тускло желтеющий в стопке современных книг. Праздничная минея. «Принесли люди. Так... Вот! «Начата быть в печати сия вдохновенная книга минея праздничная в лето семь тысяч сто пятьдесят восьмого года месяца декабря в двадцать первый день на память святой мученицы Иулиании иже нашего Петра Митрополита Московского Чудотворца в памятное лето благочестивой державы царства его государя царя великого князя Алексея Михайловича всея России совершена быть в то же лето...». Слушаете? – оглядывается отец Николай. – «В десятое лето царствование отца и его богомольца Иосифа патриарха Всея Руси»... Книга – современница протопопа Аввакума!»

После службы в церкви остались певчая Елена Журова и начетчица Ирина Григорьевна Санникова. Обе – из коренных керженских старообрядцев. Санникова плотно укутана в теплую шаль, из-под черной юбки выглядывают валенки. Рассказывает, что ее девичья фамилия – Абакумова, здесь ее произносят Аввакумова. «Совсем как у протопопа!» – восхищаются нижегородские музейщицы и засыпают ее вопросами о своих предках-старообрядцах, живших поблизости. Алла Сюбаева спрашивает, не знает ли Ирина Григорьевна Заморошкиных. А Оксана Олшанская вспоминает: с мамой ездила в деревню Малые Пруды, что рядом с Малым Зиновьевом, к Логиновой Александре. Может, Ирина Григорьевна помнит ее? – Вы все время ее перебиваете, она не может до конца рассказать, – усмиряет женщин Маргарита. – А ведь ее родственники Абакумовы Малиновский скит восстанавливали!

Ирина Григорьевна рассказывает, что когда ее родители строились в деревне, то место под избу им предложила баба Дарья, которая потом доживала свои

дни у Абакумовых. От нее же в семье остались иконы керженского Шарпанского скита, которые бабе Дарье подарила одна из последних его насельниц. Позже их у Абакумовых украли. После этого Ирина Григорьевна стала постоянно бывать в Шарпанском скиту. И когда работала в сельской библиотеке и вела краеведческий кружок, то постоянно ходила с детьми в походы на Шарпань. Нередко совершала паломничество и в Комаровский скит, о котором собрала немало сведений.

Маргарита обнимает миниатюрную Ирину Григорьевну. Становится ясно, что этих двух кержачек связывает нежная дружба. Санникова, стесняясь, просит Маргариту привезти ей при случае текст семнадцатой кафизмы. А то ей самой в Семенов выбрать не под силу. «Будь у меня ноги потверже, я бы с вами в Комаровский скит тоже отправилась», — вздыхает Ирина Григорьевна. Маргарита снова всех торопит: нам пора ехать дальше, зимний день короток. Священник выходит на крыльцо, чтобы проводить нас. «Так вы в Комаровский скит собрались? В такой мороз?» — удивляется отец Николай. С крыльца он не уходит до тех пор, пока наш микроавтобус не отъезжает от церкви.

Дальше на пути в Комаровский скит мы не встречаем ни одного человека. Вокруг только лес, снег и кресты. Кресты под снегом. Над снегом. В снегу. Ими отмечены места старообрядческих святынь. У одной из них Маргарита останавливает автобус. Мы выходим. Это кладбище, сложившееся вокруг могилы схимницы Феодосии, жившей в начале XVIII века и пользовавшейся большим уважением местных старообрядцев. Могилы — единственные свидетели существования скитов. Многие деревенские погосты образовались вокруг могил местночтимых святых.

Здесь имеется памятная табличка. 40 таких табличек, сообщающих о «памятниках истории и культуры старообрядчества —

Этот дом когда-то перевезли в деревню из скита

древлеправославных керженских скитах», установлены в этих лесах. Средства на них, как и на обновление крестов, собирались в рамках проекта «Кержаки».

Границы этого погоста недавно нарушили лесорубы. Маргарите пришлось даже повоевать, чтобы восстановить охранную территорию. Вместе с единомышленниками ей удалось навести порядок. Это именно они расчистили путь до Комаровского скита накануне нашей поездки. Вот только будет ли дорога расчищена до конца? И сколько придется нам идти по снежной целине? Эти вопросы сильно волнуют Маргариту.

ТРИ МАНЕФЫ

Сносно доехать мы смогли лишь до не существующей уже деревни Комарово. Затем микроавтобус медленно пополз по полю, известному как «Сорок кладбищ»: здесь когда-то были как мужские, так и женские обители. Дальше — пешком. Вроде недалеко до Комаровского скита, но идти надо по непролазной снежной целине. «Летом тут дороги нет. А сейчас есть. Чудеса! — Маргарита явно старается приободрить нас. — По болоту начистили нам путь. Вы первые, кто попал сюда зимой! Летом здесь много травы, листы, комаров... Трава — в человеческий рост. В ней — змеи. Мы с Ириной

На останках старообрядческой молельной...

Гробница инокосимницы Фотины, похороненной в лесу между Комаровским и Улангерским скитами. По легенде, записанной П.И. Мельниковым-Печерским, старица Фотинья была будто бы царевной Софьей Алексеевной, бежавшей на Керженец

Григорьевной как-то пришли к Манефе и заплутали. Ирина Григорьевна тогда остановилась, задумалась и сказала, что Манефа ее в другую сторону позвала». Манефа – это Манефа Последняя. Так называли последнюю настоятельницу Манефиной обители Комаровского скита. Сама обитель была основана в конце XVIII века Манефой Старой и по ее фамилии называлась Осокиной. Манефиной она стала зваться уже при другой настоятельнице – Манефе Новой, скончавшейся в

1877 году. Она же была прототипом одной из героинь романов Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах». На месте обители сохранились почитаемые старообрядцами могилы Манефы Старой и Манефы Последней, которая умерла в 1934 году. На надгробии Манефы Старой можно еще прочитать полустертую надпись: «Духовные моя сестры и спостницы не забудьте мне егда молитесь но видевше мой гроб поминайте мою любовь и молитесь Христу да учинит дух мои с праведными.

В сердце Комаровского скита – надгробие Манефы Старой

Сооружен сей памятник усердием преданного духом к покойной Московской первой гильдии купца Филиппа Яковлевича Касаткина 1818 года июня 3 дня. Москва». О романах Мельникова-Печерского мы говорим, пока пробираемся через сугробы. Маргарита уточняет: писатель создал в романах собирательный образ. В своей героине он объединил черты Манефы и настоятельницы Оленевского скита – матушки Маргариты. А вот местом действия романов выбрал Комаровский скит, потому что часто здесь бывал и мог в подробностях описать местный быт. Алмазова говорит, что описания в романе близки к реальности. В Комаровский скит действительно приходили девушки из города. Скит в то время выполнял роль социального института, где можно было хорошо выучиться вышивать, читать и писать. «Отцы семейств с гордостью говорили: моя-то в скитах училась вышивать, – объясняет Маргарита. – Французскому языку, конечно, не учили, но говорили воспитанницы скитов грамотно!» Тихо. Ветра нет. Вот он – знаменитый Комаровский скит, описание которого уже после прочтения Мельникова-Печерского оставила Зинаида Гиппиус, когда побывала тут вместе с мужем Дмитрием Мережковским. Петербургских гостей в Комаровском скиту даже в моленную пустили... Но где все это? Только поклонный крест сиротливо стоит в поле. Табличка на нем сообщает, что здесь в начале XIX века было 35 обителей и около 2 тысяч насельниц. Скит составляли несколько улиц с двухэтажными избами, соединенными многочисленными переходами. Сейчас Комаровский скит – бывшая «столица» керженских скитов – обитель вьюг и холода.

Основан Комаровский скит был в конце XVII – начале XVIII века неким старообрядцем Комаром, по имени которого и был назван скит. Известность он получил после московской чумы 1771 года: именно тогда в Комаровский скит пришли Игнатий

Потемкин, Иона Курносый и Манефа Старая, ставшие впоследствии известными и почитаемыми насельниками.

О чуме мы вспомнили неслучайно. Летом и осенью прошлого года Маргарита приводила сюда несколько экскурсий. «Знаете, кто были самые частые гости? – говорит она. – Врачи и медработники из Нижнего Новгорода. Во время борьбы с пандемией они настолько устали и были опустошены духовно, что приезжали сюда, чтобы набраться сил, терпения и твердости. Это им очень требуется сейчас».

Маргарита тоже приходит сюда за силой. Кстати, мать ее, Лариса Сергеевна, знала трех сестер – последних насельниц Комаровского скита. Одна из них, Алевтина, еще девочкой ослепла после оспы, и отец согласился отпустить ее в Комаровский скит. Две сестры ушли с Алевтиной и стали ухаживать за ней. Одна из сестер, Екатерина, после закрытия скита в 1927 году и стала няней мамы Маргариты. А Алевтина доживала свои дни в доме сестры деда Алмазовой. Когда Маргарита начала писать диссертацию о старообрядчестве, то расспрашивала родных о Комаровском ските. И отыскала в старом семейном сундуке схиму Алевтины. Это одеяние Маргарита показала на Международном форуме старообрядцев в Москве, где его признали важным памятником старообрядческой культуры. Сейчас схима хранится в алтаре старообрядческого семеновского храма Николая Чудотворца.

– Я была потрясена, когда обнаружила, что надпись на схиме Алевтины совпадает с надписью на надгробии матушки Манефы, – говорит Маргарита. – Мы последние, кто видит это надгробие в таком состоянии. В советское время его пытались расколоть. Весной оно станет другим. Его реставрацией займется Петр Абакумов – племянник Ирины Григорьевны из Малого Зиновьева.

...Следующим утром я нахожу Маргариту в семеновском храме Николая Чудотворца: она пообещала показать место, где

Кому не захочется обнять четырехсотлетнюю Улангерскую сосну, растущую на месте одноименного скита?

Маргарита Алмазова живет керженскими скитами

похоронена мать Мельникова-Печерского. О том, что на погосте семеновского старообрядческого храма во имя Всех Святых находится могила матери писателя, Маргарита узнала недавно. Но сначала нам нужно зайти к старообрядке Екатерине, чтобы забрать новенькую табличку, изготовленную в рамках проекта «Кержаки». Пока мы несем табличку, я успеваю прочитывать

надпись на ней: «Здесь погребены тела рабы Божией из дворян титулярной советницы Анны Павловны Мельниковой, скончавшейся 1835 года месяца июля 29 числа пополудни 5 часов 3 четверти, жития ее было 36 лет 10 месяцев 10 дней и с ней лежат 4 младенца дочери ее: Варвара, Елизавета, Наталья и Мария». «А на правой стороне памятника, – объясняет Маргарита, – было написано: «Сей памятник воздвиг первой муж и друг, а последних родитель Иван Мельников». Там же было приписано: «Иван Мельников – отец известного писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского».

Табличку Маргарита передает хозяйке церковной лавки, предупреждая, что о ее размещении на безымянном кресте есть договоренность с настоятелем прихода. Женщина охает, узнав, что на погосте церкви похоронена мать того самого Мельникова-Печерского. Конечно, она читала его романы и про скиты слышана! Церковница присматривается к гостье и улыбается. Черноволосая, со строгими чертами лица Маргарита в своей сшитой на старинный манер шубейке, в шали наверняка представляется ей скитницей, героиней Мельникова-Печерского, пришедшей в город из глуши керженского леса... ❧

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru